

№ 9(188)
2005

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-Университет”

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный директор
редакции)
НОВИКОВ Ю.Д.
(заместитель главного редактора)
АБАШИДЗЕ А.Х.
БЕРКОВ А.А.
ДЕРЯБИН Ю.С.
ЗИМЕНКОВ А.Л.
ИЗВЕКОВ Н.Н.
КОМАРОВ И.К.
КОТИЛЕВСКИЙ М.Д.
ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
ЛУНЬКОВ А.Г.
МЧЕДЛОВ М.П.
ОРЛОВ А.А.
ПЕТРАКОВ Н.Я.
РЕПКИН Ю.М.
ЯХЬЯЕВ Т.Г.

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

АРИСТОВ В.В. ГАБАРАЕВ Б.А.
ГАЛОГАНОВ А.П.
ДЕЛЯГИН М.Г.
ЕФИМОВ Б.Е.
ЖУРКИН В.В.
ЗОРИН В.С.
ИВАШОВ Л.Г.
ИВЛИЕВ Г.П.
КАШЛЕВ Ю.Б.
КРЕМЕНЮК В.А.
ЛАДЫГИН Ф.И.
ЛАПТЕВ П.А.
ЛЬВОВ Д.С.
МАКАРОВ В.В.

Обозреватель - Observer

Статьи

- Национальная безопасность – как учебная дисциплина.
П.Белов
- Дистанционное образование в ВС РФ. В.Лихачев.
И.Никитин
- Чечня: в поисках идентичности. Е.Пономарёва
- Традиция “государственников” в русском консерватизме.
А. Матюхин
- Тенденции развития современной стратегической обстановки. В.Гагарин
- Современная политика: вторжение постмодерна.
П.Лощилов
- Россия – Европа: в плену противоречий. О.Приходько
- Куда пойдет Евросоюз?. Н.Извеков
- Реалии безвизового сотрудничества между ЕС и РФ.
В.Кликунова
- Вьетнам – право на мир и демократию. Г.Локшин
- Подход США к сдерживанию и обеспечению военной безопасности В.Захаров, А.Гнидо
- Основные задачи разведки США. М.Дундуков
- Исламский терроризм: “таланты” и поклонники.
А.Хазанов, В.Ушаков
- Беспилотная авиация сегодня и завтра. О.Лисов

ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-аналитический
журнал
«Обозреватель—Observer»
издается с 1992 г.

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала «ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
- OBSERVER».

Адаптирован для WEB [службой поддержки](#).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

П.Белов,

член Экспертного совета комитета
Госдумы РФ по безопасности

Беспристрастный анализ событий происходящих в последние десятилетия свидетельствует о наличии серьезных угроз и вызовов самосохранению России: государствообразующий народ постепенно вымирает, традиционный уклад духовной и общественной жизни страны – разрушается, ее территория и национальное достояние – сокращаются. Причины тому – как внутренние: утрачен инстинкт самосохранения нации, так и внешние – ужесточение борьбы за иссякающие природные ресурсы Земли. Причиной последнего стал ресурсно-демографический кризис, вызванный нежеланием одних государств сократить масштабы потребления, а других – темпы прироста населения.

Нетрудно понять, что человечество – в преддверии очередного передела мира, на острие которого окажется Россия с ее Сибирью – кладезом природных ресурсов и кормилицей планеты с потеплевшим климатом. Осознание этой угрозы может способствовать не только примирению и объединению наших народов вокруг русского, но и державному возрождению России, так необходимому для предупреждения возможной агрессии. Иначе говоря, спасение нации – в пробуждении инстинкта ее самосохранения, а одним из главных направлений на пути к достижению этой цели должно стать совершенствование образования и просвещения в сфере национальной безопасности России.

Анализ научно-образовательного обеспечения национальной безопасности России

Для подтверждения конструктивности выбранного направления, воспользуемся известной рекомендацией о том, что приступать к решению любых проблем надо с приобщения тех, кто к ним причастен. Поскольку национальная безопасность России касается всех ее народов, то и привлечь их к решению столь актуальной проблемы можно с помощью соответствующего просвещения и профессионального образования. Повысить же качество этой разъяснительно-воспитательной работы невозможно без ее надлежащего концептуально-методологического и теоретико-пропагандистского обеспечения.

К сожалению, несмотря на актуальность упомянутой выше проблемы и выбранного способа ее решения, в существующих ныне Номенклатуре научных специальностей, разработанной Высшей аттестационной комиссией, и Перечне специалистов, подготавливаемых в системе послевузовского, высшего и среднего специального образования России, нет наименований, содержащих словосочетание “национальная безопасность”, а знакомство с отечественными государственными образовательными стандартами и известными учебными планами свидетельствует об отсутствии в них даже учебной дисциплины с таким названием.

Что касается причин сложившегося положения, то среди них есть объективные и субъективные. К первым обычно относят незавершенность разработки аксиоматической теории национальной безопасности – из-за сложности решения соответствующей проблемы, отсутствия научных школ и несовершенства профессионального образования в этой сфере, а к вторым – то, что “у ключевых персоналий власти нет ни потребностей, ни интереса к этому виду профессиональной и интеллектуальной деятельности”³, что “исключает единый алгоритм мышления, действий и принятия стратегических решений в сфере национальной безопасности России”⁴.

Вместе с тем, уже созданы определенные предпосылки для ликвидации дефицита научно-педагогических и других кадров в рассматриваемой здесь области: а) в диссертационных советах России по соответствующей и смежной тематике ежегодно защищаются диссертации на

соискание ученой степени доктора и кандидата наук; б) в двух вузах страны (Российская академия государственной службы при Президенте РФ и Санкт-Петербургский государственный политехнический университет) имеются кафедры национальной безопасности; в) в Московском государственном техническом университете им. Н.Э.Баумана, Московском инженерно-физическом институте и других вузах несколько лет ведется подготовка дипломированных специалистов по “информационной безопасности” и “безопасности жизнедеятельности в техносфере”; г) большинство студентов высших и средних учебных заведений изучают общеобразовательную дисциплину “Безопасность жизнедеятельности”, а все школьники – ее основы.

Кроме того, в стране действуют различные общественные фонды, научно-исследовательские институты и другие организации, наименование и уставные обязанности которых имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой здесь проблеме, а также налажен выпуск соответствующих периодических изданий, монографий, учебников и учебных пособий. Примеры тому – “Фонд национальной и международной безопасности”, “Институт проблем национальной безопасности и устойчивого развития”, журнал “Национальная безопасность и геополитика России”, сборник “Безопасность Евразии”, учебное пособие “Общая теория безопасности”, учебник “Общая теория национальной безопасности”, монография “Методологические основы национальной безопасности России” и др.

Однако деятельность подобных учреждений и содержание перечисленных изданий, а также подготовка дипломированных специалистов по частным аспектам национальной безопасности и краткое знакомство с ними студентов в рамках отдельной учебной дисциплины, не исключают потребности в профессионалах высочайшего класса, способных не только контролировать данную предметную область в целом, но и системно (с учетом всех существенных факторов) подходить к выявлению и решению возникающих там проблем.

Роль таких специалистов должна состоять в гармонизации соответствующих усилий, как это делают рамочный Федеральный Закон “О безопасности” и “Концепция национальной безопасности РФ”.

Концепция совершенствования образования в сфере национальной безопасности

Как представляется автору данной статьи, образовательно-просветительское обеспечение национальной безопасности России должно основываться на концепции, включающей следующие научно-обоснованные положения: 1) исходные предпосылки, понятия и базовые категории, 2) логично вытекающие из них методы исследования, обеспечения и совершенствования национальной безопасности, 3) рекомендации по созданию соответствующей системы и ее всестороннего обеспечения. Кратко изложим основные идеи, наиболее пригодные для реализации этих положений.

1. Понятийный базис и категории национальной безопасности. Объективная необходимость уточнения данного аспекта обусловлена требованием четкого и однозначного восприятия не только самого термина “национальная безопасность России”, но также объекта и предмета соответствующей профессиональной деятельности. К сожалению, сегодня этому мешают следующие базовые причины:

а) население нашей страны определено Конституцией РФ как “многонациональный народ”, что противоречит международному праву: при доле государствообразующего народа, превышающей две трети от общей численности, его следует считать мононациональным, а всех жителей России называть единой (общегражданской) нацией;

б) в федеральных законах “О безопасности” (№ 2446-1 от 5.03.1992 г.), “О техническом регулировании” (№ 184 от 27.12.2002 г.) и ГОСТ Р1.0-92 “Государственная система стандартизации РФ. Основные положения” даны различные определения термину “безопасность”: в первом случае – “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства”, в двух других, подготовленных с учетом международных требований, – “отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью нанесения ущерба” людским, материальным и природным ресурсам;

в) в нарушение требований⁵ в законе № 2446-1, Конституции и Концепции национальной безопасности РФ не раскрыты термины “защищенность” и “жизненно важные интересы”, а при их перечислении имеет место путаница с ценностями и потребностями; например, “права и свободы личности” определены ст. 93 Конституции как “высшая ценность”, а ст. 1 Закона и разделом 2

Концепции – “жизненно важные интересы”?!)

Все это затрудняет взаимодействие различных специалистов, работающих в многочисленных сферах национальной безопасности. Выходом из сложившейся ситуации может быть уточнение вначале соответствующего понятийного базиса, подобно тому, как это изложено, например, в статье “Концептуально-критериальный базис и система обеспечения национальной безопасности России”¹ и подробно обосновано в монографии “Terminology work”⁶.

При этом логично утверждать также, что предметом профессиональной деятельности в сфере национальной безопасности России нужно считать объективные закономерности появления и снижения того ущерба, который обусловлен угрозами и вызовами, сопутствующими функционированию соответствующей системы “народы России – их территория – уклад жизни”. При этом задачей научно-педагогических работников данной сферы должно быть выявление таких закономерностей и доведение их до всей нации, а всех граждан страны – строгое руководство ими в повседневной практической деятельности.

2. Методы исследования и совершенствования национальной безопасности. С учетом вышеизложенного, в качестве основного метода исследования национальной безопасности должна быть выбрана системная инженерия, органически сочетающая в себе все лучшее из кибернетики, синергетики, системного анализа и системного синтеза, а аппарата системного исследования важных для ее обеспечения и совершенствования процессов – моделирование. При этом может быть рекомендована и процедура совместно- го использования выбранного инструментария, включающая такие этапы, как а) эмпирический системный анализ, б) проблемно-ориентированное описание цели и объекта исследования, в) теоретический системный анализ и синтез национальной безопасности на основе моделирования.

Что касается исследования процессов, важных для сохранения жизнестойкости всей этногеоэотосистемы и ее трех базовых компонентов, то при его проведении целесообразно применять следующие модели и области их предпочтительного использования: а) дескриптивные модели – для словесной или графической интерпретации смысла и условий обеспечения национальной безопасности; б) нормативные – для уточ- нения целей и условий сохранения, приумножения или развития всех перечисленных выше объектов; в) ситуационные – для изучения явлений и процессов, оказывающих наиболее существенное влияние на обеспечение и нарушение жизнестойкости нации, причинение ущерба ее базовым ценностям.

В качестве интегральных показателей национальной безопасности разумно принять средние для исторического периода значения: а) жизненного потенциала нации (объем национального времени – произведение численности и продолжительности жизни граждан, объем материальных ресурсов – уже реализованных в продукции и законсервированных в природных ресурсах); б) качества ее жизни (уровни удовлетворения материально-духовных потребностей ее граждан и социальной справедливости, направления и скорости их изменения); в) защищенности нации (доля в валовом внутреннем продукте издержек от возможных чрезвычайных ситуаций – сумма затрат на их предупреждение и ущерба от проявления).

Выбор основного метода обеспечения национальной безопасности предопределен длительностью существования системы “территория России – ее народы – уклад их духовной и общественной жизни”, а также многообразием потребностей, ценностей и интересов нации с одной стороны, опасностей, угроз и вызовов ей – с другой. Отсюда – необходимость как в программно-целевом планировании и управлении деятельностью по поддержанию жизнестойкости этой этногеоэотосистемы, так в математической теории организации⁵ и исследовании операций, являющимися наиболее под- ходящим аппаратом данного метода.

Практическая реализация данного инструментария может быть разделена на две стадии: 1. Стратегическое планирование, осуществляемое в целях не только определения вектора желаемых интегральных характеристик этногеоэотосистемы и области их приемлемых значений, но и разработки соответствующих целевых программ, обеспечивающих ее достижение; 2. Оперативное управление, реализуемое путем создания условий для выполнения целевых программ, периодического сопоставления реальных и допустимых показателей национальной безопасности и осуществления своевременных воздействий по их удержанию в заданной области.

Иначе говоря, это предполагает решение следующих четырех задач: а) обоснование оптимальных интегральных показателей национальной безопасности и их допустимых отклонений; б) обеспечение заданных значений этих показателей разработкой и выполнением совокупности целевых программ; в) контроль соответствия текущих значений интегральных показателей допустимому диапазону; г) поддержание реальных интегральных характеристик жизнестойкости

этногеоэотосистемы в области приемлемых значений. При этом первые две задачи должны решаться на стадии стратегического планирования, а две последние – при оперативном управлении данным процессом с использованием выбранных критериев.

3. Система и политико-правовое обеспечение национальной безопасности. Парирование внешних и внутренних вызовов самосохранению и развитию России требует совершенствования ее нынешней системы обеспечения национальной безопасности. В частности, ее малая эффективность вызвана смысловыми и структурными недостатками соответствующей нормативной базы: а) неверные исходные предпосылки и базовые категории, б) абстрактность или “размытость” одних нормативных актов и узковедомственная ориентация – других; в) отсутствие их многоуровневого деления на системообразующие компоненты, просто компоненты и элементы. В сущности, вместо системы нормативного обеспечения национальной безопасности, в России имеется россыпь не увязанных между собой законов и указов президента

Поэтому очевидна необходимость в законодательном уточнении смысла национальной безопасности и регламентации условий ее гарантированного обеспечения. Естественно, что успех в данной работе потребует введения дополнительных нормативных актов, предназначенных как для устранения разрыва между нормативными документами стратегического и тактического уровней, так и координации их усилий на наиболее важных и/или смежных направлениях. Первый из них представляют политические принципы и взгляды, обнародованные указами главы государства и направленные на мобилизацию всех усилий страны на самосохранение нации; второй – законодательство по безопасности, увязанное с уже существующим административным, гражданским, экологическим и другими разделами права.

Порядок внедрения концепции и ожидаемые от нее результаты

Совершенствование вузовского и дополнительного послевузовского образования в рассматриваемой сфере требует не только системного подхода в преподавании национальной безопасности, но и его декомпозиции. С определенной условностью при этом можно выделить ее такие два крупных сегмента, как, например, информационно-психологическая и производственно-экологическая безопасности. При этом первый из них должен ориентироваться преимущественно на парирование тех социальных угроз, которые связаны с дезинформацией, и доминировать в вузах гуманитарного профиля, а второй – с техногенно-природными опасностями, свойственными техническим и естественно-научным специальностям.

Оперативному и качественному усвоению предложенных выше методов системного исследования и обеспечения национальной безопасности может способствовать изучение следующих общеобразовательных и специальных дисциплин: аксиология, исследование операций, логика, математическая теория организации, общая теория систем, правоведение, риторика, теория системного анализа и принятия решений, экология, этика. Степень теоретической и практической обученности должна определяться по способности применять полученные знания и навыки для решения конкретных задач стратегического планирования и оперативного управления процессом обеспечения национальной безопасности с помощью современных математических и машинных методов анализа и синтеза сложных систем.

Что касается последовательности практического внедрения предлагаемой концепции, то она предполагает следующие основные этапы или шаги:

1. Углубленный анализ состояния проблемы с просвещением и образованием в данной сфере, а также обоснование потребности в соответствующих кадрах.

2. Уточнение принципов построения системы просвещения нации, подготовки и повышения квалификации специалистов в области национальной безопасности.

3. Определение цели, задач и сроков создания такой непрерывно действующей системы, прогнозирования ожидаемых от ее внедрения результатов.

4. Разработка перспективных методов совершенствования вузовского и послевузовского профессионального образования в сфере национальной безопасности.

5. Подготовка предложений по всестороннему обеспечению подготовки и повышения квалификации кадров, обеспечивающих национальную безопасность.

Полученные на данных этапах результаты, а также предложенная выше концепция совершенствования образования в сфере национальной безопасности должны быть использованы при разработке следующих основных документов:

1. Национальный образовательный стандарт для подготовки дипломированных специалистов

по направлению специальностей “Государственное управление национальной безопасностью”.

2. Соответствующие учебные планы и входящие в них примерные программы естественно-научных, социально-экономических, общепрофессиональных и специальных дисциплин.

3. Примерные программы общеобразовательных дисциплин “информационно-психологическая” и “производственно-экологическая” безопасности.

4. Методика аттестации государственных служащих по вопросам национальной безопасности, включающая: а) требования к профессиональной компетентности, организаторским способностям и нравственным качествам должностного лица; б) критерии оценки его соответствия предъявляемым требованиям; в) типовые профессиональные задачи в штатных и нестандартных ситуациях.

Поскольку качественное профессиональное образование в данной сфере требует соответствующего теоретико-методологического обеспечения и сопровождения, то параллельно с предложенными выше мерами целесообразно провести также работу по стимулированию научно-исследовательской деятельности, например, разработать паспорт научной специальности “национальная безопасность”, создать специализированные советы и предоставить им право принимать к защите диссертации на соискание ученых степеней кандидат и доктор наук.

В целом же, изложенные соображения по повышению уровня просвещенности и образованности граждан в рассматриваемой сфере могут оказаться довольно конструктивными, поскольку будут способствовать повышению культуры безопасности нации и пробуждению инстинкта ее самосохранения. Однако до внедрения в практику предложенной концепции, она должна быть подвергнута обстоятельному обсуждению, к чему и призывает автор читателей нашего журнала.

Примечания

¹ Белов П.Г. Концептуально-критериальный базис и система обеспечения национальной безопасности России. Обозреватель. 2005. № 8. С. 16.

² Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности России. В 2-х томах. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГПУ. 2004.

³ Жинкина И.Ю. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: РНФ. Научный доклад № 29. 1995.

⁴ Митрохин В.И. Сущность и категориальный аппарат современной концепции национальной безопасности. М.: Изд-во Московского государственного социального университета “Союз”. 1999.

⁵ Drenick R. A mathematical theory of organization. Acad. Press. 1986.

⁶ ISO-704-2000. Terminology work – Principles and methods.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВС РФ

В.Лихачев,

доктор юридических наук, профессор,
академик Международной педагогической академии (Москва)

И.Никитин,

доктор биологических наук, профессор,
ректор-президент Международной педагогической академии,
Татарстанское отделение (Казань)

Несколько слов о новейшей истории дистанционного образования в России.

Первооткрывателями по праву считаются два крупнейших на сегодняшний день вуза: Современная гуманитарная академия (СГА) и Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МГУЭСИ).

Оба вуза без острой конкуренции заняли свои ниши на образовательном пространстве РФ и весьма успешно развиваются вот уже второе десятилетие¹.

Оба вуза гармонично сочетаются в своей деятельности в виду правильности выбора стратегии своего развития по принципу взаимодополнения. Если МГУЭСИ постоянно совершенствует дистанционный учебный продукт (его основной акцент) и не забывает совершенствовать дистанционную технологию, то СГА наоборот постоянно совершенствует дистанционную технологию, не забывая при этом повышать качество собственного дистанционного продукта.

Борьба за качество образования сегодня приобрела особое значение. В наибольшей степени это касается негосударственного (внебюджетного) сектора высшей школы.

В этой связи корпоративность двух высших учебных заведений – классиков дистанционного образования в России – может только приветствоваться в виду явной перспективности совместной деятельности в новом для себя экономическом секторе – боевых и учебных частях Вооруженных Сил РФ.

Круглый стол газеты “Красная звезда” Минобороны РФ, академические публикации в журнале “Известия Российской академии образования” и научно-аналитическом журнале “Обозреватель-Observer”, посвященные вопросу образования в условиях армейской службы, свидетельствуют о перспективности данного инновационного направления²⁻⁴.

Разработка моделей образовательной подготовки в условиях армейской службы сегодня внесена Министерством образования и науки в перечень приоритетных направлений федеральной программы развития образования на 2005 г.

Государственная задача повышения престижа срочной и контрактной службы для российской молодежи может быть решена с помощью объединения усилий Министерства обороны и Минобразования и науки РФ.

Сегодня под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания РФ формируется объединенная комиссия из ответственных работников упомянутых министерств для разработки механизма реализации программы внедрения образовательной подготовки в условия армейской (флотской) службы. Командованием Вооруженных Сил данный вопрос взят на особый контроль.

Корпорации дистанционного образования МГУЭСИ – СГА предоставляется возможность реализации своего потенциала применительно к условиям армейской службы. Тем более, что СГА при этом сможет стать национальным (федеральным) провайдером информационно-спутниковой образовательной технологии (ИСОТ). Мощнейший потенциал телекоммуникационных систем СГА вполне это позволяет.

Учебное спутниковое TV СГА способно обеспечивать доступ российского образования практически без ограничения не только по территории России, но и далеко за рубежом, соответственно траекториям полетов спутников СГА. Практически все военные базы и удаленные

точки присутствия ограниченного контингента Минобороны РФ будут доступны для образовательных технологий СГА.

То же можно сказать и в отношении объектов за границей, входящих в сферу интересов Министерства образования и науки РФ. Например, школы при посольствах и консульствах РФ, или в качестве гуманитарной помощи русскоязычному населению любой страны мира.

При этом есть возможности трансляции учебного материала на языках народов РФ, и для их диаспор в странах ближнего и дальнего зарубежья. Российские малокомплектные школы в сельских глубинках и труднодоступных районах, так же смогут получать адресную высококвалифицированную помощь от столичных педагогов.

Технология администрирования сферы образования также будет поднята на новый уровень, интерактивность ИСОТ избавит оба министерства от многих хлопот.

Во всех военных округах и на флотах на территории РФ национальный провайдер ИСОТ может иметь региональных провайдеров с соответствующей сетью гражданских и армейских пользователей. На возможный вопрос о перспективности учебного интернета есть закономерный ответ о технологической сочетаемости учебного интернета и учебного TV. Тем более, что учебное TV, как и TV в целом, оказалось более защищенным от вирусного поражения, в отличие от интернета, да и коммуникативность TV не связана с телефонизацией местности и объектов.

ИСОТ – информационно-спутниковая образовательная технология СГА может успешно сочетаться или полностью заменяться кейс-технологией дистанционного асинхронного обучения (ДАО-ТИСБИ, ISO 9001) для особых случаев секретности пребывания пользователя.

Данное обстоятельство открывает особые перспективы решения вопросов психологической адаптации новобранцев срочнослужащего контингента к условиям армейской жизни и ликвидации неуставных отношений.

Учебная нагрузка гражданского образования эффективно повышает стрессовый порог и психо-эмоциональную саморегуляцию личности в армейских условиях и, особенно, у моряков, в периоды длительных походов и автономных плаваний у подводников. Даль- невосточный филиал СГА уже сегодня имеет в своем активе несколько плавучих представительств дистанционного образования, зарегистрированных на крупных рыболовецких судах Дальневосточного флота.

Постоянное совершенствование ИСОТ и высокое качество технологии позволяют СГА в кратчайшие сроки стать национальной (федеральной) провайдерской корпорацией дистанционного образования для армейской среды. Все преимущества среднего и высшего профессионального (гражданского) образования, станут доступны контрактникам, срочнослужащим и офицерскому составу, завершающему свою службу, для получения высококвалифицированной гражданской специальности.

Гуманитарная направленность СГА не является препятствием в получении технических специальностей. Изначально в структуру СГА входил и технический институт. Сегодня у ИСОТ СГА найдется, чем загрузить свои мощности и по техническим-смежным с военными специальностями. В этом плане могут на помощь придти многие ведущие технические вузы России, где своевременно были развернуты работы по созданию дистанционных образовательных продуктов в поддержку собственных заочных отделений.

Например, МГТУ им. Н.Э.Баумана, ректор И.Б.Федоров или КГТУ им. А.Н.Туполева, ректор Г.Л.Дектярев и ряд других. Эксклюзивные вузовские учебные продукты для загрузки провайдеру ИСОТ могут отбираться на условиях тендера Министерством образования и науки РФ, при этом СГА как и раньше будет вполне самостоятельным высшим учебным заведением, предоставившим свою технологию на общенациональный уровень эксплуатации.

С появлением на российском образовательном пространстве национального провайдера дистанционного образования станет возможной реализация модульной или согласно европейской классификации – кредитной программы образования, начиная с единого государственного экзамена выпускников средних школ России.

Национальный (федеральный) провайдер через свою сеть пользователей способен вести образовательный-кредитный банк данных при этом отслеживать уровень знаний попредметно, начиная с начальной школы, через армейские гражданские и военные специальности, высшие учебные заведения и курсы повышения квалификации.

Индивидуальный портрет личности пользователя по уровню совокупного (компилятивного) образования будет всегда к его услугам и официальным запросам работодателей.

Примечания

¹ МГУЭСИ сегодня имеет 10 филиалов и общую численность студентов 70 тыс. чел., в СГА более 500 учебных центров и обучается свыше 140 тыс. студентов.

² Никитин И.Ю., Мустаев Р.Ш. Повышение престижа военной службы. Образовательные реформы в Вооруженных силах Российской Федерации // Обозреватель–Observer. 2004. № 3.

³ Никитин И.Ю., Мустаев Р.Ш. Современные образовательные технологии в социально-политической реформе Вооруженных сил России // Известия Российской академии образования. М. 2004. № 1.

⁴ Никитин И.Ю., Мустаев Р.Ш., Прусс Н.М. Обучение в армии – альтернатива отмены отсрочки от службы студентам вузов Российской Федерации // Известия Российской академии образования. М. 2004. № 2.

⁵ Лихачев В.Н., Никитин И.Ю., Мустаев Р.Ш., Загорнов Ю.А., Прусс Н.М. Гражданское образование – контрактникам Вооруженных Сил России // Обозреватель–Observer. 2005. № 3.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ЧЕЧНЯ: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.Пономарева,
кандидат политических наук

Императив науки, теории – выяснение объективных обстоятельств, причин и следствий тех или иных событий, процессов. Объективных исследований чеченского кризиса, адекватно отражающих все его уровни в целом – тактический, оперативный, стратегический, политический, геоэкономический, системно-мировой – до сих пор нет. Как нет до сих пор и объективной картины того, что действительно происходило в нашем обществе с 1985 г. “Объективной, а не фальсифицированной в интересах тех или иных политических или социальных групп”¹. Видимо, слишком близок, слишком значим “для всех и для каждого” чеченский вопрос. Не претендуя на исчерпывающие ответы, попытаемся в меру возможностей приблизиться к объективности понимания того, что в общественном сознании выражается одним словом: “Чечня”.

Политические институты, как формальные или неформальные правила взаимодействия, существующие в каждом обществе, тесно соотнесены с политической культурой. Последняя есть совокупность базисных знаний о социальной жизни, которые разделяются достаточно большим числом членов сообщества и предопределяют их понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них². Такие знания можно разделить на три основные группы: социальную онтологию, политические ценности и операциональный политический опыт.

Социальная онтология как система категорий “задает” базисные представления о структуре и свойствах социальной реальности. Ценности позволяют распределять ситуации по шкале “приемлемости”. Под операциональным опытом понимается совокупность приемов, используемых для решения типичных проблем, набор стереотипных сценариев поведения в стандартных ситуациях. Любая политическая культура (или ее часть) обладает встроенным в нее интегрирующим механизмом, который непосредственно коррелирует с указанным выше набором знаний. Общество не может существовать на протяжении сколько-нибудь длительного времени, если у критической массы его членов отсутствуют представления, способствующие его сохранению.

В тоже время политические институты не могут быть нейтральными по отношению к характеру существующей в обществе политической культуры. Успешное функционирование тех или иных политических институтов в смысле обеспечения социальной и политической стабильности в значительной степени зависит от того, в какой мере эти политические институты согласуются с характером интеграционных механизмов, заложенных в политической культуре.

Идентичность как способ личного или группового самоопределения, как источник формирования групповых общностей непосредственно связана с политической культурой, прежде всего, на основе представлений “Мы – Они”. “Каждая культура содержит в себе когнитивную модель мира... Эта модель создана из символических форм. Символы организуют опыт людей и выражают межгрупповые отношения. Они также играют важную роль в процессе создания идентичности – субстанции, из которой группа черпает материал для создания культурных границ, с помощью которого она охраняет себя и на основе которого организует отношения с окружающим миром”³.

Социально-политические кризисы часто сопровождаются кризисами социокультурными (Чечня здесь не исключение), которые проявляются в виде нарастания у членов соответствующих обществ когнитивных диссонансов. Например, отсутствие единого понимания законов и, как следствие, оправдание их нарушения, рост преступности. Результатом подобных кризисов может стать распад единой идентификационной общности или крушение институтов, обеспечивающих формальную идентичность⁴. “Большой социум” в этом случае начинает напоминать среду,

состоящую из индивидов с набором плохо отрефлексированных конфликтных идентичностей и противоречивых онтологических, ценностных и процедурных представлений. Возникают различные элитные и контрэлитные группировки, формирующие символическую идентичность путем первичной рефлексии существующих когнитивных диссонансов и таким образом интегрирующие все уровни представлений о мире. Поэтому и новые группы – идентификационные общности, образовавшиеся вследствие социокультурного кризиса, – не однородны⁵. В них можно выделить элитные подгруппы, которые, осуществляя акт первичной рефлексии онтологии, ценностей и операционального опыта группы, становятся “выразителями ее интересов”. Эффективность подобной деятельности обусловлена тем, что принятие группой идентичности, предлагаемой элитой, обеспечивает преодоление когнитивного диссонанса каждым конкретным индивидом. Иначе говоря, конфликт в сознании отдельных людей может быть преодолен путем образования групп с взаимоисключающей символической идентичностью и, тем самым, перенесен в социальное пространство. Это становится причиной затяжного и даже потенциально неразрешимого внутригруппового конфликта.

Утрата общей идентичности свидетельствует о том, что члены еще недавно существовавшей общности приобретают различные и взаимно неинтегрируемые, несоизмеримые онтологические, ценностные и процедурные представления и фактически начинают “говорить на разных языках”. В этом случае некогда единое целое распадается не на атомизированных индивидов, а на отдельные подгруппы. Если распад когнитивного поля произошел достаточно быстро, и каждая из групп еще не успела глубоко отрефлексировать свою позицию, то последняя приобретает форму вызывающе иррационального мифа. Неотрефлексированность собственной позиции не дает возможности вступить в диалог с оппонентами. Кроме того, враждебность усиливается конкуренцией за наследство исчезнувшей общности⁵.

Проблема Чечни лежит между двумя состояниями российской государственности: имперскости и демократической федерации. В значительной степени успех перехода из одного в другое связан с решением чеченского вопроса. Само же решение зависит как от видения проблемы из Кремля, так и от процессов идентификации внутри чеченского общества.

В 1995 г. А.Миграян писал⁶, что российская власть своими действиями в Чечне, возможно не всегда эффективно и не вполне осознанно, пытается преодолеть три синдрома, характеризующие российское общество и власть и грозящие уничтожением российской государственности. Прошло десять лет – синдромы не преодолены.

Первый синдром – это паралич (как в обществе, так и в политических кругах) воли к сохранению и укреплению государства. Этот паралич произошел в эпоху позднего Горбачева, стал причиной распада Советского Союза и, продолжая прогрессировать, сегодня продолжает грозить самому существованию России. В определенный момент (1989 г.) горбачевское руководство потеряло чувство собственной легитимности и испытывало страх даже при законном применении силы для сохранения государства и утверждения закона и порядка. Власть, которая не использует силовые структуры по прямому назначению, когда требуется сохранить целостность государства и восстановить закон и порядок, ничего не стоит и не заслуживает уважения ни своих граждан, ни мирового сообщества. Но что заслуживает власть, которая использует их даже сверх меры, но не может достичь желаемой цели?

Второй синдром – это чувство вины российского народа и власти за имперское прошлое России и Советского Союза. Кампания по разоблачению и дискредитации коммунистического режима привела не к переосмыслению своего прошлого, а к дискредитации сначала советского государства, а затем и российского. Вскармливание сепаратизма в Чечне и других республиках России началось в головах и оправдательных установках новых “властителей дум”. Суверенизация российского пространства была порождена желанием посткоммунистической элиты, как можно быстрее, отреставрировать от большевистского прошлого и, тем самым, оправдать свое право на власть. Отсутствие устойчивой легитимности в глазах населения страны потребовало слишком опасного заигрывания с региональными элитными группами по принципу: “Берите столько суверенитета, сколько хотите”. Именно доминирование таких идейных установок парализовало волю федеральных властей к укреплению государства, препятствовало стимулированию Россией нового интеграционного процесса на пространстве бывшего Советского Союза.

Третий синдром, сформировавшийся еще в СССР как афганский, сегодня вправе называется чеченским. Многолетнее осуждение афганской войны, в конечном счете, привело к господству в стране и в общественном сознании пораженческих настроений, к антиармейскому психозу, к осуждению применения военной силы в любой форме, при любых обстоятельствах, чем бы это ни

мотивировалось. Эти настроения были усилены трусливыми и половинчатыми действиями горбачевского руководства, утратившего чувство собственной легитимности и волю к сохранению государства, в Тбилиси, Баку и Вильнюсе. Усилиями радикальных демократов и “демократических” средств массовой информации в течение нескольких лет создавалась атмосфера ненависти к человеку в форме. Армия и силовые структуры из уважаемых в обществе институтов защиты закона и порядка превратились в самые третируемые. Любые попытки силовых действий по защите государства стали рассматриваться как преступные.

Реально проблем, связанных с Чечней, гораздо больше. Однако начало перелома в конфликте зависит от преодоления этих трех синдромов, подтачивающих суть российской государственности. Решить чеченский вопрос возможно, только соединив вектор внутреннего развития республики с внешними общероссийскими усилиями. Чеченское общество находится в сложном поиске идентификационных основ, что и представляется основной внутренней причиной незавершенности конфликта.

Западные наблюдатели не перестают задаваться вопросом, какие причины привели к поражению чеченского народа в его стремлении реализовать свое право на самоопределение и образовать независимое национальное государство⁷. Специалисты, занимающиеся компаративным анализом процессов формирования наций, видят в этом поражении редкое исключение из правил. Рождение наций и национальных образований, войны против иностранного господства, угнетения, дискриминации и геноцида обычно вызывают к жизни мощные силы, способные обеспечить достижение независимости⁸. Все эти факторы имели место в истории чеченского народа с конца XVIII в.⁹ Кроме того, воспоминания о притеснениях со стороны России и Советского Союза, в первую очередь, о насильственной депортации в феврале 1944 г., когда около 400 тыс. чел. за несколько дней были выселены в Среднюю Азию¹⁰, живут в сознании каждого чеченца и являются благодатной почвой для разжигания национализма и сепаратизма.

Однако ни эти, ни другие социально-политические факторы, связанные с многолетним существованием автономии в составе СССР, не привели к сплочению чеченцев и к объединению усилий народа для формирования жизнеспособного государства. Эгоизм, раздор, конфликт интересов, страсти, традиционные различия между чеченцами, закрепленные в поколениях кровной местию, оказались сильнее идеи единства. Представления чеченцев о социально-политическом устройстве общества и нормах поведения до сих пор настолько сильно определяются предшествовавшими формированию нации традициями, ценностями и обычаями, что существовавшие в республике предпосылки для самоопределения и формирования самостоятельного государства не могли быть реализованы на практике. Основными идентификационными институтами и социальными феноменами в современной Чечне, как и более двух веков назад, остаются тейповая организация общества, доминирующая роль обычаев (адат), приверженность исламу.

Тейповая форма организации не просто предопределяет наличие внутризтнических различий, но и свидетельствует о том, что чеченское общество в своем развитии еще не прошло этап формирования протонации. Формы его организации весьма далеки и от современного понимания государственности.

Современные чеченцы живут по законам традиционного патриархального строя, сохранившегося, несмотря на все удары судьбы. В его основе лежит деление на роды, объединяющие родственные по мужской линии семьи (нек-е, тар). Свое родство они ведут от основателя рода, жившего двенадцать поколений назад. Объединенные в тейпы¹¹ семьи и крупные семьи проживают компактно, их селения насчитывают от десяти до пятидесяти дворов с общим выгоном. Таким образом, тейп представляет собой более или менее крупное объединение населенных пунктов, расположенных на определенной территории и находящихся под контролем тейпа¹². Тем самым, в рамках данного социального института родовое начало дополняется территориальным признаком.

Тейп возглавляет совет старейшин – узаконенный обычаем орган, рассматривающий все важные для тейпа вопросы, решающий проблемы, возникающие внутри рода, улаживающий споры, а в случае возникновения противоречий между различными тейпами выступающий в роли мирового судьи.

Наиболее близкие друг другу с давних пор тейпы региона образуют девять объединений родов – тухумов или тухкумов, а их лидеры образуют мехкель – центральный совет родов чеченского народа, который, однако, с советских времен не играет значительной роли¹³. Такая

организация общества отражает демократический родовой строй чеченского народа, у которого не было знати или феодальной аристократии. В этом, пожалуй, и кроются корни столь сильной воли чеченцев к свободе.

Примерно 180 тейпов, составляющих сегодня чеченский народ, проживают в трех отличающихся друг от друга географических зонах, что имеет существенное значение для понимания внутренней обстановки и отношений между тейпами. К Большой Чечне относятся горные районы, простирающиеся до Кавказского хребта. В Малую Чечню входят расположенные севернее предгорья и долины примерно до реки Сунжа. Дальше к северу, и, прежде всего, к северу от реки Терек, вплоть до границы Ставропольского края находится степная зона – Надтеречный район. В северных долинных районах проживает около 80 тейпов, но и они ведут свое происхождение от горцев¹⁴. Именно горные районы являются исторической родиной чеченцев. Лишь позднее они заселили предгорья, а в XVII в. и Терек, где в течение столетий они жили в тесном, но трудном соседстве с терскими казаками, поскольку заселение долинных районов проводилось российской военной администрацией отчасти насильственно с целью защиты южных рубежей империи от набегов диких народов¹⁵.

После установления Советской власти в долинных районах севернее и южнее Терека и, прежде всего, в Грозном стала развиваться нефтяная промышленность. В соответствии с национальной политикой в Надтеречном районе стало обосновываться русскоязычное население, но в еще большей мере – чеченцы. Приток последних облегчался тем, что большевики во время гражданской войны ликвидировали казачество, в том числе и на Тереке¹⁶, а в 1922 г. создали Чеченскую автономную область. Ввиду того, что в Надтеречном районе этническое смешение населения шло активнее, чем в коренных чеченских землях, а также вследствие длительного проживания бок о бок с русскоязычными православными соседями, отношения осевших там тейпов с русским населением и с московским правительством были менее напряженными, чем в остальной Чечне. Сопrotивление насаждению советской системы оказывали именно тейпы горных районов.

Со временем вследствие экономической миграции и урбанизации, прежде всего, в долинных районах и крупных городах, в частности в Грозном, на одной и той же территории проживали члены различных тейпов, что способствовало понижению роли родового и повышению роли территориального фактора. Не последнюю роль играла интернациональная политика правящего режима по “перемешиванию” наций и народов, населявших территорию страны.

В этой связи стоит вспомнить рассуждения А. Тойнби – мл. “Диапоры есть неизбежный продукт местных различий в уровнях развития цивилизации... Когда сообщества, находящиеся на существенно различных уровнях цивилизации, устанавливают контакт друг с другом, отсталое сообщество испытывает острое желание сравняться с более продвинутым сообществом или хотя бы попытаться сократить разрыв. Члены отсталого сообщества осознают, что если они теперь же, незамедлительно, не овладеют мастерством и знаниями, присущими более развитой цивилизации, то они погибнут. Однако им нелегко быстро поднять свой культурный уровень без помощи со стороны более цивилизованного общества...”

Спасительным средством в их плачевном положении служит “импорт” членов более развитого сообщества для осуществления тех функций, которые они пока еще не в состоянии осуществлять сами... Эта потребность в новых людях...предоставляет развитому сообществу богатые возможности”¹⁷.

Бесконфликтное сосуществование наций возможно при быстрых процессах ассимиляции. “Ключом к ассимиляции служат смешанные браки, а это становится возможным при общности религии”¹⁸. Родоплеменные и религиозные основания чеченского общества препятствовали успешной ассимиляции. Главные связи между русскоязычным населением и чеченцами устанавливались не на семейной основе, а в экономической и политической сферах. Введение обязательного среднего образования, обучение на языке “межнационального общения”, монополизация общественной жизни – эти и другие факторы “русского” присутствия втягивали чеченцев в отношения с чужеродными элементами. К тому же процессы секуляризации общественных отношений и сознания “сняли” вопрос культурно-духовного противостояния русских и чеченцев.

Все это способствовало формированию местных кланов, в основе которых лежал принцип лояльности по отношению к местному начальству. Хотя и здесь местные руководители в первую очередь опирались на членов своего тейпа, однако они пытались расширить и укрепить свою базу за счет лояльности и поддержки со стороны представителей других тейпов.

Решающее значение на дальнейшее развитие соотношения между традиционной тейповой организацией общества и советской властью, а, соответственно, и на отношения с русскоязычным населением имела депортация чеченцев в Среднюю Азию. Глубоко и пронзительно написал об этом А. Приставкин¹⁸. В значительной степени, благодаря тейповому строю чеченский народ смог выжить в диаспоре во враждебном окружении, неся клеймо “народа-предателя”. Этот строй играл существенную идентификационную роль, как в период депортации, так и после возвращения чеченцев в восстановленную в 1957 г. Чечено-Ингушскую автономную республику. Чеченцы и ингуши стремились вернуться в родные места и дома, прежде всего, в силу того значения, которое в рамках их обычаев, религии и тейпового устройства придается родным землям, могилам предков и пастбищам.

Легче всего возвращение на родные земли проходило в горных районах, поскольку там практически не было новых поселенцев. Возвращение же в долинные районы и, прежде всего, в Грозный и города и села Надтеречного района сопровождалось конфликтами с представителями других национальностей – русскими, украинцами, армянами, ногайцами, кабардинцами и т.д., вынуждено, а зачастую, и насильственно заселившими дома чеченцев.

Существенное политическое следствие депортации заключалось в том, что в Грозненской области, как она теперь называлась, партийные и административные структуры были перестроены и оказались в руках не чеченцев. В результате, после возвращения на родину чеченские тейпы какое-то время никак не были связаны с властными структурами республики. Москва по-прежнему не доверяла чеченцам. Вплоть до перестройки ни один чеченец не занимал пост первого секретаря обкома КПСС, как это практиковалось в других национальных образованиях РСФСР и СССР. Однако традиционная система организации общества даже в таких невыгодных условиях не мутировала. В брежневский период, отличавшийся коррупцией, косностью и экономической экспансией, неформальные структуры тейпов постепенно выросли в хозяйственные учреждения, государственный и партийный аппарат. Особую роль в этом процессе сыграли тейпы Надтеречного района, например, клан Доку Завгаева, занимавшего в течение многих лет пост второго секретаря обкома партии, во время перестройки ставшего руководителем компартии Чечни, а затем и председателем Верховного Совета республики¹⁹. Однако его власти был свойствен один недостаток, который вскоре обернулся стратегически слабым местом во внутричеченской борьбе. Завгаев представлял только тейпы Надтеречного района.

Главным оппонентом Завгаева стал Джохар Дудаев. В момент восхождения к власти Дудаев умело позиционировал себя как общенациональный лидер, возглавив Общенациональный конгресс чеченского народа и создав действенную оппозицию республиканской номенклатуре, которая к тому же поддерживалась группой Ельцина. В тоже время заявления генерала о том, что чеченская нация сохранила свою чистоту, прежде всего, в горных районах, не могли не спровоцировать внутричеченский конфликт²⁰.

Однако в самом начале политической карьеры Дудаев умело использовал то обстоятельство, что выходцам из горных районов намного труднее было пробиться на руководящие должности в республике. В это время на юге Чечни были восстановлены не только тейповая структура поселений, но и объединения родов, в том числе тухум “Ичкерия”²¹, в который вошли районы Шатой и Ведено²². Название “Ичкерия” играет особую роль в национальном самосознании чеченцев и обозначает территорию, с которой большинство тейпов связывают свое происхождение. Здесь расположено селение Нахчо, давшее самоназвание чеченцам (Нохчо, а также Нахчи или Нахчой). Русское название “Чечня” также имеет для чеченцев исключительно положительную коннотацию, поскольку в расположенном в аргунской долине ауле Чечен проходили собрания (мехкели) представителей тейпов и тухумов, на которых принимались решения о войне и мире¹⁵. Позднее название “Ичкерия” стало применяться для обозначения всех заселенных чеченцами горных районов. Поэтому принятое в 1994 г. решение Дудаева переименовать государство в Республику Ичкерия имело важное политическое значение с точки зрения сближения тейпов, а не эмоциональную окраску отказа от русского названия “Чечня”.

Дудаеву удалось сформировать широкий союз, в который помимо горных районов вошли влиятельные тейпы долинных районов (Урус-Мартан, Гудермес), что в значительной степени определило его победу на президентских выборах в республике (октябрь 1991 г.). На руку новой власти было, что тейп Завгаева, поддержавшего августовский путч, оказался на обочине политической жизни Чечни, которая 6 сентября 1991 г. заявила о своем выходе из состава России²³. Завгаеву пришлось бежать из Грозного в Москву, где он получил должность в администрации

Ельцина, однако при поддержке федеральных властей сохранил прочные позиции в Надтеречном районе. Умар Автурханов, глава администрации района, фактически был наместником Завгаева.

Таким образом, сторонники Дудаева контролировали горные и долинные районы Чечни, но не Надтеречный район. Для Чеченской Республики, де факто обретшей независимость от Москвы, это порождало серьезную проблему. Выделим два ее аспекта. Во-первых, лояльные Москве северные тейпы и кланы могли и дальше служить фактором внутривластной борьбы за власть в Чечне. Во-вторых, Надтеречный район наряду с Грозным и Гудермесом имел важное экономическое значение. До тех пор, пока чеченское государство не восстановило свой контроль над ним, его независимость подвергалась серьезной опасности в экономическом плане.

Наибольшая угроза нарушения внутривластного мира была связана с обозначившимся в 1992 г. стремлением Дудаева укрепить президентскую власть, оттеснив в сторону политически умеренных представителей тейпов долинных районов и крупных городов, используя пропаганду великочеченского национализма и исламского радикализма (газават – священная война). Главной военной опорой Дудаеву в этих начинаниях были преданные бандформирования и подразделения наемников.

С институциональной точки зрения на передний план борьбы за власть выдвинулось противостояние между президентом, с одной стороны, и большинством парламента и частью правительства – с другой. Это противостояние, по некоторым оценкам, подогревавшееся Москвой²⁴, весной 1993 г. закончилось государственным переворотом. Дудаев разогнал парламент, уволил правительство и установил президентскую диктатуру. В результате этих действий ряды оппозиции пополнились значительными, ранее поддерживавшими его тейпами и подчинявшимися им и руководителям их кланов районами. Поддержка власти президента к лету 1994 г. значительно сузилась. Это стало главным аргументом для федеральной власти предпринять меры по свержению дудаевского режима “косвенным” путем²⁵. В начале июня под руководством Автурханова был создан Временный высший совет. Не важно, что его территория включала только три района на севере Чечни. Главное – процесс институционализации и легитимации оппозиционных Дудаеву структур “пошел”. Одновременно возобновил деятельность институт советского прошлого – Верховный совет во главе с Юсупом Сослаббековым. Такой формальный “натиск” дал возможность Автурханову выступить с заявлением об отстранении Дудаева от власти.

Чеченские оппоненты Дудаева относительно быстро и легко убедили команду Ельцина в том, что переговоры с сепаратистами бесперспективны – достаточно оказать военную и материально-техническую поддержку созданному Завгаевым оппозиционному союзу и вопрос о “возвращении” республики в конституционное поле будет решен. Этот вывод оказался глубоко ошибочным.

Во главе оппозиционных вооруженных сил после преодоления внутренних противоречий в августе 1994 г. встал бывший мэр Грозного Беслан Гантемиров²⁶. Именно с конца лета 1994 г. Чечня фактически находится в состоянии гражданской войны. 26 ноября оппозиция захватила и в течение десяти часов удерживала Грозный. Российские спецслужбы и военные не выполнили имеющиеся договоренности о поддержке переворота. Оппозиция была вынуждена отступить. Случившееся выглядело поражением Москвы, чего амбициозный Ельцин вынести не мог. Было принято решение о вмешательстве с массированным применением военной силы. Правда, одновременно с первыми бомбардировками Грозного российской авиацией 29 ноября Москва призвала конфликтующие стороны в Чечне прекратить огонь и распустить свои вооруженные формирования. Формальным началом первой Чеченской войны считается штурм российскими войсками Грозного в новогоднюю ночь 1995 г.

Здесь уместно вспомнить рассуждения Л.Шебаршина: “Роль ошибки, легкомыслия и просто глупости никогда не учитывается в анализе политических ситуаций. В материалах расследований, отчетах, публицистических статьях, научных трудах логика и разум вносятся туда, где господствовали неразбериха и некомпетентность, отмечается элемент случайного, все события нанизываются на железный стержень рациональной, злой или доброй воли. В жизни так не бывает”¹. Иными словами, как гласит один из законов жизни – не ищи злого умысла там, где достаточно глупости. Впрочем, начало чеченской войны нельзя объяснить только глупостью и просчетами. Более того, умысел, как и корысть, очень неплохо прячутся в глупости, халатности, чрезмерном усердии.

После захвата Грозного российскими войсками кланы Надтеречного района и тейп Чанхой поделили между собой посты в лояльном Москве правительстве. Завгаев стал президентом, а

Саламбек Хаджиев – премьер-министром. Однако на деле в отношениях между ними царили взаимное недоверие и вражда. Соперничество между завгаевским шефом милиции Автурхановым и Гантемировым закончилось тем, что по инициативе Завгаева московская Генеральная прокуратура завела на Гантемирова дело о хищении средств федерального бюджета на сумму в 57 млрд. руб. В мае 1996 г. Гантемиров был арестован и отдан в Москве под суд²⁸. Однако на этом его карьера не закончилась.

Первая чеченская война окончилась победным для сторонников Дудаева хасавюртовским перемирием в августе 1996 г. После подписания в мае 1997 г. мирного договора с Москвой и признания Ельциным результатов январских выборов 1997 г. роль официально признанного Москвой руководителя Чечни перешла к президенту Аслану Масхадову.

Избрание Масхадова имело огромное значение с точки зрения распределения власти в Чечне. Тот факт, что, несмотря на ужасы войны и внутреннюю разобщенность, почти 80% населения, обладающего правом голоса, приняло участие в президентских выборах, говорил о стремлении всех тейпов и кланов начать новую жизнь на основе подлинного волеизъявления народа и определить дальнейший политический курс. Масхадов, получив в первом туре почти 60% голосов, победил своих воинственных соперников Шамиля Басаева (20%) и исполнявшего обязанности президента Чечни в переходный период Зелимхана Яндарбиева (10%)²⁹. Этот результат голосования означал принципиальный выбор в пользу умеренной, мирной, нацеленной на переговоры и достижение договоренностей политики, которую олицетворял Масхадов в начале своего правления.

Показательно, что вопреки ожиданиям горные тейпы в своем большинстве не голосовали за безрассудно смелого “народного героя” Басаева, а долинные районы голосовали за государственника Масхадова. Басаев одержал убедительную победу лишь в родном Ведено и в соседних селениях. В горных районах в целом он набрал не более трети голосов³⁰. Масхадов же даже в оппозиционном Урус-Мартане одержал победу над местным кандидатом Ахмедом Закаевым, представлявшим тейп Чанхой. Благодаря уравниловке Масхадова во время выборов как никогда удалось нейтрализовать соперничество тейпов. Казалось, что вектор идентификации ушел в сторону от узко тейпового самосознания. Но это действительно казалось.

Став президентом, Масхадову удавалось в течение некоторого времени поддерживать видимое равновесие. Однако постепенная потеря авторитета и эрозия власти привели к распространению анархии и дроблению Чечни на регионы со своими властителями. Основы этого процесса были заложены в период первой чеченской войны, когда сопротивление было децентрализованным. Местные “фронты” возглавлялись полевыми командирами, выходцами из определенных тейпов, которые неограниченно распоряжались экономическими ресурсами своих районов, а также в целях финансирования сопротивления использовали доходы от преступной деятельности и финансовые средства, поступавшие из-за рубежа от исламских организаций.

В силу традиций, социальной и региональной основ военных структур Чечни, несмотря на военный опыт Масхадова и большое уважение со стороны полевых командиров, между ними не было типично военных отношений, то есть отношений подчинения. В этом плане ничего не изменилось и после того, как по окончании войны добровольческие отряды были преобразованы в “вооруженные силы Чеченской Республики Ичкерия”. К 1998 г. в ее состав входили 25 крупных военных соединений и более 100 подразделений⁷. Этот феномен получил определение “военно-территориальной автономии”³¹.

Масхадов, в свою очередь, мог опереться только на национальную гвардию. В этом – ответ на вопрос, почему президент не воспользовался оказанным ему на выборах доверием, не разоружил полевых командиров и не подчинил районы правительству. Любая попытка сделать это могла привести к эскалации гражданской войны, в которой у него не было шансов на победу. Легитимность, которую он обрел в результате выборов, не была безграничной. Авторитет же полевых командиров опирался на силу их оружия, личную харизму военных лидеров, а также на региональные тейповые структуры.

Слабость президента была так же обусловлена финансовой независимостью полевых командиров вследствие их прямого доступа к значимым экономическим ресурсам. Хотя главному богатству Чечни и основе ее экономики – нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности – во время войны был нанесен значительный ущерб, некоторые из примерно 20 предприятий и многие из разбросанных по всей стране (776) нефтяных скважин продолжали функционировать³². Их примитивная, приведшая в результате к экологической катастрофе³³, эксплуатация составляла экономическую основу независимости полевых командиров³⁴.

Кроме того, все больший размах принимали криминальные способы извлечения прибыли, процветавшие на фоне экономической разрухи и гуманитарной катастрофы. Похищение людей с целью получения выкупа и торговля людьми стали доходной “отраслью экономики”. Обыденным явлением стали разбойные нападения на машины с товарами, на приезжих, кража скота по другую сторону границы, нелегальный “беспошлинный транзит” товаров из России в соседние страны Закавказья и Ближнего Востока (оружие, наркотики, спирт, нефтепродукты, женщины). К этому следует добавить использование рабского труда оказавшихся в плену гражданских лиц и солдат³⁵. К 1998 г. Чечня превратилась в криминальный анклав на Северном Кавказе.

Использование преступных способов добывания товаров и денег объяснялось не столько нищетой, давившей на разоренную войной страну, сколько обычаями и самосознанием чеченского населения. Разбойные нападения, похищение людей, воровство, торговля пленными и их использование в качестве рабов – все это составляло колорит горных племен в XIX и первой половине XX вв. Хотя гостеприимство считалось здесь священной традицией, оно распространялось лишь на желанных гостей³⁶.

С сожалением приходится констатировать, что этот преступный бизнес обогащал многих предпринимателей, чиновников и военных Дагестана, Ставропольского края, Москвы и других областей России. В этом плане и сегодня мало, что изменилось. Поэтому заявления Москвы о превращении Чечни в “свободную преступную зону” не были лишены лицемерия^{33,37}.

Особую роль в Чечне играет ислам. В целях борьбы с анархией и обеспечения единства действий различные политические силы Чечни в разные периоды истории региона обращались к исламу. Традиционный для Чечни ислам всегда был тесно связан с тейповым строем. Исторически значимым исключением в этом плане был лишь период правления имама Шамиля (до 1859 г.), поскольку строгий порядок созданного им теократического государства был обращен против коренящейся в нравах и обычаях претензии на господствующее положение конкурировавших между собой тейпов и тухумов³⁸.

Для традиционного, определявшего образ жизни горцев был характерен не воинствующий политический ислам, а суфизм, призванный удовлетворять духовные и ритуальные потребности людей, живущих семьями и родами. “Народный ислам” существовал в виде двух направлений (тарикатов) – учений накшбандия и кадиры³⁹. Последнее учение в конце войны мюридов (1860–1862 гг.) проповедовал чеченец шейх Кунта-Гаджи, и оно пользовалось особой популярностью у тейпов горных районов. Поскольку одни тейпы традиционно придерживались одного направления, а другие – другого, они одновременно превращались в “конфессиональные” сообщества (вирды), которые в Чечне, в отличие от Дагестана, в основном придерживались тариката кадиры⁴⁰. Однако враждебное отношение советской власти к религии ослабило связь между тейпом и вирдом.

В период перестройки ислам на Кавказе переживал ренессанс. В этот период получили распространение новые непримиримые течения ислама, что способствовало нарастанию потенциала конфликтов и, вопреки намерениям их сторонников, ускорило дезинтеграцию Чечни. Дудаев и особенно его заместитель Яндарбиев активно поощряли возрождение и политизацию тариката кадиры. Дудаев пытался построить в Чечне “исламское государство” и ввел законы шариата. Как имам Шамиль в XIX в., после начала первой чеченской войны Дудаев объявил России “священную войну”. Все эти меры бросали вызов традиционному, основанному на обычаях укладу жизни чеченцев, лишь усложняя и без того тернистый путь идентификации чеченцев.

Разногласия между его наследниками – Яндарбиевым, Масхадовым, Басаевым и Кадыровым – в вопросе выбора официальной религии были очевидны. Еще во времена Дудаева из исламских государств Ближнего Востока в Чечню прибыли проповедники радикального, “чистого” и воинственного политического толкования ислама, которые обрели здесь (не в последнюю очередь благодаря мощной финансовой поддержке) значительное число сторонников⁷. Как ранее в Дагестане, здесь возникли первые джамааты – обособленные поселения, живущие исключительно по законам ислама.

После гражданской войны в Таджикистане, террористических акций в Узбекистане и России, вторжений отрядов боевиков в Киргизию и Дагестан и начала второй чеченской войны “ваххабизм” стал основной формой осмысления исламского возрождения как СМИ, так и массовым сознанием населения республик бывшего СССР. Категория “ваххабизма” проникла в политический лексикон, в административные и юридические акты, была инкорпорирована в различные социальные институты⁵. Расширительная трактовка “ваххабизма” появилась и в научном дискурсе, прежде

всего, в политологическом. Определение “ваххабизм” было воспринято политиками в самой Чечне и прочно закрепилось в общественном сознании россиян как синоним самого радикального террора⁴¹.

Противники Масхадова, потерпевшие поражение на президентских выборах, Яндарбиев, Удугов, а позднее и Басаев примкнули к новому течению. Это привело к объединению ваххабитов и кадиры. Развернув пропаганду воинствующего ислама и апеллируя к “наследию” имама Шамиля и “завещанию” Дудаева, они стремились подорвать авторитет Масхадова и свергнуть его. Радикальный ислам, по мнению оппозиционных президенту сил, должен был стать искрой, из которой разгорится пламя освободительной борьбы против России на всем Северном Кавказе.

Масхадову были чужды подобные идеи. Он отвергал “ваххабизм” столь же решительно, как и глава духовного управления мусульман Чечни муфтий Ахмад Хаджи Кадыров. Однако Масхадов (то ли по убеждению, то ли из-за стремления к компромиссу, то ли по расчету), как и его радикальные противники, исходил из того, что ислам может способствовать политическому сплочению народа и противодействовать дезинтеграции общества по тейповому признаку⁴². Для того чтобы в организационном плане взять духовно-политический процесс под контроль в августе 1997 г. Масхадов инициировал создание общенационального движения “Чеченское исламское государство”. Однако развитие ситуации фактически определял Яндарбиев. Еще в ноябре 1997 г., то есть незадолго до президентских и парламентских выборов, в Конституцию Чечни были внесены изменения, провозглашавшие ислам “государственной религией”⁴³. Вслед за этим в дополнение к сохранившимся со времен советской власти народным судам были созданы “суды шариата”, которые получили исключительные полномочия по рассмотрению споров между мусульманами. Этот шаг вызвал в самой Чечне немало споров. Например, целый ряд статей уголовного кодекса Чеченской республики Ичкерия²³.

Статья 27, часть 1: “Смертная казнь осуществляется либо через отсечение головы, либо путем побивания камнями, либо путем таким же, каким преступник лишил жизни свою жертву. Смертная казнь может служить мерой наказания либо в соответствии с тем или иным установлением шариата, либо в качестве воздаяния равным, либо в качестве назидательного наказания, при этом допускается последующее выставление тела казненного напоказ”.

Статья 171, часть 1: “Виновный в совершении кражи, наказуемый в соответствии с положениями шариата, подвергается наказанию в виде отсечения кисти правой руки”. Часть 2: “Если преступник был признан виновным в совершении данного преступления во второй раз, он подвергается наказанию в виде отсечения левой стопы”.

Кроме того, отдельно был перечень, по которому назначается наказание в виде воздаяния равным. Например, “зрячий глаз, если он был выбит полностью; нос, вплоть до соединения хряща с переносицей; ухо, если оно было отрезано полностью; язык, если он был отрезан полностью... кончики пальцев, половой член, яички – если же одно из них осталось неповрежденным, то у виновного отсекается тоже одно”. Комментарии излишни.

Антигуманные средневековые наказания оправдывались сомнительным тезисом о том, что вследствие строгости предписаний ислама судьи шариата неподкупны, а потому их авторитет среди чеченцев выше авторитета презираемых “русских” судов⁴⁴. Однако основным мотивом судебной реформы было стремление вывести Чечню из правового пространства России, создать протосообщество примитивных и послушных в силу животного страха особей.

Введение судов шариата, по мнению их инициаторов, должно было способствовать прекращению кровных споров, которые за время гражданской войны стали тяжким бременем для чеченского общества. Руслан Хасбулатов, бывший спикер Верховного Совета РФ, чеченец из села Толстой-Юрт Надтеречного района ставит преодоление кровной мести на второе место в перечне главных проблем, которые предстоит решить в Чечне⁴⁵.

В феврале 1999 г. Масхадов подписал указ о введении в республике законов шариата, объявил о прекращении законодательных функций парламента и поручил депутатам и духовному управлению разработать новую, теперь уже исламскую конституцию. Тем самым, Масхадов окончательно покинул конституционное поле, лишил себя политической легитимности как президент и утратил свое решающее преимущество перед соперниками. Проект новой Конституции был подготовлен весной 1999 г., но так и не был вынесен на референдум из-за начала новой войны.

Идеи “ваххабизма”, политического ислама не могли стать в Чечне идентификационной основой. Слишком велика была пропасть между лидерами тейпов, слишком ожесточенным и “голодным” было население. Предпринимавшиеся Масхадовым меры – введение чрезвычайного

положения с целью повышения эффективности борьбы с преступностью и, прежде всего, с похищением людей; роспуск всех “ваххабитских” организаций; запрет исламских средств массовой информации и выдворение из страны арабских наемников – в буквальном смысле не остались без ответа. 23 июля 1998 г. в центре Грозного на него было совершено покушение. В сентябре 1998 г. на базе созданного Дудаевым Общенационального конгресса чеченского народа сформировался оппозиционный союз, который вместе с Салманом Радиевым возглавили Шамиль Басаев, незадолго до этого входивший в правительство Масхадова, и бывший руководитель “антитеррористического центра” Хункарпаша Ибрапилов.

Масхадов добился вынесения приговора “верховного суда шариата”, который за покушение на государственный переворот 4 ноября 1998 г. приговорил Радиева к четырем годам лишения свободы. Однако авторитет президента к этому моменту был настолько мал, что этот приговор не был приведен в исполнение: Радиев свободно передвигался по стране и даже в Грозном.

В 1999 г. Чечня все глубже погружалась в средневековый хаос. В июле 1999 г. отряды “иорданца” Хаттаба и руководимого Басаевым и Удуговым “Конгресса народов Чечни и Дагестана” вторглись в соседнюю республику Дагестан. В общероссийском контексте этот акт в очередной раз выявил гнилость властных структур, колоссальный уровень коррумпированности госаппарата. Для собственно Чечни это была капитуляция президента, расписавшегося в собственном бессилии. С тех пор Масхадов являлся не более чем символической фигурой, как на посту президента, так и в роли действующего террориста.

Если до 1998 г. Москва была готова вести переговоры с Чечней по самому широкому кругу вопросов, то с 1999 г. и до референдума 2003 г. концепция решения чеченской проблемы предполагала односторонний диктат военно-административных условий урегулирования⁴⁶. В соответствии с Указом от 8 июня 2000 г. о (временной) администрации Чеченской Республики⁴⁷ руководителями многих из 18 районов назначены русские, главой центральной администрации стал муфтий Чечни Кадыров, а его заместителем – Гантемиров. Персональные решения принимались по описанному выше методу. Кадыров представлял один из крупнейших тейпов страны – Беной с центром во втором по величине чеченском городе Гудермесе. Гантемиров же, как отмечалось выше, представляет тейп Чанхой. В который раз российская власть наступает на одни и те же грабли?

Этим решением была заложена основа не только для формального соперничества между двумя тейпами, но и для продолжения личной вражды между Кадыровым и Гантемировым⁴⁸. По своим личным качествам и характеру руководители администрации являли абсолютную противоположность друг другу.

Кадыров, будучи высшим религиозным деятелем, пользовался в Чечне определенным уважением, однако у него не было опыта управления государством, экономикой и финансами. Вместе с тем он имел репутацию сильного и хитрого политика. Гантемиров же, который в администрации отвечал за силы безопасности и которому была подчинена милиция Чечни, имел прямо противоположную репутацию. Многие аналитики расценивали его назначение как циничную провокацию⁴⁹. Бывший мэр Грозного в 1998 г. был осужден московским судом на шесть лет лишения свободы за хищения в особо крупных размерах, но в январе 1999 г. был помилован Ельциным. За короткий срок Гантемиров набрал свыше тысячи бойцов из своего клана, готовых снова выступить под руководством Москвы. Военное руководство, очевидно, было довольно его действиями – начальник генерального штаба Квашнин лично присвоил ему звание полковника.

Противостояние между Кадыровым и Гантемировым разворачивалось вокруг вопроса о контроле над финансовыми потоками на территориях, подконтрольных конкретному тейпу, вокруг Грозного и Гудермеса. В июле 2000 г., когда дело дошло до открытой конфронтации между ними, в замирении сторон участвовали российские военные⁵⁰.

Москва сделала свой выбор в пользу Кадырова, прежде всего, потому, что он мог уговорить полевых командиров сложить оружие⁵¹. В то же время назначение двух враждующих чеченских руководителей, по мнению центра, способствовало контролю за их деятельностью. Кроме того, идентификационные различия не позволят им втайне от Москвы договориться о реализации интересов Чечни.

В принципе состояние дел, как во временной администрации, так и в предшествующих институтах свидетельствует об отсутствии серьезной воли к тому, чтобы добиться перехода от войны к миру. Террористический акт 9 мая 2004 г. против избранного в соответствии с новой Конституцией республики Кадырова убедительно доказал недееспособность “внутричеченского”

диалога. Выборы Алу Алханова в августе 2004 г. с запрограммированными Москвой результатами (78% от общего числа избирателей проголосовало “за”)⁵² ситуацию в республике не изменили.

И так, проповедуемый чеченцами различных политических направлений тезис о том, что достаточно предоставить им свободу действий и не вмешиваться в их внутренние дела, и тогда условия жизни в стране быстро улучшатся, опровергнут опытом последнего десятилетия.

С августа 1996 г. по август 1999 г. Чечня практически была независимой и имела конституционные институты, согласно собственным представлениям о свойствах реальности, ценностям и операциональному опыту. Военно-политическая элита страны, реально владевшая властью в центре и на местах, не использовала этот уникальный исторический шанс для создания целостного социума. Каждая из ситуационно образовавшихся элит работала только в направлении интеграции контролируемых ею узких групп для борьбы с конкурентами. Собственные интересы протоэлитных группировки ставили выше базовых целей – восстановление страны, формирование национального государства, чем ввергли страну в хаос.

В результате двух войн, которые велись с нарушением всех положений международного гуманитарного права, Чечне нанесен такой ущерб, что республика своими силами не сможет подняться (ни в административном, ни в структурно-экономическом плане, ни в духовном и идентификационном смысле) до минимального уровня современной цивилизации. Ее силы подорваны значительным количеством жертв, раненых, калек, нищетой сотен тысяч беженцев, а вражда, ненависть и недоверие продолжают изнутри разъедать чеченское общество. Для восстановления Чечни нуждается во внутреннем оздоровлении и обновлении, в поддержке и помощи извне. Эта поддержка может быть оказана только Россией.

С другой стороны, горький опыт общения с политическими институтами и силовыми структурами России не поощряет чеченцев к тесному сотрудничеству с ними, основанному на согласии и доверии. Повседневная деятельность правительства давала немало поводов для разочарования. Это касается как политического управления, так и организации деятельности хозяйствующих субъектов, например, в нефтегазовом комплексе⁵³.

Опыт стран, которые десятилетиями пытались справиться с проблемами сепаратизма и политического терроризма, показывает, что войсковые операции для лечения таких болезней не годятся. Тут нужен комплекс более изощренных приемов.

Например, объявляется бессрочный розыск главарей террористических организаций. Их либо со временем уничтожают, как это было сделано с убийцами израильской олимпийской команды, либо рано или поздно отправляют на скамью подсудимых, как это сделали турки с курдским лидером Аджаланом. Используются в этой борьбе и авиационные удары, прежде всего для разрушения инфраструктуры противника. Поскольку такая инфраструктура не каждый месяц создается, то и удары наносятся эпизодически. В тоже время основным направлением борьбы с террористами являются вовсе не военные, а политические операции, которые обеспечивают раскол террористических движений. Так, израильтянам, в конце концов, удалось отсечь умеренное крыло палестинского сопротивления от радикального. Турецкие власти нашли общий язык с семьей Барзани, десятилетиями возглавлявшей курдское национальное движение. В результате военная активность этого движения во многом была парализована⁵⁴.

У России было (и сейчас остается) множество возможностей долгосрочного привлечения на свою сторону союзников из числа влиятельных представителей чеченской военной и политической оппозиции, например, антиваххабитских сил. Сегодня для большинства здравомыслящих людей очевидно, что с любым политиком из стана чеченской вооруженной оппозиции договориться по ключевым политическим вопросам современной Чечни не удастся. Но если бы Россия была надежно защищена от бандитских набегов внутри, то и позиция по чеченскому урегулированию была бы иной.

Начиная с середины XX в., все попытки различных государств силой удержать в своем составе мятежные территории, на которых сложилась массовая вооруженная поддержка этническому сепаратизму, оканчивались провалом. Причины этих неудач крылись не столько в сложности ведения войны с вооруженным населением, сколько и в осознании метрополий нецелесообразности насильственного удержания иноэтнических мятежных территорий (первый и второй синдромы). Общество соглашалось с тем, что выгода от насильственного удержания подобных территорий – призрачна, а громадные экономические издержки реальны, что человеческие жертвы таких войн невосполнимы, а ценность человеческой жизни, особенно жизни “своих” солдат, растет. В ходе таких войн у общественности воюющих стран неизбежно возникали опасения неоправданного усиления роли армии и милитаристских сил в политической и

экономической жизни. Наконец, появлялось осознание невозможности насильственного “перевоспитания” больших этнически своеобразных общностей даже в тех случаях, когда на территориях, оставленных колонизаторами, устанавливались деспотические режимы или начинались межплеменные войны⁵⁴.

Обращение к опыту классических колониальных государств при решении чеченского вопроса не должно привести к слепому его заимствованию. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о принципиальной неготовности самого чеченского сообщества к самостоятельности не в тягость соседям. Народ Чечни должен пройти сложный, мучительный путь, который уготован историей периферийным обществам. Главная верста на этом пути – вектор идентификации.

Примечания

¹ Фурсов А. Saeculum vicesimum: In memoriam // Русский исторический журнал. 2000. Т. 3. № 1–4. С. 81.

² Biryukov N., Sergeyev V. Russians Politics in Transition. Brookfield, Vermont. 1997. P. 23.

³ March Z. Symbols, Conflicts and Identity. Albany. 1993. P. X.

⁴ Например, в момент распада СССР произошла утрата идентичности, связанной с принадлежностью общей территории, идеалам и целям, аккумулированным в образе “советский народ”.

⁵ Казанцев А. Ваххабизм: опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Полис. 2002. № 5. С. 97, 100.

⁶ Мигранян А. 1995-й: год великого перелома или окончательного краха российской государственности? // Независимая газета. 1995. 17 янв.

⁷ Лухтерхандт О. Борьба Чечни за национальную независимость: внутренние причины поражения // Ежегодник ОБСЕ 2000. М., 2002. С. 195.

⁸ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

⁹ Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999; Бобровников В. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вест. Евразии. 2000. № 1(18); Чеченский кризис / Центр комплексн. социал. исслед. М., 1995.

¹⁰ Бугай Н. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 40.

¹¹ Названия тейпов обычно оканчиваются суффиксом “ой”. Наиболее известными являются Беной, Зонтарой, Зуршалой, Белготой, Аршеной, Шатой, Чанхой.

¹² Народы Кавказа I. М., 1960. С. 365; Кушева Е. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 60; Ротарь И. Таджикская и чеченская смуты. Сравнительный анализ двух конфликтов // Независимая газета. 1997. 15 мая.

¹³ Максаков И. Чечня приблизилась к хаосу // Независимая газета. 1999. 27 янв.

¹⁴ Ротарь И. Таджикская и чеченская смуты. Сравнительный анализ двух конфликтов // Независимая газета. 1997. 15 мая.

¹⁵ Любавский М. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996. С. 392.

¹⁶ Народы Кавказа I. М., 1960.

¹⁷ Тойнби А. Пережитое / Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. СПб, 1995. С. 364, 367.

¹⁸ Приставкин А. Ночевала тучка золотая... М., 1989.

¹⁹ Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. Справочник. М., 1993. С. 249.

²⁰ Общая газета. 1997. 13–19 нояб.

²¹ Это название использовалось для обозначения одного из восьми созданных в 1860–1862 гг. административных районов Терской области. Собственно, он назывался Нахчимаховским.

Ротарь И. Чечня, давняя смута // Известия. 1995. 27 окт.

²³ Россия и Чечня (1990–1997 г.): Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 19–20, 186–187.

²⁴ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники, 1992–1993 гг. М., 1995; Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1996; Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999.

²⁵ Ливен А. Война в Чечне и упадок российского могущества // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

²⁶ Выходец из тейпа Чанхой Беслан Гантемиров – одна из самых ярких авантюристических фигур посткоммунистической Чечни. Старшина милиции, он в 90-х занял (по меньшей мере, внешне) радикальные исламистские позиции, стал руководителем чеченского отделения “Братьев мусульман” и на деньги этой ближневосточной организации создал в Урус-Мартановском районе и в Ачхой-Мартане военные лагеря, где готовили боевиков. Из них были сформированы преданные Гантемирову подразделения численностью в 1000 человек. В 1992 г. Дудаев назначил Гантемирова мэром Грозного. Весной 1993 г. по вопросу о продолжении поставок нефти на грозненский нефтеперерабатывающий завод между Дудаевым и тейпом Чанхой дело дошло до разрыва. Последний заключил союз с верным Москве кланом Завгаева. К ним присоединились и другие тейпы. После взятия Грозного в 1995г. Гантемиров вновь получил должность мэра. Его тейповое ополчение было включено в состав милиции города и сил министерства внутренних дел Чечни.

²⁷ Информация к размышлению. Заместителем министра внутренних дел стал двоюродный брат главы правительства Мовлади Хаджиев, заместителем министра торговли – сестра Тамара Дачаева, заместителем премьер-министра и министром строительства – брат Дени Хаджиев, заместителем министра строительства – зять Елдаханов, директором центрального рынка Грозного – еще один двоюродный брат премьера и т.д.

²⁸ Коммерсант дейли. 1997. 5 фев.

²⁹ Политический альманах России 1997. М., 1998. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 1. С. 304.

³⁰ Дубнов В. Из Грозного в Джохар-галу и обратно // Новое время. 1997. № 5.

³¹ Независимая газета. 1998. 24 июл.

³² Лесков С. Гордую Чечню согревает российское тепло // Известия. 1994. 14 сен.

³³ Неправильная эксплуатация скважин привела к заражению нефтепродуктами подземных вод. Сегодня в республике нет пригодной к употреблению в любых целях воды. На федеральном уровне принято решение о снабжении армейских подразделений привозной водой. (Информация по данным Центра психологии экстремальных ситуаций Российской академии образования).

³⁴ Политковская А. Труба // Новая газета. 2000. 31 июл.

³⁵ Независимая газета. 2000. 25 мая.

³⁶ Бобровников В. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вест. Евразии. 2000. № 1(18); Герман Р. Деятельность России по обеспечению стабильного развития Кавказского региона в конце ХУШ – начале 60-х гг. XX в. // Устойчивое развитие Юга России: состояние, проблемы, перспективы. Ростов-Дон, 2003. С. 316–319.

³⁷ Малашенко А., Тренин Д. Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.

³⁸ Любавский М. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996.

³⁹ Насардинов С. Мифы о религии и политическая практика // Независимая газета. 1996. 23 фев.

⁴⁰ Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 2001.

⁴¹ Игнатенко А. Исламизация по-чеченски // Независимая газета. 1997. 20 нояб.

⁴² Шевченко М. Какое государство строит Чечня // Независимая газета. 1998. 12 авг.

⁴³ Закон о внесении изменений в Конституцию Чеченской республики. Грозный, 1996. Ст. 4.

⁴⁴ Камакин А. Мы просто хотим навести порядок // Независимая газета. 1997. 25 сен.

⁴⁵ Хасбулатов Р. Чечня: последняя надежда: как надо завершить конфликт // Независимая газета. 2000. 23 мая. На первое место Хасбулатов поставил проблему тейпов.

⁴⁶ Независимая газета. 2000. 16 июня, 18 июля.

⁴⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 24. п. 2545

⁴⁸ Во время первой чеченской войны, которую Кадыров объявил “священной”, тейп Чонхой и Беной сражались по разные стороны фронта. Кроме того, Гантемиров предпринял все возможное, чтобы в июне 2000 г. не допустить назначения Кадырова.

⁴⁹ Независимая газета. 1997. 27 окт.; Коммерсант дейли. 1998. 28 июля.

⁵⁰ 18 июля 2000 г. Гантемиров в сопровождении мэра Грозного и 200 “чеченских милиционеров” прибыл в Гудермес, окружил резиденцию Кадырова и попытался заставить его отменить решение о кадровых назначениях в Грозном. Их встреча, организованная российскими военными с целью урегулирования конфликта, как и ожидалось, результатов не принесла, так как Гантемиров упрямо настаивал на своем праве осуществлять назначения в столице.

⁵¹ Московские новости. 2000. 1 авг.

⁵² <http://www.konflikt.ru>

⁵³ Подробную информацию см. на сайте: www.kavkaz.strana.ru

⁵⁴ Паин Э. Косовский и чеченский конфликты: нереализованные уроки // Миропорядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М., 1999. С. 193, 196.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ТРАДИЦИЯ “ГОСУДАРСТВЕННИКОВ” В РУССКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ*

Отрицание общественной самоорганизации и народного представительства

А.Матюхин,

кандидат социологических наук

Славянофильская традиция проблематики общественной самоорганизации, самоуправления и народного представительства существенно отличалась от подходов “государственников” – представителей крайне правого крыла в русском консерватизме – М.Н.Каткова, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева и др. Сторонники “жесткой линии” считали основным элементом монархической внутренней политики сильное государственное начало в регламентации жизни общества и контроля над ним при минимальной социальной гражданской самодеятельности или при отсутствии таковой. Согласно политической линии “государственников”, общество и его составляющие являются изначально не самостоятельными социальными единицами, а элементами государства в целом и государственного управления.

М.Н.Катков, относясь с некоторым подозрением к любому проявлению общественной активности, тем не менее, много писал о проблемах самоуправления, связывая его эффективность исключительно с монархической формой государства.

Он считал, что именно самодержавие способно устранить любое властное антинациональное посредничество между царем и народом. Самодержавие исключает борьбу партий, объединяет в себе интересы всех сословий, и, тем самым, предоставляет место широкому самоуправлению¹.

“Только по недоразумению думают, – отмечал он, – что монархия исключает народную свободу; на самом же деле она обеспечивает ее более чем всякий шаблонный конституционализм”².

Катков подчеркивал, что именно концентрация государственной власти в руках монарха, а не каких-либо иных властных институтов, есть главная предпосылка свободной социальной жизнедеятельности общества: “Собирая и сосредотачивая власть, государство тем самым создает свободное общество. Власть над властями, Верховная Власть над всякою властью – вот начало свободы”².

М.Н.Катков указывал, что только при таком соблюдении принципа верховенства монархической власти, гражданская свобода в обществе не превратится во вседозволенность, а получит свое истинное, достойное человека воплощение: “Гражданская свобода требует ограждения, она нуждается для своего обеспечения в живой и твердой, правильно поставленной власти, вне которой свобода изменяет свою природу и превращается в насилие и разврат”³.

В проекте реформы земского самоуправления М.Н.Катков предложил взять за образец организации земских учреждений принципы деятельности дворянских органов самоуправления, так как считал дворянство наиболее национально-ориентированным сословием, интересы которого гармонизировали с интересами государства и самодержавия⁴. В качестве почетных мировых судей Катков видел так же представителей исключительно дворянства, “безвозмездная служба” которых воспринималась им как главное средство противодействия развитию в земстве “дикой и слепой демократии”.

Единые органы местного самоуправления, по мнению М.Н.Каткова, должны включать представителей всех сословий, а не быть раздробленными по классовому признаку (на

крестьянские, купеческие, дворянские и т.д.).

В этом была специфика катковской идеи “всесословности” – которая трактовалась им не как отмена сословных границ, а как единение всех сословий российского общества “под скипетром самодержавия в нераздельный народ”. М.Н.Катков неоднократно подчеркивал, что местное самоуправление носит не самодостаточный и не безграничный характер, главным критерием его полезности и необходимости является служение отечеству, монархическому государству.

В соответствии с высшими государственными интересами, рассматривали проблемы самоуправления и монархические партии и группировки начала XX в.

Так, “Русская монархическая партия” высказывалась за свободное развитие местной административной и общественной самодеятельности, но при условии не противоречия ее деятельности общегосударственной политике. Общественному управлению предписывалось “являться доброй и верной помощницей... правительственной власти... в ее трудной задаче”⁵.

В программе “Русского собрания” декларировалось, что самодержавное государство “открывает достаточный простор” для местного самоуправления, но при этом задачи государственной власти сводятся к тому, чтобы общественное самоуправление не приводило к “ущербу русских народных интересов – религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических”⁵.

Представители правого крыла в русском консерватизме отрицали также необходимость специальной системы “народного представительства” при институте монархии, видя в подобных теориях славянофилов и неославянофилов “либеральное зерно”. Например, обстоятельной критике со стороны “государственников” в монархическом лагере подвергалась идея славянофилов о созыве Земского Собора. Представители “жесткой линии” доказывали, что “в современных условиях” созыв Собора будет исключительно в интересах противников самодержавия и может привести к ограничению монархической власти посредством конституции, а возможно и к революции.

Так, например, **К.П.Победоносцев** указывал, что “славянофилы, мнящие восстановить и водворить историческую правду учреждений в земле Русской”, присоединяются в этом “к хору либералов, совокупленных с поборниками начал революции”⁶.

В одном из писем к Александру III Победоносцев обосновывал разумность и необходимость неограниченной монархии, как патерналистского типа власти тем, что у русского народа сохраняется “детское состояние души”, а значит царь призван оберегать “народ-дитя” от “вредных влияний”. Русский народ в своей массе, считал К.П.Победоносцев, предрасположен к монархии, не знает и не приемлет демократии, и не воспринимает значимость Земского Собора: “Простые люди не имеют об этом (Земском Соборе – Авт.) понятия, серьезные люди этому не верят, а пустые фантазеры не иначе поймут это и примут, как в смысле конституции”⁷.

Волинский **архиепископ Антоний** (Храповицкий) высказывал опасения, что Земский Собор может превратиться “в некое подобие парламента” с доминированием в нем антинациональной и антимонархической интеллигенции. “Лучше пустить на Собор обитателей тюрьмы, – подчеркивал он свою мысль, – чем представителей современной интеллигенции”⁸.

М.Н.Катков называл возможность созыва Земского Собора “торжеством крамолы”. “Что могло бы сделать сборище людей деморализованных и смущенных, какую помощь мог бы оказать этот сброд людей правительству?”² – задавался он вопросом и высказывал предположение, что Земский Собор “ознаменует собой” окончательное потрясение основ самодержавия. В качестве доказательства, Катков приводил в пример требование созыва Земского Собора со стороны С.Г.Нечаева – революционера, ученика и соратника М.А.Бакунина².

М.Н.Катков считал, что монархия может сохранить свой полноценный самодержавный характер только в случае непосредственного общения царя и народа.

В этом он видел и залог национального прогрессивного пути развития: “Правительству необходимо сближение с народом, но для этого требуется обратиться к нему непосредственно, а не через представительство, какое бы то ни было, узнавать нужды страны прямо от тех, кто их испытывает... Устроить так, чтобы голос народных потребностей, не фиктивных, а действительных достигал престола без всякой посторонней примеси – вот задача достойная правительства самодержавного Монарха, вот верный шаг на пути истинного прогресса”⁹. Катков считал, что любое представительство при монархии – от Земского Собора до парламента – в современной ему России нарушит органическую связь царя и народа, создаст между ними мощный депутатский слой антимонархических сил: “В каких бы размерах, силе и форме ни замыслили представительство, –

писал он, – оно всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет более закрывать народ с его нуждами. Оно будет выражением не народа, а чуждых ему партий”⁹.

Неожиданно в этом вопросе Катков нашел сторонника в лице **Ф.М.Достоевского**.

“Позовите серые зипуны, – высказывал свое мнение великий русский писатель, – и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъемов и сборов, народ можно опросить по местам, по уездам, по хижинам”¹⁰.

К.Н.Леонтьев, в свою очередь, анализируя политическую доктрину славянофильства, отмечал в ней противоречия между монархическим принципом власти и децентрализацией форм и принципов управления демократического типа: “В их (славянофилов– Авт.) теории государства есть некий чрезвычайно оригинальный союз земских, в высшей степени демократических республик с государем во главе, государем, положим, самодержавным в принципе, но лишенным почти всяких органов для исполнения его царской воли”¹¹.

Действительно, славянофилы лишь философски обосновали идеальный тип социально-политической организации русского общества, сочетавший в себе начала свободы и коллективизма, где фигура монарха выполняла скорее роль символа духовной централизации на основе приверженности единым национально-религиозным ценностям. Но со второй половины XIX в. перед партией монархистов возникла необходимость дать более четкую картину, организационную модель системы государственного управления централистского типа, которая всесторонне отражала бы сам принцип самодержавной власти и противостояла любым проектам децентрализации и федерирования административно-политического и территориального устройства России со стороны либералов и радикалов.

Принцип политического централизма

Исторически процессы централизации сыграли основную роль в образовании наций и становлении государственности. Централизм как один из важнейших организационно-политических принципов построения и функционирования государственной власти был присущ как государствам прошлого, так, в той или иной мере, характерен для современных. Но наиболее концентрированное выражение, по сравнению с другими политическими режимами и формами государственного устройства, принцип централизма находит в системе именно монархической государственности, где вся полнота власти легитимируется и сосредотачивается в руках единоличного главы государства в порядке престолонаследия.

Так, согласно классическому определению **Л.А.Тихомирова**, “монархией называется государство, в котором носителем Верховной власти является одно лицо”¹².

Тихомиров был убежден, что монархия лучше других политических форм выражает и реализует абсолютный характер государственной власти: в ней общие интересы очень тесно совпадают с частными, а в личности монарха олицетворено само государство. Он указывал даже, что монархии составляют “естественную норму государственной жизни человечества”¹³, считая, что все иные политические системы, характеризующиеся той или иной степенью децентрализации, являются отступлением от государственной идеи, уступкой в пользу деструктивных начал анархии. Отмечая, что монархия по своей природе наиболее соответствует задачам верховной власти в государстве, Л.А.Тихомиров называл такие ее свойства, как: положение вне партий и частных интересов, единство, преемственность и стабильность власти (которая обеспечивается династичностью); четкая определенность ее обязанностей; высокая степень нравственной ответственности; способность к обширным преобразованиям; склонность к “наилучшей организации” системы государственного управления¹².

При этом Л.А.Тихомиров подчеркивал, что ни одна из отраслей управления не должна быть принципиальна “изъята” от возможности непосредственного вмешательства верховной власти, для которой должна быть обеспечена “полнота осведомления, внимательное, компетентное обсуждение и возможно более безошибочное решение в отношении всех вопросов управления и всех нужд национальной жизни”¹².

В своем организационном проекте, Л.А.Тихомиров касался необходимости введения особого государственного института – высшего контрольного учреждения, который бы состоял как из представителей всех высших служебных властей – законодательной, судебной, исполнительной, так и общественных представителей. Этот орган, который Тихомиров называл “царской думой”,

осуществляя контроль над всеми специализированными властями, должен иметь универсальную компетенцию, независимость и возможность постоянной связи с верховной властью. Именно здесь, в этом высшем контрольном учреждении, имеющем право законодательной инициативы, будут заслушиваться и обсуждаться доклады министров, делаться им запросы, даваться заключения для верховной власти о той или иной степени ответственности должностных лиц.

Централистский тип государственного управления в системе монархической власти хорошо прослеживается и в достаточно либеральном проекте **П.Н.Семенова**.

В нем предусматривалась система координации между органами исполнительной власти (от уездной администрации до губернатора) и общественного управления (земские службы, городское самоуправление) исключительно на низшем, местном уровне, при одновременной подконтрольности вышестоящим инстанциям, вплоть до Сената, подотчетного, в свою очередь, исключительно императору¹⁴. Высказывая опасение, что без такой четкой организационной структуры власти возможно “расхищение Самодержавия учреждениями городского и земского самоуправления”, Семенов подчеркивал, что исторически в России местные органы “не имели в своих руках государственной власти и политического значения в управлении страной” и служили “в политическом отношении только совещательными органами для Верховной власти и Правительства”¹⁴.

Положение общественного самоуправления и границы его полномочий в системе единой монархической власти, призванной выражать общегосударственный интерес, достаточно определенно охарактеризовал **Н.И.Черняев**.

“Наше самодержавие, – отмечал он, – не может бояться широкого развития местного самоуправления. Оно будет раздвигать и суживать его пределы исключительно в интересах самого дела”¹⁵.

Но наиболее полную картину соотношения системы местного самоуправления и центральных органов власти самодержавного государства дал, вероятно, **М.Н.Катков**, уделяя в “Московских ведомостях” и других своих изданиях большое внимание так называемому “земскому вопросу”.

Земские учреждения, наряду с бюрократическим на местах, определялись им как части государственных органов, со своим объемом полномочий и задач, исключительно в хозяйственной сфере. Земства в России, по мнению Каткова, должны были стать “орудиями тех стремлений, которые в других государствах с величайшим и неудобствами исполняются через центральные государственные учреждения и казенные хозяйства”¹⁶. Давая определение органам местного самоуправления как “государственной службы по выбору” он отмечал, что “земские учреждения установлены законом и обязаны ведать известною долею дел, которые без них лежали бы на чиновничестве”¹⁷, но при этом входило как звенья государственных структур в общую систему власти и управления.

В то же время, Катков призывал саму центральную власть не терять бдительности и контролировать пределы тех полномочий, которые отведены органам общественного управления, не допускать никакого политиканства с их стороны: “Где государственная власть бездействует, там являются на ее место другие разные власти. В том и должно состоять действие государства, чтобы ограничить жизнь от этих фальшивых властей и способствовать ее свободному и правильному течению”³.

Такая позиция М.Н.Каткова сформировалась под влиянием наблюдения за деятельностью современных ему земских учреждений. Он видел, что в земствах, созданных в результате реформ Александра II, ключевую роль заняли антимонархические и антитрадиционалистские силы: разночинная интеллигенция, буржуазия и обуржуазившееся дворянство. Политизированные лидеры земств претендовали на все большее участие в государственном управлении, выдвигали ориентированные на европейский опыт законодательные инициативы по перестройке всей структуры власти в России в пользу децентрализации властных полномочий и предоставлении единицам самоуправления права участвовать в принятии политических решений, не всегда согласуемых с позицией центрального правительства. Катков считал главным условием законного функционирования института земства строгую субординацию между центральной властью и общественным самоуправлением. Земства, как и органы городского самоуправления, должны были завершать собой на уровне основания всю властную пирамиду, быть поглощенными государством и подотчетными ему.

Свою озабоченность состоянием дел в местном самоуправлении пореформенной России, не соответствующем национальным традициям самодержавной государственности, высказывал в

письме к Александру III **К.П.Победоносцев**.

“Законодательством минувшего двадцатипятилетия до того перепутаны все прежние учреждения и все отношения властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономикой русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно, необходимо развязать и притом не вдруг, а постепенно”⁷ – писал он.

Характерно, что сами русские консерваторы необходимость сильной централизованной власти самодержавного типа напрямую связывали с геополитическими факторами Российской Империи, многообразием ее национального, культурного и религиозного состава, а также с потребностями обороны.

“Следует бросить беглый взгляд на карту России, – писал, например, **Н.И.Черняев**, – чтобы понять неизбежность Самодержавия для целостности империи... Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм”¹⁵.

С учетом такой географической специфики России, был уверен он, любое ослабление сильной централизованной власти императора в пользу предоставления больших властных полномочий территориям, неизбежно приведет к дезорганизации государственного управления, развалу страны и дальнейшей дезинтеграции областей.

“Об этом могут мечтать, – замечал Черняев, – разве только глашатаи всемирной анархии, проповедующие уничтожение государств и государственных перегородок и замену их своего рода казацкими кругами, то есть небольшими общинами, самовластно ведающими свои дела”¹⁵.

О значении централизованной имперской государственности во главе с русским царем для мирного и стабильного сосуществования всех народов огромной страны, много писал **М.Н.Катков**: “Все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в едином государстве, в единстве верховной власти, – в Царе, в живом всеповершающем... олицетворении этого единства”².

Л.А.Тихомиров особенно подчеркивал роль русского народа как главного имперообразующего фактора, гегемония которого основывалась не на ограничении прав других народностей, а исходила из особенностей построения своего государства: “Русский народ делается хозяином в империи путем того, что Верховная власть была вручена представителю Русского Народа. Не ставя Царю никаких юридических обязательств, Русская идея ставила ему нравственную обязанность представлять господство Русского Народа”¹⁸.

Л.А.Тихомиров был уверен, что сама исторически сложившаяся модель Российской Империи, способствовала консолидации всех проживающих здесь этносов, сохраняющих “под защитой русского народа” свое своеобразие и культурную идентичность, а в то же время “существование племенных особенностей не только не вредит единству государства, а даже служит полезным источником разнообразия национального и государственного творчества”¹⁹. Но “подрыв” русской гегемонии, считал Тихомиров, упразднит саму империю и неизбежно приведет к “резне между народами” страны: “Три четверти этих племен смертельно враждуют между собою. Все главные из них мечтают вовсе не о равноправии, а о господстве”¹⁹. Поэтому всевозможные планы и проекты переустройства Российской Империи на основе федерации и конфедерации народов, различных по культуре, языку, историческим традициям и “историческим претензиям” **Л.А.Тихомиров** называл “мечтой ребенка, но не действительностью”¹⁸.

Таким образом, важнейшими организационно-политическими принципами монархизма являлись централизм всей структуры и функционирования государственной власти имперского типа, единая система государственного управления и централизация всего государственного аппарата, прямой или косвенный контроль над общественными, муниципальными, профессиональными органами административно-территориальных единиц.

Централистские и имперские тенденции социально-политической жизни нашли свое отражение и в экономических программах русских монархистов: цели и задачи хозяйственного развития страны рассматривались в соответствии с высшими государственными интересами.

Отсюда характерно:

- преобладание моделей макроэкономического уровня над микроэкономическим,
- внимание к развитию национального производства и внутреннего рынка, к эффективной налоговой, валютной и таможенной политике, ориентированной на протекционистские меры для отечественных товаропроизводителей,

– введение элементов планирования в системе единого народнохозяйственного комплекса и централизованной координации рынка ресурсов и внешней торговли.

Так, например, **Л.А.Тихомиров** главной целью экономической имперской политики называл “такую завершенность производственных сил нации, которая бы обеспечивала самостоятельность ее в удовлетворении своих нужд”¹⁹. Идеал этого русского монархиста – независимая от иностранного капитала экономика – автаркия, как система замкнутого самоудовлетворяющегося хозяйства, основанного на развитии внутренних производительных сил, балансе экономических потенциалов различных территорий, разделении труда и государственной регуляции. В соответствии с этим, Л.А.Тихомировым определялись и три важнейших задачи национальной экономики:

1. Сильное производство;
2. Полное равновесие производства;
3. Правильное распределение продукта²⁰.

Земледелие и промышленность в такой экономической модели, полагал Тихомиров, гармонично взаимосвязаны и не противостоят друг другу, а “территориальное согласование производств” особым централизованным органом планирования позволит эффективно развивать свой внутренний рынок, который он считал “наивыгоднейшим” и “наиболее обеспеченным от случайностей” мировых экономических кризисов. “Имея основой внутренний рынок, – указывал Тихомиров, – такая промышленность обращается на внешний рынок лишь по мере необходимого... не позволяя себя эксплуатировать”¹⁹.

Л.А.Тихомиров видел огромные перспективы автономного экономического развития Российской Империи, обладающей богатейшими природными ресурсами и потенциалом территориально-производственных комплексов, а предрасположенность национальных моделей хозяйствования к самоограничению и самоудовлетворению, считал важнейшей предпосылкой независимого и “полнокровного” существования страны, что позволит избежать интеграцию в систему мирового экономического пространства и глобального разделения труда в пользу западных метрополий.

О значении создания мощного экономического потенциала страны много писал и **М.Н.Катков**. Усматривая в процессах бурного промышленного развития Европы и Северной Америки угрозу национальной безопасности России, возможность потери ею своей независимости, Катков указывал на необходимость модернизации хозяйственных основ самодержавного имперского государства, внутренней адаптации и утилизации всех достижений технического прогресса для нужд своей страны. Он считал развитие национальной промышленности и ее конкурентоспособности “насушной потребностью” и доказывал, что, только обеспечив свой высокий промышленный уровень, Россия сможет укрепить военную мощь, утвердиться на мировом рынке, сохранить единство и целостность империи и обеспечить гарантии стабильности внутригосударственного самодержавного строя. Он даже высказывал уверенность, что в случае реализации общегосударственной идеи великого промышленного подъема “мало бы осталось места для нигилизма и анархизма, которые овладевают умами от нечего делать”²¹.

М.Н.Катков призывал ориентироваться на отечественное производство, развитие независимой национальной промышленности “на прочных началах протекционизма”, полагая, что проникновение иностранного капитала в Россию поставит хозяйственные институты страны в зависимость от западных бирж и рынков, а это приведет, в конечном итоге, к потере политической самостоятельности и, как следствие, к свержению монархии и приходу к власти марионеточных режимов управления страной²².

Обеспокоенность Каткова в этом вопросе имела реальное обоснование. Так, например, с середины 80-х годов XIX в. до начала первой Мировой войны иностранные капиталы в русской промышленности увеличились с 177 до 1960 млн. руб., то есть более чем в 10 раз. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13%, что было почти в три раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом²³.

В 1909 г. экономист консервативного направления В.И.Гурко отмечал, что, несмотря на преобладание русских в государственных органах, в “общественных и бюрократических учреждениях”, активно идет процесс перераспределения власти за счет мощного фактора иностранного влияния в экономике: “Жизненный нерв страны – вся ее хозяйственная деятельность – захвачен элементами пришлыми, чужеземными, вследствие чего к этим элементам понемногу переходит и фактическое господство в стране”²⁴.

Таким образом, национальная централизованная модель экономики, предполагающая, в том числе, привлечение передовых промышленных технологий, напрямую связывалась русскими консерваторами с проблемами сохранения Россией своей политической независимости, самоидентичности и незыблемости самодержавного строя в условиях международной промышленной конкуренции конца XIX – начала XX вв. Но при этом экономические факторы являлись вторичными, производными от тех культурно-политических задач, которые стояли перед русской монархической государственностью в исторической перспективе: самосохранение, дальнейшее эволюционное развитие в новых, современных условиях, политическая конкуренция с другими формами и принципами государственного устройства.

Каким образом и в каких формах предлагалось это эволюционное развитие России? На сегодняшний день это наиболее “темная” сторона анализа русского консерватизма в отечественной науке.

Примечания

* Начало серии статей, посвященных русской консервативно-монархической доктрине, см. “Обозреватель—Observer” 2005. №№ 3–5, 7.

¹ Московские ведомости. 1881. № 104.

² Катков М.Н. О Самодержавии и Конституции. М., 1905. С. 33, 41, 44, 42, 21.

³ Катков М.Н. Полное собрание передовых статей “Московских ведомостей” за 1886 г. М., 1897. С. 131, 24.

⁴ Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 101–102.

⁵ Программа политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 430, 423.

⁶ Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901. С. 68.

⁷ Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. С. 335, 105.

⁸ Стенографический отчет Государственной Думы. Созыв 3. Сессия 3, заседание 17 февраля 1910 г.

⁹ Цит. по: Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. Одесса, 1913. С. 708.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Январь 1881 г. Полн. Собр. Соч. Изд. 4. Т. XI. Спб., 1891. С. 500.

¹¹ Цит. по: Цымбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 110.

¹² Что такое монархия. Опыт монархического катехизиса. М., 1911. С. 1.

¹³ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. С. 181.

¹⁴ Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй. Спб., 1906. С. 54–55; Приложение. С. 13.

¹⁵ Черняев Н.И. О Русском Самодержавии. М., 1895. С. 68–69.

¹⁶ Московские ведомости. 1867. 14 декабря, № 243.

¹⁷ Московские ведомости. 1869. 9 декабря, № 267.

¹⁸ Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года. М., 1907. С. 55–56, 65.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 647, 639, 644.

²⁰ Тихомиров Л.А. Вопросы экономической политики. М., 1900. С. 5.

²¹ Московские ведомости. 1884. 17 ноября. № 319.

²² Московские ведомости. 1884. 5 мая. № 138.

²³ Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 24.

²⁴ Гурко В.И. Наша государственное и народное хозяйство. Спб. 1909. С. 227.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

В.Гагарин,
генерал-лейтенант

Развитие военно-политической и стратегической обстановки в мире до 2020 г. будет определяться, прежде всего, продолжающимися процессами глобализации и связанным с ними стремлением США упрочить свое положение как единственной сверхдержавы в однополюсном мире и в противовес этому — попытками региональных центров силы уменьшить доминирующее влияние США на мировую политику.

Мировое сообщество оказалось перед фактом роста региональной конфликтности, вызванной столкновением жизненно важных интересов ведущих государств мира. Следствием этого стало объединение усилий ряда государств по противостоянию давлению США и ускорению процессов формирования региональных и субрегиональных организаций по безопасности. При этом многие государства еще не определили стратегическое направление своего развития и не сделали окончательного выбора в принадлежности к той или иной коалиции государств.

Все это не позволяет дать точную прогностическую оценку того, в каком именно направлении могут развиваться межкоалиционные и межгосударственные отношения. Однако с достаточной определенностью можно сказать, на какой почве в перспективе вероятно возникновение следующих кризисных ситуаций:

- стремление США и их ближайших союзников к доминированию в мировом сообществе при предпочтении многими другими государствами многополюсной модели мироустройства;
- процесс разделения человечества по культурно-этническому и религиозному признакам (имевшее ранее место противостояние Запад-Восток трансформируется в противостояние Север-Юг или христианство-ислаимзм);
- быстрое уменьшение относительной численности населения в индустриально развитых государствах по сравнению со странами “третьего мира”;
- усиление борьбы за рабочие места в глобальном масштабе;
- нарастание гонки вооружений, распространение в мире ракетно-ядерных технологий.

Анализ показывает, что в целом на развитие Стратегической обстановки (СО) в мире будут влиять следующие факторы: расширение состава и зоны ответственности НАТО; создание военных структур в Европейском союзе (ЕС); разработка системы ПРО США; присутствие ВС США и других стран НАТО в Закавказье, Средней и Центральной Азии; военно-политический курс Китая; перспективы развития ситуации на Ближнем Востоке; расширение “ядерного клуба”.

Рассмотрим эти факторы более подробно.

Расширение состава и зоны ответственности НАТО. По оценке западных, в том числе американских, военных экспертов процесс расширения НАТО может занять от 10 до 15 лет.

Известно, что решение о расширении числа участников НАТО было принято еще в январе 1994 г. Новыми членами блока, помимо Польши, Чехии и Венгрии, в 2004 г. стали семь европейских государств, среди них — три прибалтийских республики.

Укрепление позиций и влияния США в блоке НАТО, стремление превратить этот блок в основу новой системы не только европейской, но и евроазиатской безопасности расширением зоны территориальной и военной (оперативной) ответственности и действий за пределы, установленные Уставом НАТО и Вашингтонской декларацией 1949 г. о создании блока.

В результате расширения состава блока и его зон ответственности, осуществления планов модернизации ОВС Североатлантический альянс приобретет дополнительные возможности для осуществления различного рода военно-силового давления в отношении России и других стран, не являющихся членами этого союза, что крайне негативным образом скажется на геополитическом и геостратегическом положении России.

Создание военных структур в ЕС. В ходе реализации выработанной в начале 90-х годов в

рамках ЕС “европейской политики в области обороны и безопасности” (ЕПООБ) на встрече военно-политического руководства стран Евросоюза было принято решение о создании европейских вооруженных сил (Хельсинки, 1999 г.).

В соответствии с принятым решением предусматривается слияние военной структуры ЗЕС и политической организации ЕС в единый союз с собственными вооруженными силами, основой которых станут еврокорпус, европейская авиационная группа (ЕАГ), объединение “Евромарфор”.

Европейский союз будет наделен правом проведения самостоятельных операций по предотвращению конфликтов и урегулированию кризисов, в том числе вне зоны ответственности блока, если в таких операциях не планируется участие вооруженных сил США.

Разработка системы ПРО США. В основе Договора по ПРО 1972 г. лежал принцип “гарантированного уничтожения” обеих противоборствующих сторон при любом варианте нанесения ракетно-ядерного удара. Данный договор был основным в обеспечении стратегической стабильности в мире.

Создание национальной ПРО США неизбежно будет инициировать очередной виток гонки вооружений. Хотя вероятность развязывания всеобщей ядерной или крупномасштабной обычной войны с вовлечением в нее России в последнее время сведена к минимуму, однако существенно повышается угроза обострения существующих или возникновения новых региональных и локальных конфликтов, которые способны оказать негативное воздействие на безопасность Российской Федерации. Одновременно, в случае развертывания системы ПРО, возрастет стремление США и их ближайших союзников к использованию как коалиционных, так и национальных вооруженных сил для разрешения кризисных ситуаций на территориях суверенных государств и отстранения от власти неугодных режимов без со- ответствующих решений Совета Безопасности ООН.

Таким образом, и это признается большинством американских военных специалистов в области стратегической стабильности, развертывание широкомасштабной системы ПРО носит резко дестабилизирующий характер.

Присутствие ВС США и других стран НАТО в Закавказье, Средней и Центральной Азии. Существенного увеличения и усиления военного присутствия НАТО в Закавказье, Средней и Центральной Азии в ближайшие 3–5 лет не предвидится. Считается, что после проведенной операции в Афганистане и завершения войны в Ираке основные очаги терроризма подавлены, а для борьбы с его мелкими, локальными группировками достаточно сил США и других стран НАТО, дислоцирующихся непосредственно в Центрально-Азиатском регионе.

Военно-политический курс Китая. В качестве главного фактора, обуславливающего направленность изменения военно-политического курса Китая, можно назвать значительный рост его экономического и военно- го потенциала. Второй этап долгосрочной (до 2049 г.) программы модернизации китайских ВС имеет своей целью развитие НОАК и ВС в целом до уровня, обеспечивающего им возможность успешного ведения локальных войн любого масштаба (малого и среднего – к 2010 г., крупномасштабных – к 2020 г.) по периметру “стратегических границ”, которые к этому времени, как предполагается, будут определяться границами всего АТР.

Необходимо заметить, что китайское руководство традиционно придерживается взглядов о возможности использования вооруженного насилия для достижения своих целей, о чем свидетельствуют многие официальные документы и заявления государственных деятелей КНР.

Это свидетельствует о том, что военно-политическое руководство Китая продолжает придавать большое значение вооруженным силам как одному из основных инструментов не только защиты, но и реализации национальных интересов.

Перспективы развития ситуации на Ближнем Востоке. Особенность ситуации на Ближнем Востоке заключается в сохранении в обозримой перспективе основных противоречий, обуславливающих ее напряженность и взрывоопасность.

Основой такого противоречия является объективная потребность Израиля в оккупированных землях для обеспечения собственной безопасности при вполне понятном и законном стремлении палестинцев создать свое государство, а Сирии и Ливана – восстановить суверенитет над своими территориями.

Анализ обстановки на Ближнем Востоке свидетельствует, что в обозримой перспективе реального разрешения конфликта не предвидится. Наиболее вероятно его долговременное продолжение с нерегулярными периодическими затуханиями и обострениями.

Расширение “ядерного клуба”. В настоящее время в “ядерный клуб” входят 5 государств: Россия, США, Великобритания, Франция и Китай, но целый ряд государств

Европейско-Азиатского, Центрально-Азиатского и Восточно-Азиатского районов имеет сильные побудительные мотивы к приобретению статуса ядерного государства, что обуславливается их вовлеченностью в острое региональное соперничество и в противоборство с великими державами.

Техническими возможностями по развертыванию крупных арсеналов ядерного оружия до 100 ед. и более в прогнозируемый период (до 2020 г.) будет обладать весьма ограниченное количество государств, которые рассматриваются в качестве претендентов на статус ядерных. К числу этих государств относятся Израиль, Индия, Пакистан.

Теоретически могут предпринять “рывок” к обладанию ядерными возможностями в случае неблагоприятного (по их оценке) развития обстановки в мире Египет, Ирак, Иран, КНДР, Саудовская Аравия, Сирия, Тайвань, Южная Корея. Однако данные страны, рассматриваемые как возможные претенденты на обладание ядерным оружием, в период до 2020 г. смогут развернуть лишь относительно небольшие арсеналы ядерного оружия (не более 10 боеприпасов).

К 2020 г. ряд стран (Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея) будут, по всей видимости, обладать техническими возможностями производства и развертывания межконтинентальных баллистических ракет.

В этих условиях Стратегическая обстановка (СО) вокруг России будет характеризоваться нестабильностью, напряженностью, обострением противоречий, частым использованием Запада угрозы силой или ее прямым применением против суверенных государств.

Анализ содержания внешнеполитических факторов позволяет сделать следующие выводы:

1) в настоящее время военно-политическая обстановка в мире и основных регионах страны остаётся динамичной и достаточно сложной. Потенциальная военная опасность сохраняется и при определённых условиях и обстоятельствах может стать реальной;

2) кризисные явления в экономике проявляются в ухудшении снабжения и обеспечения войск, снижении жизненного уровня военнослужащих, увеличении числа безработных, отсутствии реальной возможности качественного отбора при призыве на военную службу;

3) в современной обстановке сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования системы поддержания боевой готовности (БГ) войск, повышения потенциала их живучести и обеспечение требуемого уровня автономности;

4) “прозрачность” границ повышает возможности информационного воздействия противника на систему боевого управления и личный состав.

Таким образом, негативное воздействие факторов СО может привести к существенной потере боеспособности подчиненных войск.

В этих условиях правильный анализ и оценка возможного воздействия перечисленных факторов дает командиру возможность определить основные направления деятельности по поддержанию БГ и устойчивого МПС личного состава.

Результаты анализа современной ВПО и СО позволяют сформулировать тенденции их развития на Западе, Юге и Востоке РФ и сделать следующие выводы.

На Западе сохранится большое количество противоречий, обострение которых может привести к военным конфликтам различного масштаба. При этом наиболее взрывоопасная ситуация сохранится в Южно-Европейском регионе, где эскалация существующих и вновь возникших военно-политических конфликтов потенциально может привести к вооруженному противостоянию РФ и ее союзников с Турцией и с НАТО в целом и распространению военных действий в другие районы Европы и Азии.

Военно-политическая и стратегическая обстановка будет развиваться под воздействием углубляющихся и периодически обостряющихся противоречий между отдельными государствами, а возможно, и группами стран в Центральной и Восточной Европе и в СНГ. При этом НАТО будет настойчиво стремиться играть ведущую роль в урегулировании кризисных ситуаций, используя для этого весь спектр мер, в том числе и военную силу.

На Юге сохранятся неблагоприятные тенденции в развитии ВПО, что связано как с нестабильностью ситуации в центрально-азиатских государствах СНГ и дальнего зарубежья (Турция, Афганистан, Пакистан), так и с внутренними проблемами Российской Федерации, в основе которых лежит деятельность национально-этнических и религиозных факторов.

В развитии военно-политической обстановки в регионе будет доминировать тенденция к обострению как межгосударственных, так и внутригосударственных противоречий. При этом характерной чертой останется стремление Турции, Ирана и Пакистана ослабить позиции России. Развитие ситуации будет происходить под пристальным вниманием западных государств и, прежде всего, США, руководство которых в первую очередь стремится сохранить и усилить свой контроль

за добычей и транспортировкой энергоносителей на мировые рынки.

Решающее влияние на развитие военно-политической и военно-стратегической обстановки на Востоке будет оказывать стремление США, Японии и Китая оттеснить Российскую Федерацию от решения крупных региональных военно-политических проблем. Сохранятся также противоречия между отдельными странами АТР, возникшие на почве нерешенных социально-политических, экономических, территориальных, национально-этнических и других проблем и обуславливающие обострение существующих, а также возникновение новых межгосударственных и внутренних конфликтов.

Необходимо отметить, что нынешняя ситуация на западных, южных и восточных границах РФ не имеет узко регионального характера. Она определяется целым узлом противоречивых проблем широкого международного плана, в том числе и в контексте стратегических отношений Россия – Запад.

Таким образом, тенденции развития СО в мире и регионах показывают, что в период до 2020 г. угрозы военной безопасности России будут иметь системный характер и представлять собой совокупность одновременно действующих негативных факторов, которыми являются: укрепление и расширение НАТО, появление в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и военных контингентов, распространение ОМП и средств его доставки, поддержка США и другими государствами центробежных тенденций в СНГ, возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы РФ, территориальные притязания к РФ, деятельность сепаратистских и террористических организаций. Однако в настоящий момент угроза развязывания военной агрессии со стороны США или стран НАТО маловероятна.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА: ВТОРЖЕНИЕ ПОСТМОДЕРНА

П.Лоцилов,

кандидат политических наук
(Северокавказская академия госслужбы.
Ростов-на-Дону)

Современный мир в настоящее время находится в состоянии, где главным объяснительным императивом являются происходящие широкомасштабные изменения. Новые постмодерные реалии определяют содержание и смысл существования общества и экономики, государства и культуры.

Как пишет известный немецкий социолог Ульрих Бек: “Мы являемся свидетелями метаморфозы общества..., в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между женами, точно так же как в ходе Реформации они освобождались от господства Церкви и переходили к формам жизни светского общества”¹.

Можно привести множество категориальных спецификаций современного периода истории: глобалистских, постиндустриальных, информационных, коммуникационных и т.д., которые заостряют внимание на объяснении и представлении современного мира как совокупности перемен и изменений прежнего периода человеческого развития. Нынешние перемены в мироощущениях людей отличаются такой глубиной и массовостью, что они существенным образом трансформировали облик и уклад экономической, политической и социальной жизни. Политические и экономические основы жизнедеятельности радикально изменились, нормы социального взаимодействия основательно модифицировались.

Новый – постмодерный мир функционирует по иным параметрам и законам, содержание которых качественным образом отличается от тех, которые были присущи прежней эпохе модерна. При использовании термина “постмодерн” важен учет системных позиций, то есть под ним понимается историческая эпоха. Основанием для использования термина в таком контексте является преемственность современности и предыдущих этапов человеческого развития.

Как пишет английский социолог З.Бауман: “Общество, вступающее в XXI в., не в меньшей мере принадлежит “модернити”, чем общество, вступившее в век двадцатый; в крайнем случае – можно сказать, что оно принадлежит модернити несколько особым образом”².

Для современного постмодерного мира характерен новый образ реальности, обусловленный как научно-техническим прогрессом второго тысячелетия, так и изменениями культурной сферы. Это позволяет говорить о сегодняшнем социуме и его политической сфере как о постмодерных явлениях.

В политической философии современной России развитие постмодерных императивов зачастую связывается с мировой победой западной либеральной идеологии³. Распространена точка зрения, согласно которой признается торжество либерализма, оказавшегося самым жизненным Великим проектом эпохи модерна. Многие авторы утверждают, что эта победа привела к стагнации современности, замещении модернистских прерогатив новыми принципами и установками нынешнего политического поля. Такая позиция во многом обусловлена отголосками “пораженческих настроений”, получившими распространение в результате краха марксистско-ленинской идеологии в отдельно взятом государстве. Таким способом некоторые отечественные ученые пытаются представить историческую несостоятельность и либеральной идеи, которую ожидает уход в небытие с утратой своего главного мировоззренческого соперника – эсхатологического коммунизма.

Скорее всего, мировое сообщество просто расположилось сейчас в эпицентре глобальных изменений, затрагивающих одинаково все общественные системы, как развитые западные, так и модернизирующиеся политии. Эти изменения были отмечены еще в 60-е годы, и прослеживались они исключительно на либерально-демократической почве, что позволяет говорить о некоем структурном кардинальном сдвиге постиндустриального общества. Сейчас можно с уверенностью говорить о “новом общем” в системах мировых политических конгломератов – отходе от

идеологизации в политике и развитии альтернативной системы политических воззрений, когда все больший вес приобретают суверенно-личностные воззрения и соответствующие им горизонтальные организации социума.

Осмысление этих перемен занимает значительное место в исследованиях как западных, так и российских ученых.

В частности, российский исследователь постсовременности А.Некlessа пишет: “социальные, политические, экономические мутации образуют новые понятийные конструкции, структура звеньев которых в каждом отдельном случае вроде бы ясна, но общий смысл – темен, а механизм действия нередко обескураживает. Осмысление глобальной трансформации мира является сейчас едва ли не основным интеллектуальным занятием гуманитарного научного сообщества”⁴.

То, что именно на Западе проводится подавляющее большинство исследований, анализирующих условия и характеристики постмодерного сдвига, совсем не значит, что именно там расположены трансформационные базы.

Выдающийся политический философ современной России А.Панарин писал в одной из своих последних работ: “Настоящими центрами постмодернистской чувствительности сегодня являются не культуры Запада, а вестернизирующиеся культуры ближней периферии, к каким принадлежит и постсоветская”⁵.

Именно трансформирующиеся общества “междумирья”, пытающиеся определить свою принадлежность и ищущие себя между традиционалистскими императивами и привлекательными эталонами Другого – “мира развитого Запада”, наиболее восприимчивы к постмодерным сдвигам. Именно в них так реально проявляются и ощущаются новейшие модификации политики, культуры, управленческой сферы, обусловленные постмодерными спецификациями и конгруентами.

Специфику постмодерна можно определить как глобальное распространение новой системы социальных условий, когда привычное исчезает, а торжествует “операциональная белизна” функциональных операций и коммуникаций⁶. Сейчас вместо классов, этих главных политических акторов эпохи модерна, современное социальное определяется “массами” и они замедлили исторический процесс. “Массы” были созданы медиа-симулякрами, универсально распространившимися и функционирующими “на основе структурного закона ценности”⁶. “Массы” – молчаливое большинство, своеобразная черная дыра общества, поглощающая социальное, и одновременно воспроизводящая универсальное социальное.

Французский философ Бодрийяр характеризует постмодерный мир как состояние “после оргии”⁷, где все уже сбылось и все силы модерна – политические, сексуальные, производственные – освобождены, “утопии реализованы”.

Идеалы и ценности могут и воспроизвестись в постмодерне, но это уже будет вид бесконечного размножения-мутации как результат распада и рассеивания. Все смешивается и камуфлируется друг с другом – политика с сексом, спорт с бизнесом и политикой, экономика с политикой.

Для интересов “масс”, этих неопределяемых и неструктурированных акторов социально-политического поля постмодерна, характерна маргинальность общественного сознания. С уходом из сферы сознания былой престижности общественного человека в ней стали появляться архаические паттерны, свойственные микрогруппам, или “малым племенам”⁸. В современном социальном пространстве эти образования, точнее культурные кооперации, связаны между собой сетью общеэкономических и биокультурных отношений. Французские социальные философы Гваттари и Делез называли интересы таких макрогрупп “племенной психологией”¹⁰. “Племя” в своей общественной жизни имеет тенденцию к “трансверсальности” – метафизической “поперечности” к общепринятым нормам. В его культуре правят множественная ритуальность, банальность жизни, всеобщая двусмысленность, игра образами-кажимостями и карнавальность бытия.

Подтверждением высказываний Делеза и Гваттари стало исследование итальянского социолога Маффесоли, согласно которому в общественном сознании конца XX в. проявился уникальный социокультурный парадокс: в нем произошли постоянные колебания между все увеличивающейся массивацией и развитием этико-эстетического сознания малых групп⁹.

Маффесоли подтвердил установку французского постмодерниста-философа Лиотара о том, что в обществе постмодерна распространилось недоверие к идеологическим системам – “метарассказам”. По его мнению, сейчас возможны лишь “миниконцепции”, поскольку в настоящее время нет никаких “сильных идеологий”, способных объединить общества. В коллективной

чувственности малых групп проявилась особая форма современной социальности – социальность множества, противостоящая обществу в его традиционном понимании. Эти множества имеют вид маргинальных сообществ, в которых возникает особый дух эмоциональной сопричастности и специфический тип эстетического восприятия, где разум и рациональность замещаются эмоциональным реагированием.

Сознание постмодерна, включает Маффесоли, отвергло традиционную логику – логику господства и инструментализма, принципы строгой организованности и иерархической упорядоченности социальных структур, то есть все то, что является характеристиками типичной социальной организации. Вместо этого в нем проявилось “развитие органической солидарности в символическом измерении (коммуникация), “нонлогики” (в духе идей В.Парето), озабоченность настоящим”⁹.

Постмодерное сознание имеет ярко выраженную эстетическую форму существования, что и приводит к возникновению групповой солидарности в социальном пространстве современности. Однако эстетическое сознание способствует тому, что после продолжительного периода торжества рационального и “расколдовывания мира”¹⁰ наступило время “заколдовывания мира” в сознании людей конца XX – начала XXI в.

Насколько “теория нового трайбализма” с тенденциями к разрушению и размытию социальных, идеологических и этических границ вследствие плюралистичности общественных интересов, ориентаций и вкусов окажется убедительной в становлении постмодерных реалий, покажет лишь время. Однако в проявлении и развитии таких интенций явно чувствуются радикальные трансформации прежнего общества и его социально-политического уклада. Конец прежней социальной организации с ее идеологическими императивами и весьма четкой организованностью, дал почву для пробуждения в обществе низших жизненных паттернов, способствовал новому социальному структурированию с преобладанием малых горизонтально организованных групп, отстраняющихся от политических усилий власти.

Американский исследователь Р.Инглхарт связывает происхождение этих перемен с процессами смены поколений, что позволяет говорить о некой постепенности таких изменений, а также и об их долговременности¹⁴.

Современное западное общество уже “с молоком матери” усвоило нормы существования по условиям свободного рынка. Это, в свою очередь, привело к тому, что сейчас активно протекают взаимосвязанные между собой организационные и мотивационные изменения социальных систем. Классические бюрократические формы институализации политической сферы все более регрессируют – они оказываются менее эффективными в условиях всепроникновения информационных технологий.

Для современного человека характерен приоритет личного самовыражения в сравнении с экономической эффективностью. Люди уже не так акцентируют свое внимание на экономическом благосостоянии, и сейчас они не готовы терпеть собственные лишения из-за бюрократии и устанавливаемых ею жестких социальных норм. В развитых западных полициях все более очевидными становятся падение авторитета иерархических институтов власти, дифференциации проявлений политического выбора и способов массового участия. Именно этими концептами обусловлены новые политические проблемы и стимулированы новые массовые политические движения, сменяющие политические партии по силе их воздействия на сферу общественного сознания.

Сверхбыстрое и обезличенное развитие информационно-медийной сферы наряду со сменой личностно-психологических приоритетов и невиданным ранее уровнем благосостояния на Западе привели к переформированию политических воззрений и установок.

Сейчас религия и идеологии не оказывают больше успокаивающего или мобилизирующего воздействия на современного человека. Человек постмодерна уже не столь связывает свою финансовую состоятельность и личную безопасность с высшими силами и государственной опекой, как в аграрных и индустриальных обществах. Людей все больше ориентируют новые постмодерные ценности, где не акцентированы традиционные культурные нормы. А те, что ограничивают индивидуальное самовыражение, просто теряют свое воздействующую значительность.

В исследовании, обобщившем эмпирические данные, полученные в 43 странах за период 1970–1995 гг., Инглхарт представляет в качестве основы постмодернизационного сдвига в сфере политики смену от материалистических к постматериальным приоритетам¹². Американский

ученый основывается в этом утверждении на двух гипотезах:

1. Гипотеза ценностной значимости недостающего (A Scarcity Hypothesis). Согласно этой установке в формировании жизненных индивидуальных приоритетов отражается социально-экономическая среда: человек в своих действиях придает большую значимость тому, чего ему относительно не хватает.

2. Гипотеза социализационного лага (A Socialization Hypothesis). Соотношение между ценностными приоритетами личности и социально-экономической обстановкой существенным образом зависит от временного фактора – лага, поскольку в базовых паттернах индивида отражены условия жизни, предшествовавшие его совершеннолетию.

Инглхарт в своей концепции связывает распространение постмодерных ценностей в современных обществах с уровнем их экономических достижений особым образом. Он опирается одновременно и на традиционную теорию иерархии человеческих потребностей Маслоу¹⁶, и на теорию человеческой социализации, делающей акцент на важности ранневозрастных аспектов развития личности. Также Инглхарт акцентирует внимание и на социально-психологической теории, отстаивающей значимость влияния стрессовых ситуаций на человеческие стратегии и на формирование их убеждений.

Существуя в ситуации опасной для собственной жизни, люди реагируют на нее стрессом, что способствует формированию способов преодоления различных угроз. Борясь с наиболее опасными для жизни обстоятельствами, человеческая психика справляется с ними формируя или принимая уже существующую стратегию убеждений, обеспечивающей личности ощущения предсказуемости и контроля над ситуацией. Отсутствие такой системы убеждений может привести к беспомощному состоянию, грозящему “отступлением” личности в различные депрессии, вплоть до алкоголизма или наркомании.

В доиндустриальных и индустриальных обществах в качестве таких систем убеждений эффективно функционировали религии, а позднее – светские идеологии. Они формировали убеждения в том, что данный мир организован по плану, который имеет событийную предсказуемость, позволяющую освободиться от насущных тревог, сосредоточиться на способах их преодоления.

Без такой системы убеждений крайнее напряжение способно порождать реакции отступления, депрессии и фатализма. А в коммунистической идеологии прижились оба эквивалента – религия и политическая идейно-ценностная концепция, обеспечивавшая одновременно и чувство предсказуемости, согласно предсказаниям Маркса, и чувство надежды, поскольку ощущалась очевидная и насущная забота вездесущих и вполне реальных вождей.

Одним из главных достижений властных отношений эпохи модерна был сдвиг от религиозной к рационально-бюрократической легитимации. В индустриальных обществах решения лидеров оправдывались ссылками на соответствие правящей системы общественному благу.

Эпоха постмодерна показала возможность еще одного сдвига, результатом которого становится снижение важности власти и правящего авторитета, в ранних обществах бывшими важнейшими составляющими человеческого существования. Этот сдвиг качественно иной, чем опора на религиозные символы или бюрократические институты, которые были сформированы распространенными социальными потребностями к выживанию. Объяснением этого процесса является тот факт, что современные демократические системы предоставляют индивидам намного более развитые условия процветания и безопасности, чем это было доступно в бедных авторитарных обществах. Ранее люди, зачастую существовавшие в условиях неуверенности, испытывали опасение от внешних угроз и внутренней неустойчивости и стремились опереться на сильные авторитетные личности, способные оказать им защиту. Современные же общества характеризуются развитой экономикой и материально обеспеченным населением. И у граждан таких стран намного реже проявляются позывы к авторитаризму.

В постмодерных обществах власть смещается на нижний, локальный уровень – она становится проявлением, как индивидуального бытия, так и “глобальных форм господства”¹⁴, действующих при помощи институализированных коммуникативных средств. Власть в современных обществах все больше апеллирует к знанию, позволяющему в эффективной степени контролировать сознание человека. Власть уже не является интенцией к абсолюту или авторитету, она больше бессознательна, может и подавлять, но в состоянии и способствовать прогрессу. Власть в постмодерне пронизывает и определяет всю специфику социальных отношений, обладание ею на современном этапе не прерогатива неких структур или должностей, она растворена в общественном дискурсе¹⁵. Власть наполняет все и в то же время определяется социальным¹⁶.

“Между техниками знания и стратегиями власти нет никакого промежутка”, утверждает Мишель Фуко.

В постмодерном мире, где власть, знание, коммуникация, информация слились в единый клубок симуляций, который и есть не что иное, как современный дискурс. Отметим, что особый статус в этом дискурсе занимают масс-медийные технологии, мобилизация которых и приводит власть к феномену развоплощения, аннигиляции “телесных” воплощений и превращения в пустые знаки и тексты, заполняющие “перспективное пространство симуляций”⁶, ничего общего не имеющие с действительностью.

Такие глобальные сдвиги в современных обществах неизменно будут способствовать не только модификации, но и разрушению основных политических институтов в постмодерных реалиях.

Инглхарт среди основных ценностных изменений выделяет следующие.

С распространением постмодерных приоритетов в политической сфере наблюдается падение уважения к институционально-иерархической власти. В индивидуально-личностных проекциях наоборот усиливаются потребности к повышенному участию и самовыражению. В авторитарных системах это ведет к демократизации общественности. В развитых демократиях – к развитию партиципаторности и ориентированности политики на решение конкретных проблем. Очевидно, что такие процессы в современных полициях изменили статусное состояние правящих элит;

Личностная вовлеченность в политическую сферу ведет к тому, что в современных обществах проявляются новые формы массового участия. В аграрных обществах политическое участие было делом узкого меньшинства – крупных и средних землевладельцев. В индустриальном обществе политические партии организовывали социальные массы, что привело к развитию демократических аспектов и росту политического участия, проявившегося в виде электорального волеизъявления. В постмодерных обществах, несмотря на то, что сохраняется участие в виде голосования, политическая вовлеченность проявляется в более активных и проблемно-специфицированных формах массового участия.

Сейчас традиционные политические партии более не являются “передовым авангардом” политизированных масс, социальные группы все меньше подвержены их влиянию, отказываясь быть их послушным орудием. А общественные образования стремятся к автономному участию, оппонирова элитам.

Таким образом, принимая во внимание сохранившийся в современной политической сфере механизм голосования, отметим общую тенденцию к тому, что эпоха постмодерна создает специфическую социально-политическую активность, выражаемую в особых, проблемно-деятельных формах. К тому же очевидно увеличение определенного сегмента населения, который воспринимает собственное участие в политике как свободно-личностное и важное самовыражение.

Инглхарт говорит также и о том, что подобные изменения “травмирующим образом подействовали на традиционные политические механизмы индустриального общества, которые почти повсеместно разладились”¹¹. Американский ученый пишет, что эпоха постмодерна явилась предзнаменованием сворачивания государственной активности, государство стало терять свои доминирующие позиции в сферах управления экономикой и обществом. Причиной этого являются и утрата доверия людей к государственной власти, и развитие частнособственнических тенденций в политике и экономике, и стагнация функциональных государственных особенностей.

Одновременно с этим, последние события в политической сфере развитых мировых политий говорят о ситуации “восстания элит” (термин американского ученого К.Лэша). Властные элиты, качественно изменившись, стали усиливать (с одновременной своей трансформацией в сторону развития частных корыстных интересов) государственное давление на общество. В медийной сфере усиление государства проявилось в развитии тенденций “общества спектакля”, принципы и возможности которого описал французский философ Ги Дебор¹⁷.

В институциональной сфере управления это выразилось в создании определенных силовых структур, главной задачей которых стала защита общества от различных угроз – преступности, терроризма и “неправильных и опасных стран-изгоев”. Однако при помощи этих организационных образований на практике была решена задача контроля над общественными процессами. В политическом поле государственное давление обнаружилось в виде введения при помощи административных принципов новых политических и общественных организаций – корпоративных партий власти, инициирующих себя выразителями мнения общественного большинства.

Властные элиты действительноотреагировали на “вызов эпохи постмодерна” и успешно

используют “старые-новые” механизмы управления социальной многоструктурностью: при оперировании законодательной властью они удерживают первенство на политическую инициативу и зачастую нечетко определяют границы правового континуума. Политическое взаимодействие власти предержащих покрыто неформальной пеленой, анонимностью и принципиальной непубличностью значительной части принимаемых решений.

Очевидно, что государственные структуры и правящие элиты ощутили неустойчивую ситуацию в массовом сознании, когда с одной стороны испытывается необходимость быстрых перемен, а с другой чувствуется неуверенность в ожидаемом будущем. Следует отметить, что такое положение является питательной средой для ксенофобских и радикальных настроений. А современность часто подтверждает, что рост именно таких эмоциональных квинтэссенций исподволь генерируется властными институтами, формально отрицающими подобную предвзятость, но всячески заостряющими внимание общественности к возможной эскалации межнациональных столкновений. Развитие подобных проблематик в постмодерной политике обусловлено и новым сдвигом в сфере политической конфликтности, когда явно прослеживается смещение от классовых антагонизмов, характерных для индустриального общества, к усиливающемуся акцентированию разнообразия культур и качества жизни. Постмодерн отторг идеологии – эти великие мобилизационные проекты модерна, и люди современной эпохи оказались более подвержены идеям этноцентризма и расизма. Отказ от социальных утопий повлек за собой актуализацию всех расовых и этнических различий, вернувшихся из бессознательного прошлого.

Инглхарт и другие американские исследователи отмечают в своих работах, посвященных постмодерным сдвигам в современной политике, следующий факт – на формирование новых форм индивидуально-личностного участия в политическом процессе наиболее сильно влияет экономическое благополучие в анализируемых обществах¹⁸. Несмотря на имеющееся культурно-факторное развитие, данное условие подтверждается исследованием Р.Инглхарта, проведенным за период 1970–1995 гг.

Также на уровень субъектной вовлеченности в функционально-политическое поле оказывают влияние дезинтеграционные процессы и неудовлетворенность в массах, что подтверждается болезненными разрывами в общественном восприятии в период постсоветской трансформации.

Рассмотрим, как в постмодерной практике воплотились указанные выше тенденции.

Постмодерные трансформации в современный период осуществляют масштабные реконструкционные модификации поля практической политики и всей системы властных отношений. Элиты, пытающиеся сохранить доминирующие позиции в социальной иерархии, все меньше выступают в качестве представителей, и все более действуют как производители политических устоев. Их главной задачей становится простая утилитарная цель, и ради нее они используют весь современный багаж средств социального воздействия, позволяющий искажать объективную действительность и смещать многие акценты общественного сознания. Как это происходит?

Постмодерная многослойность культурной сферы, масштабное распространение медийно-коммуникативных форм общения, все более замещающих весь спектр современного дискурса, привели к тому, что любое социальное действие может иметь свое обоснование. Не так важны последствия такого акта. Главное, что он будет текстуально обоснован – будь то идея современной демократии или идея укрепления государства. Реальность в политике может реконструироваться и в соответствии с имеющимися интересами и культурной практикой. В современной политике текстуальный политический дискурс позволяет свободно оперировать реальностью. В ней можно замалчивать истинные или актуализировать ложные смыслы. В ней можно озвучивать одно, а производить другое. В такой политике можно менять ценности и перестраивать идейный логический ряд, будто бы выдергиваешь и меняешь страницы в книге.

Социальная реальность сейчас во многом обусловлена содержательностью распространенных культурных текстов.

Как писал основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр: “означающее немотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи”¹⁹. Культурные тексты формируют восприятие и ментальные рефлексии социального субъекта. Такое условное пространство характерно чрезвычайным многообразием и необхватностью, где большинство текстов несовместимы, а лишь легитимированы по критерию соотнесенности с другими, более “авторитетными” текстами.

Общественное восприятие постмодерна зачастую демонстрирует свою подверженность различным текстуально-культурным образцам, о смысле и содержательной значимости которых

оно даже может и не подозревать. Главное в данном случае – некая апробированность и схожесть с эрзацами “обществ-эталонов”, коими сейчас успешно позиционированы в массовом восприятии развитые западные системы. Любое неустойчивое социальное образование может быть “заколдовано” правильно поданным текстом. Для элит политики постмодерна оперирование фактами или достигнутыми результатами стало непрактичным занятием. Власть в таком обществе в первую очередь должна соответствовать значимо важным лексемам: демократическая конституция, права человека, рыночная экономика, партнерские отношения с западными странами. Такие тексты способны сориентировать общественный политический дискурс в любую сторону, невзирая на неприглядность свидетельствующего опыта. Главное, использовать те тексты, которые легитимированы в культурном восприятии, и та власть, что оперирует ими и подтверждает свое соответствие им, тоже способна предстать как легитимная.

В связи с этим, постмодерные модификаторы политической сферы, предпочитающие выступать на публичной сцене, уже не являются политиками в классическом понимании. Для политика модерна характерна представительская или репрезентивная функциональность – он должен был представлять интересы своих избирателей в системе власти. Политик модерна – приемник и модератор электоральных запросов, интегрирующий и рефлектирующий их. Политик постмодерна, прежде всего, конструктор и репрезентатор собственного имиджа. Имидж – весьма иллюзорное социально-психологическое образование, предлагающее не определение объективного, а представление желаемого.

Согласно еще фрейдовской позиции, в желании велика роль бессознательного. Вместе с тем, в постмодерне желание является субъективно приемлемым, оно способно к социальному проявлению и конструированию объективного. Как писали Делез и Гваттари: “Желание есть часть базиса”²⁰. Адекватно этой установке в постмодерной политике все чаще происходит символическое удовлетворение подсознательных, даже не мотивированных политикой желаний, что может осуществляться и хлестким словом, и эпатажным поведением. Так может быть удовлетворено современное подвижное и привыкшее к наступившему товарному разнообразию желание, имеющее двусмысленный характер, – ситуацию встречи соблазнителя и соблазняемого. Человек постмодерна, во многом пресытившийся и не обеспокоенный проблемами выживания, хочет быть соблазненным, и его желания пробуждаются в ответ на провокации соблазнителя²¹.

Вот почему в современной политике все больше ощущается тоска по харизматическим личностям, где харизма становится уже больше решением технологическим, чем врожденным качеством. С веберовской точки зрения, в политике должно быть больше рациональности, и харизма оценивается как отказ от ситуации взвешенности и определенности в сторону групповой экзальтации. Для рационального избирателя интересна была лишь представительская эффективность политика, для индивида постмодерна – то очарование, которое может дать имидж политика.

Следуя распространенному в современной политологии представлению сферы политики как рынка, где правит постмодерное товарное многообразие, вопрос уже не заостряется на качестве и функциональных критериях. Так и политики воспринимаются на уровне отличия собственной имиджевой оболочки, их содержательность мало кого интересует. Избиратель не воспринимает категориальных отличий – всё множество политиканов располагается в сфере представительной демократии и одновекторного развития общества и государства.

В эпоху постмодерна политики утратили функции профессиональных управленцев и превращаются исключительно в публичных персон – носителей имиджа. Обывателя мало интересуют организаторские и деятельностные способности политика, он превратился в символ, желательный образ, его главной функцией стало привлечение и соблазнение индивида.

Вообще в современной политике важнейшие политические институты, такие как государство и выборная система, обрели вид виртуальных образований. Хотя общественное мнение представляется в виде основного политического регулятора, оно в то же время подвергается манипуляции при помощи рейтингов и опросов. Во время этих процедур в общественное сознание вводятся сформированные варианты мнений, задаваемые социальными технологами. Таким способом общественному сознанию предлагается некая модель, симулякр общественного мнения. Участвуя в опросах, индивиды оживляют эти псевдополитические симулякры, наполняя эти образы реальностью, что предполагает их воспринимать как факторы принятия и осуществления решений. Роль человека как общественно-политического актора минимизируется, его восприятие виртуализируется, как и представляемые ему в качестве реальных поступков политиков симулякры.

Подобные ориентации, виртуализирующие действительность, производятся в основном при

помощи СМИ, ставших главными трансляторами постмодерной политики. СМИ легко ориентируют отстраненного индивида в мире неопределенной современности. Так, можно выстроить нужную, но иллюзорную иерархию ценностей, соответствующим образом расположив информацию в передовицах, увеличив газетные заголовки или усилив и окрасив интонацией телекартинку. Одним событиям можно придать значимость, наделив их статусом headline или hot, другие отправить на периферию, тем самым снизив их значимость или тревожность, о некоторых можно вообще не упоминать, и они просто исчезнут из информационного универсума, а вместе с ними из ощущаемо-воспринимаемой действительности. Отсутствует информация – отсутствует и бытийный факт; не существует факта – нет и проблемы.

Ранее рациональный политический выбор был обусловлен существованием логических законов тождества, противоречия и исключения. В политике постмодерна рационалистический дискурс разрушается, все большее место отдается восприятию нелогичного и симулятивного. Современной культуре не присуща более рациональность – в ней имеет место “бесконечная игра” противоположных терминов: “сознательное – бессознательное”, “означающее – означаемое”, “сущность – кажимость”, “правда-вымысел” и т.п.²².

Эти понятия в постмодерне взаимопроникают и взаимовлияют друг на друга. И все больше внимания в современности уделяется бессознательной стороне, вымыслам, отвращающему, видимости. Именно в них медийная сфера, рассчитывающая на эффективное вовлечение и сексуальное соблазнение, доказательно вливает больше содержательности, многозначности и даже восприимчивой терпимости, чем в рационалистской однозначности, олицетворяющей фундаменталистскую правоту и истину.

Следует отметить, что наиболее восприимчивой к постмодерным ценностям является молодежь. Молодежь, как более чувственная и впечатлительная субкультура, стала привилегированным авангардным отрядом постмодерна. Медиа-средства коммуникации для молодых являются привычными и даже уже традиционными источниками ценностей. Их жизненные реалии воспринимаются на основе сравнения с демонстрируемыми, то есть с теми, где содержится чья-то позиция и внесенная текстуальность. Обостренное сексуальное восприятие обеспечивает влечение молодых к эпатажным субъектам политики. Для постмодерной молодежи уже не существует важности идеологических конструктов, способных их объединить и организовать для продвижения в идейно ценное для социальных масс будущее. Они ей не интересны, они пресны и чересчур эфемерны для нее – бытие гораздо насыщеннее и чувственнее. Молодежи чрезвычайно импонирует игровой стиль жизни постмодерна – неясный “финализм”, яркость и красочная зрительность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодежные группы наиболее восприимчивы к постмодерным новациям в политической сфере. И новые политические движения, практически являющиеся сугубо постмодерными – без классических идеологий, настроенные на эпатаж и аффект, нацеленные в первую очередь на чувственное восприятие, в первую очередь ориентированы на мобилизацию молодого поколения.

Вообще постмодерная политика не ориентирована на будущее, она исходит из важности ситуации и соответствия моменту, а они зачастую латентны и бессодержательны в социальном восприятии. Сегодня в политике все больше проявляются радикальные и протестные компоненты, не содержащие в качестве обоснования идейно-ценностных эсхатологических комплексов. В постмодерном социальном реформировании все больше места отводится пассионарным субъектам, которые “не доверяют большим историческим рассказам и проектам”²³. Однако это вызывает обращение вспять, к фундаменталистским проектам прошлого, поскольку любая альтернатива будущего воспринимается с презрением и нигилистски, что и способствует развитию вдохновительного радикализма. Все внимание отдается разрозненным впечатлениям – ценным, чувственным, контрастным – и в этой связи актуализируются националистические и деструктивные императивы в политическом восприятии. Поскольку в постмодерне лишь политическое участие представляется как пространство для приложения социально-индивидуальной активности, то оно предпочитает воспроизводиться именно в ярко-протестных формах, легко мобилизирующих молодежь и экономически самодостаточные социальные группы.

Для этих, уже постмодерных социальных групп пространством политики уже не является Парламент, Президентская резиденция или даже площадь. Здесь нужен аффект – майдан. Для них актуальны произвольные сюжеты, яркие сценарии и герои, даже не совместимые с реальностью. Наиболее полно такое возможно на телевизионном или компьютерном экране. Участие в политике становится для этих групп тогда обоснованным, когда оно обретает трансляционное воплощение в новостных релизах.

Виртуальный медиа-мир не в состоянии создать реальность, но в состоянии – растворить мир, навязав ему игровую “повестку дня”, называемую в ТВ-журналистике agenda.

Французский философ Ги Дебор писал: “Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей”¹⁷. Ги Дебор так интерпретирует свою аналогию: “Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства. Он не является неким дополнением к реальному миру, его надстроенной декорацией. Он есть средоточие нереальности реального общества. ... Во всех своих частных формах, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль конституирует наличную модель преобладающего в обществе образа жизни. ... Форма и содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей существующей системы”¹⁷.

В таком обществе политика присутствует на уровне зрелищ, пространство политики – деполитизировано, его наполняет игра псевдополитических образов. Моменты привычного ранее Политического в таком пространстве спародированы, либо отменены.

Так и для политического актора постмодерна самой главной целью является появление в медийном пространстве. Публичное бытие постмодерного политика длится именно мгновение его “упоминания”, “показа” и только так он может быть воспринят социумом как реальный.

В ставшей уже знаковой в новом столетии книге “Империя” А.Негри и М.Хардт политическая сфера новой эпохи представлена как “биополитика”. Она наполнена спонтанными всплесками неструктурированного желания, эфемерно организующими вокруг себя виртуальные среды, а потом столь же быстро растворяющимися снова²⁴. В “биополитике” есть яркий факт – в ней отсутствует социальная иерархия. В современном обществе основополагающей доминантой структурирования является сетевой принцип. В этой системе не существуют классы, сословия, касты, этнические группы и конфессии.

То, что Бодрийяр пытался представить как “массы”, Негри и Хардт назвали похожим термином – “множество” (multitude). Множество составляют неорганизованные одинаковые индивиды, хаотически взаимодействующие. Отличия элементов множества иллюзорны и касаются соответствий самой множества. Множество сосуществует в виртуальном бытии, что позволяет избежать той или иной иерархизации.

В качестве некоего реального примера такого явления можно представить ставшие популярными на Западе и в России “флэшмобы”, когда люди совершенно незнакомые друг с другом собираются в группы для осуществления быстрых и эпатажных действий. Причем основная масса участников акций не знает ни организаторов, ни практической цели своих выступлений. Главным мобилизирующим элементом является индивидуальное сопереживание соучастия в массовом процессе событийного контекста. Примечательным моментом “флэшмобов” является то, что организация таких выступлений осуществляется при помощи компьютерных средств связи, что ориентированно воздействует на определенную социальную группу “пользователей сети Интернет”.

Постмодернистская политика замкнута: она структурирована преимущественно в узко-территориальном пространстве – “цивилизованный мир”, ориентированный на континентальную Европу и США. Экспрессии постмодерных политиков Запада, позиционирующих себя в мировом масштабе, сосредоточены непосредственно лишь в их деятельном ареале. Так, их могут волновать права албанского или украинского народа и, одновременно, не беспокоят события в африканских странах, где идут затяжные многомиллионные конфликты и умирают от СПИДа целые народы и племена. А ведь как только исчезли колониальные режимы, а вместе с ними и европейская заинтересованность к Африке, подавляющая часть континента впала в изничтожающее состояние “войны всех против всех”. Одной из причин этого стало и модернистское мышление европейцев, пытавшихся все унифицировать в соответствии с собственным линейным мышлением. Именно этим они и руководствовались, проводя границы без учета национальных особенностей. Но в современной реальности об этих проблемах нет информации, они не слышны и не видимы, а соответственно, – не ощущаемы, а значит – не очевидны. Так из поля общественного восприятия украли целый континент, подобное можно в определенной степени сказать и об Австралии (если бы не Олимпийские игры и не австралийское кино). Это подтверждает тезис Бодрийяра, что в постмодерном обществе утеряна реальность. Если есть что-то опасное в постмодерном мире, то медийная сущность бытия позволяет отрицать опасное.

Как писал Р.Барт о замалчивании современных войн: “Для этого есть два средства: либо как

можно реже о них упоминать (самый распространенный прием), либо придавать им противоположный смысл (прием более хитрый, и на нем строятся почти все мистификации буржуазного языка). Слово “война” употребляется в смысле “мир”, а слово “умиротворение” – в смысле “война”²⁵.

Такие процессы говорят о виртуализации современной политики, где восприятие человека все больше “загружается” вносимыми образами, и, одновременно, власть старается таким способом подавить личное в индивиде. Подобная фактура свидетельствует о том, что СМИ стали основными модераторами политики постмодерна. От их активности и предвзятости зависит важность и значимость того или иного политического события. Отсутствие какого-либо политического факта в медийном пространстве способно просто деструктурировать действительность.

“Медийность” современной политики способствует и тому, что основным модификатором политического участия становится психоэмоциональная вовлеченность индивида, что зачастую проявляется в деструктивном и оппозиционном реагировании на политические события.

Примечания

- ¹ Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 78.
- ² Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: “Логос”. 2002. С. 214.
- ³ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004; Панарин А.С. Агенты глобализма. М., 2003.
- ⁴ Неклесса А.И. A la carte // Полис. 2001. № 3. С. 34.
- ⁵ Панарин А.С. Агенты глобализма. М., 2003. С. 211.
- ⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 64, 74, 111.
- ⁷ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург. Изд-во Уральского ун-та. 2000. С. 61.
- ⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990. С. 139, 143.
- ⁹ Maffesoli M. La socialidad en la postmodernidad // Pergola. Madrid. 1989. № 8. P. 100–124, 103.
- ¹⁰ Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: “Юрист”. С. 176.
- ¹¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4, С. 6–32.
- ¹² Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton Univ. Press, 1997.
- ¹³ Maslow A.K. Motivation and Personality. N.Y., 1954.
- ¹⁴ Foucault M. Power, truth and strategy. Sydney, 1979. P. 9.
- ¹⁵ Foucault M. Power / Knowledge: Sel. interv. a. other writings, 1972–1977. N.Y., 1980. XII.
- ¹⁶ Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 193.
- ¹⁷ Дебор Э.Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 17, 33.
- ¹⁸ Andrews F. (ed.). Research on the Quality of Life. Ann Arbor, 1986; Campbell A., Converse Ph.E., Rodgers W. The Quality of Life. N.Y., 1976; Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.
- ¹⁹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 101.
- ²⁰ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990. С. 211.
- ²¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. М. 2002. С. 98.
- ²² Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. Томск. 1999. С. 129.
- ²³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С.-Пб., 1998. С. 10.
- ²⁴ Негри А., Хардт М. Империя. М.: Праксис. 2004.
- ²⁵ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 181.

РОССИЯ – ЕВРОПА: В ПЛЕНУ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Холодный ветер из Восточной Европы

О.Приходько,

кандидат исторических наук

Празднование 60-летия Победы 9 мая в Москве явилось событием, в котором отразились некоторые существенные черты взаимоотношений России и Европы. Волна публикаций и дискуссий, а также политические демарши, которые сопровождали подготовку и проведение юбилейных торжеств, показали, что в Восточной Европе и Прибалтике весьма активны политические силы, которые пытаются найти любой повод, чтобы представить Россию в образе имперской угрозы.

Наибольший размах политико-пропагандистская кампания, призванная вменить в вину России (как правопреемнику СССР) попрание суверенитета восточноевропейских государств накануне и после Второй мировой войны, была развернута в Польше, Латвии, Эстонии и Литве. Требуя от России признать “факт оккупации”, эти страны хотят получить юридическое основание, чтобы добиваться судебным путем возмещение “ущерба”. Отказ Москвы признать “оккупацию” Восточной Европы они подают чуть ли не как основанную причину напряженности в российско-восточноевропейских отношениях.

Варшава посчитала себя оскорбленной тем, что на торжествах в Москве 9 мая не прозвучало осуждение Пакта Молотова – Риббентропа. Польский министр иностранных дел А.Ротфелд попытался поднять этот вопрос на Генеральной Ассамблее ООН, заявив, что разгром фашистской Германии означал наступление новой “омерзительной тирании” в Восточной Европе, и призвал ООН осудить пакт Молотова – Риббентропа и Ялтинские соглашения 1945 г. Россия, уставшая от политических спекуляций Польши и прибалтийских государств на тему “советской оккупации”, решила не приглашать их на празднование 750-летия Калининграда.

Однако у антироссийской кампании, приуроченной к 60-летию Победы, есть и другая, политико-психологическая причина – стремление ряда государств, недавно вступивших в НАТО и ЕС, заявить о своей значимости и показать, что они являются самостоятельной политической величиной, а не клиентскими странами, пошедшими в услужение США и крупным европейским державам. Неслучайно, что именно Польша пытается инициировать (возможно, с подсказки Вашингтона) ускоренную интеграцию Украины в западное сообщество и претендует стать главным плацдармом в экспорте “демократической революции” с целью ниспровержения политического режима в Белоруссии.

Многие в ЕС – как в Еврокомиссии, так и на уровне отдельных стран – склонны поддерживать прибалтийские государства и Польшу. При этом их не смущает, что, например, президент Литвы В.Адамкус – единственный из ныне здравствующих глав государств, кто воевал на стороне фашистской Германии (на что официальный Вильнюс отвечает, что Адамкус воевал “с литовскими партизанами против советской оккупации”). Словно набрав в рот воды, не вспоминают о своих прогнозах те “прорицатели”, которые не жалея сил, пытались убедить всех, что вступление стран Восточной Европы и Прибалтики в НАТО и ЕС даст импульс развитию их отношений с Россией. “Аргументы” в поддержку этого тезиса часто раздавались как на Западе, так и в Восточной Европе все предыдущие годы, хотя с самого начала их надуманность была очевидной.

В ответ на постоянные обращения России по поводу ущемления прав русскоязычного населения в Латвии и Эстонии представители ЕС неизменно ссылаются на заключение Еврокомиссии о том, что положение нацменьшинств в прибалтийских странах соответствует “копенгагенским критериям” ЕС.

Брюссель закрывает глаза на то, что в Латвии и Эстонии значительная часть населения имеет официальный статус “неграждан”. ЕС не обмолвился ни словом укора по поводу того, что

латвийский парламент ратифицировал в мае Европейскую конвенцию по защите прав национальных меньшинств с существенными изъятиями, исключив русскоязычное население из сферы правовой защиты этого основополагающего международного документа. Россия назвала такую ратификацию профанацией.

ЕС кичится тем, что отстаивает демократические ценности. Однако когда речь заходит о его геополитических интересах, он ставит эти интересы, как и политическую целесообразность, выше норм демократии. Предоставление гражданства и избирательных прав русскоязычному населению могло бы существенно укрепить в местных парламентах позиции политических сил, выступающих за развитие тесных отношений с Россией. Однако сценарий усиления пророссийского влияния в этих странах не устраивает Евросоюз. Подобная позиция ЕС на руку Риге и Таллину, которые не видят стимулов отказываться от своей дискриминационной политики. В этих условиях теряет всякий смысл создание подкомиссии по вопросам нацменьшинств в рамках регулярного диалога РФ – ЕС. Учреждение этой подкомиссии – типично бюрократический ответ ЕС на стремление России реально повлиять на ситуацию, попытка Брюсселя “утопить” проблему в бесконечных обсуждениях, чтобы прикрыть свое бездействие.

Варшава, Вильнюс, Рига и Таллин находятся в оппозиции к попыткам ведущих европейских держав, направленным на укрепление отношений ЕС с Россией. Они подталкивают ЕС к более жесткой линии поведения в отношении Москвы, обвиняя ее в “имперских поползновениях и попрании демократии”. Вступление стран Балтии и Польши в Евросоюз не улучшило, а осложнило отношения России и ЕС. Европейскому Союзу стало сложнее разрабатывать и проводить согласованную политику в отношении РФ, с которой одна часть его членов находится фактически в состоянии “холодной войны”, в то время как другая выступает за конструктивное развитие отношений.

“Дорожные карты”: прорыв в будущее или топтание на месте?

Европейский Союз является крупнейшим торговым партнером России: на него приходится более половины российского экспорта. Объем двусторонней торговли достиг 97 млрд. евро в 2004 г. Европа удовлетворяет примерно пятую часть своих потребностей в энергоносителях благодаря поставкам из РФ; по газу это доля составляет 40%. В страны ЕС идет 85% экспортируемой российской нефти¹. Поставки “Газпрома” покрывают четверть потребления природного газа в Европе. Сотрудничество в энергетической сфере будет еще больше возрастать по мере истощения запасов углеводородного сырья в Северном море и освоения новых нефтегазовых месторождений в России. Согласно прогнозам европейских экспертов, в 2030 г. зависимость ЕС от поставок российского газа может превысить 80%. Подобная перспектива вызывает в Европе определенную настороженность, поскольку создает для России сильные позиции в сфере энергетической дипломатии. Вообще, проблема растущей энергетической зависимости Европы от импорта обозначена как предмет особого беспокойства в Европейской стратегии безопасности, одобренной на саммите ЕС в декабре 2003 г. Сейчас эта зависимость оценивается в 50%, а через 25 лет, как ожидается, она возрастет до 70%².

Российская Федерация и ЕС ведут регулярный диалог по вопросам, представляющим взаимный интерес, и специфика задач, стоящих перед ними, находит свое отражение в повестке дня двусторонних отношений: формирование четырех общих пространств, “калининградский транзит”, энергетическое сотрудничество и т.д. Поэтому тем более удивительно, что в своей политике “европейского соседства” (“European neighbourhood”) ЕС выдвигает одинаковые условия для столь непохожих стран, как Россия и Иордания (Ливан, Марокко и т.д.). Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, сколь различны условия, существующие в России и государствах Ближнего Востока, Северной Африки. Сомнения в обоснованности подобного подхода, который и Россию, и южных соседей ЕС (страны южного Средиземноморья) стрижет под одну гребенку, разделяют даже те европейские парламентарии, которых трудно заподозрить в симпатиях к Москве³.

Европейский Союз, конечно, не может полностью игнорировать российские реалии, поскольку стремится к предсказуемости в отношениях с Россией. На саммите в Москве 10 мая 2005 г. РФ и ЕС подписали соглашение по четырем “дорожным картам”, которое определяет цели и намечает меры по формированию в среднесрочной перспективе четырех общих пространств: в сфере экономики; внутренней безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки, образования и культуры. Однако этот документ не влечет юридически обязывающих последствий

ни для одной из сторон, и, по сути, является не более чем декларацией о намерениях, выполнение которых зависит лишь от доброй воли участников. Он содержит не обязательства, а только пожелания, как провозглашенные цели можно было бы достичь.

РФ и ЕС стремились любой ценой достичь соглашения, ибо провал переговоров давал бы повод говорить не просто о пробуксовке или временном спаде, а о глубоком кризисе в отношениях между Россией и Европой. Подобный поворот был невыгоден не только ЕС, который сталкивался с угрозой провала ратификации Европейской конституции и стал явно уступать США в политической и экономической конкурентной борьбе*. Неудача не сулила ничего хорошего и России, сделавшей ставку на интеграцию с Европой как на один из важнейших, если не самый важный ресурс в размывании американской гегемонии в мировых делах.

Соглашение о «дорожных картах» охватывает обширный комплекс вопросов сотрудничества по отдельным отраслям и секторам экономики. В нем декларируется, что формирование общего экономического пространства (ОЭП) преследует цель создать открытый и интегрированный рынок между Россией и ЕС. Однако нужна ли Россия как сильный конкурент на этом рынке? Несомненно, интересам ЕС больше отвечало бы положение, когда Россия выступала как слабая сторона, оставаясь в роли поставщика топливно-сырьевых ресурсов, ведь в этом случае с ней было бы гораздо легче вести дела, нежели если бы она действовала с позиции сильного торгового партнера. ЕС знает из собственного опыта, как трудно отстаивать интересы, если Европа сталкивается с сильным партнером, таким как США. В последнее время у него возникают серьезные проблемы в торгово-экономических отношениях с Китаем, который, превращаясь в экономического гиганта, все больше теснит европейских производителей не только на рынках третьих стран, но и в самой Европе.

Россия рассматривает соглашение об общем экономическом пространстве (ОЭП) как способ открыть европейский рынок для российской экономики, позволяющий уйти от своего нынешнего положения – заложника конъюнктуры на мировом рынке топливно-сырьевых ресурсов. Однако для ЕС соглашение об ОЭП – прежде всего политический вопрос. Согласно официальным документам Евросоюза, его основные интересы – это укрепление политической и экономической стабильности в России, развитие демократических институтов, содействие установлению власти закона, законодательной и судебной систем, а вовсе не сильная российская экономика и не стимулирование российского экспорта в ЕС.

Хотя соглашение по дорожным картам предполагает гармонизацию законодательств обеих сторон, как в сфере экономики, так и по другим перечисленным в нем областям сотрудничества, на самом деле речь может идти только о присоединении России к правилам, действующим в ЕС. Европейский рынок регулируется многочисленными законодательными и нормативными актами, и подстраивать их под отношения с Россией ЕС вовсе не собирается.

История не знает ни одного примера, когда бы законодательство Евросоюза разрабатывалось с учетом интересов третьих стран, и нет никаких оснований полагать, что эта практика будет пересмотрена. Это России придется приспособливаться к правилам ЕС и соблюдать их, если она считает необходимым дополнить собой европейский рынок. Однако необходимо иметь в виду, что эти правила разрабатываются в ЕС исходя из европейских реалий, которые во многом отличаются от российских.

Соответствие торгово-экономическим, техническим и научно-образовательным стандартам ЕС потребует от России жертв. Чего стоит намерение отказаться от проверенной жизнью национальной системы образования и науки в пользу модели ЕС, или обещание постепенно отменить к 2013 г. государственное финансирование национальных авиакомпаний, таких как «Аэрофлот», совершающих рейсы по транссибирским маршрутам. ЕС оценивает это субсидирование в 233 млн. евро в год, и требует его прекращения под предлогом, что оно противоречит правилам ВТО⁴. В документе это условие обтекаемо называется «модернизацией системы транссибирских перелетов»⁵. Шаги по интеграции, которые определяет подписанное соглашение, накладывают на Россию дополнительное бремя и грозят лишить ее некоторых естественных преимуществ, связанных с протяженностью ее пространства, географическим положением, выгодным с точки зрения удобного транзита между Европой и Азией.

Возникает вопрос: зачем нужны эти жертвы, если Россия не ставит своей целью вступление в ЕС, когда они могли бы быть еще как-то оправданы? Никто же не требует от Египта отказаться от взимания платы за проход кораблей через Суэцкий канал. Почему Россия должна отказываться от пошлины за пролет самолетов стран ЕС по кратчайшим маршрутам из Европы в Азию через Сибирь?

Подписанное в Москве соглашение определяет создание общего пространства свободы, безопасности и правосудия как долгосрочную цель. Россия пошла на уступку, согласившись отнестись решение вопроса о безвизовом режиме на неопределенно далекое будущее. Раньше она добивалась перехода к этому режиму в более сжатые сроки (неофициально называлась ориентировочная дата – 2008 г.). Другая российская уступка – в “дорожной карте” завершение переговоров об упрощении визовых процедур увязывается с заключением соглашения по реадмиссии. До этого Москва выступала против подобной взаимоувязки. По мнению комиссара ЕС по международным отношениям Б.Ферреро-Валднер, соглашение по облегченному визовому режиму для некоторых категорий граждан РФ и стран ЕС может быть достигнуто уже к октябрю 2005 г., если Россия возьмет на себя обязательство репатриировать из стран ЕС иммигрантов, незаконно проникающих в ЕС с российской территории. От принятия подобных обязательств Москву удерживают большие затраты и правовые проблемы, связанные с соблюдением прав иммигрантов, выдворение которых с территории ЕС власти Евросоюза собираются возложить на российскую сторону.

Еще одно предварительное условие, которое ставит Брюссель в отношении безвизового режима, – урегулирование пограничных споров России с Латвией и Эстонией, чтобы восточные границы ЕС были юридически оформлены на всем их протяжении. В результате Рига и Таллин имеют возможность манипулировать “пограничным вопросом”, удовлетворяя свое желание держать Россию на отдалении от Европы. То, к чему это может привести, наглядно показывает судьба российско-эстонского договора о границе, когда одним росчерком пера эстонских законодателей перечеркнута многолетняя работа по его подготовке. Пограничный договор был подписан 18 мая 2005 г. в Москве, и в июне эстонский парламент ратифицировал его, включив в преамбулу документа ссылки на Тартуский договор 1920 г. и на декларацию Госсобрания Эстонии о восстановлении конституционной государственной власти (от 7 октября 1992 г.). Этими ссылками Эстония попыталась зарезервировать возможность в любой момент предъявить права на те территории, которые принадлежали ей до 1945 г. (часть Ленинградской и Псковской областей). Россия пресекла эти попытки, отзывав свою подпись под пограничным договором. Не оставляет попыток получить основание для претензий на часть российской территории (район Пыталово) и Латвия, стремясь протащить в новый договор о границе с Россией упоминание российско-латвийского мирного договора 1920 г.

“Дорожная карта” по общему пространству внешней безопасности, являющаяся частью пакетного соглашения с ЕС, подписанного в Москве, не добавляет ничего нового к двустороннему сотрудничеству в этой сфере, а лишь констатирует имеющиеся точки соприкосновения. Россия и ЕС разделяют ответственность за поддержание миропорядка, основанного на эффективной многосторонности, поддерживают укрепление центральной роли ООН, выступают против развертывания вооружений в космическом пространстве. Однако подавляющее большинство направлений и проектов военного и военно-технического сотрудничества России и Европы ограничивается рамками консультаций или обменом мнениями на экспертном уровне.

В “дорожной карте” по гуманитарным вопросам отмечается, что Россия уже начала интегрироваться в европейское пространство высшего образования, присоединившись к Болонскому процессу.

Однако многие эксперты выражают сомнения, что этот процесс ведет к улучшению общей ситуации или повышению качества подготовки в образовательной сфере. Неужели ради сугубо технической цели достижения конвертируемости дипломов нужно делать важнейшую сферу жизни государства и общества объектом эксперимента с неопределенным исходом? Непонятно, зачем отказываться от проверенных практикой преимуществ российской системы образования и науки, если Россия не ставит своей целью вступление в ЕС?

Пакет из четырех “дорожных карт”, определяющий повестку дня российско-европейских отношений на среднесрочную перспективу, не сулит стратегического прорыва. Россия рассматривает договоренность по “дорожным картам” как этапный шаг в построении “большой Европы” без разделительных линий, но для ЕС такого политического понятия не существует, ведь оно нивелирует его главенствующую роль на континенте и отрицает границу, отделяющую Шенгенскую зону от остального европейского пространства. ЕС оперирует понятием “объединенная Европа”, которая не включает те европейские страны, которые не являются членами этого союза.

Несмотря на содержащиеся в “дорожных картах” декларации о сближении законодательств и практик двух сторон, ни о какой “встречной интеграции” и тем более конвергенции на самом деле

речь не идет: на практике ЕС признает только одностороннюю интеграцию – такую, которая осуществляется на его условиях. Эта закономерность прослеживается на протяжении всей истории ЕС, чей численный состав увеличился с шести стран (1957 г.) до нынешних 25-ти.

Соглашение по четырем “дорожным картам” оставляет нерешенными многие противоречия (в первую очередь это относится к разделам “правосудие” и “внешняя безопасность”) и не устраняет основную причину большинства существующих проблем во взаимоотношениях России и ЕС – отсутствие общего для них стратегического видения будущего. С точки зрения ЕС, соглашение по дорожным картам призвано не столько интегрировать Россию в Европу, сколько подтолкнуть Москву принять определенные правила и ввести их в выгодные для Евросоюза рамки. То, что ЕС ставит на первое место согласование правил поведения, которые далеко не во всем соответствуют специфическим потребностям модернизации России, создает почву для взаимного непонимания, противоречивых ожиданий и конфликта интересов. Россия может интегрироваться в Европу на условиях равноправия, только если будет выступать как сильный партнер, заставляющий считаться с ее интересами.

Селективный подход к партнерству

В отношениях с Европой Россия весьма остро чувствует свое неравноправие в сфере безопасности. Она отстранена от участия в принятии решений ключевых институтов европейской безопасности (НАТО и ЕС) по вопросам, которые непосредственно затрагивают ее интересы. Совет РФ – НАТО восполняет этот пробел лишь в ограниченном сегменте их взаимоотношений. У России и ЕС нет даже такой структуры ограниченной компетенции, где Москва была бы представлена на равных с каждой из стран Европейского Союза. ЕС не рассматривает Россию как полноправного участника общей европейской политики обороны и безопасности. В результате РФ оказывается в ситуации, когда не может повлиять на его решения по европейской безопасности. Нежелание Евросоюза предоставлять ей равноправный статус при решении вопроса о проведении совместных миротворческих или антитеррористических операций перечеркивает саму возможность подобных коллективных действий.

Как отмечается в докладе политического комитета Ассамблеи ЗЕС, России удалось наладить диалог с НАТО на равных в отличие от “Европейского Союза, который предъявляет ей множество трудно выполнимых требований, не обещая взамен соразмерных политических и экономических выгод”³.

Более того, различия в понимании значимости проблемы демократии являются потенциальным источником политического конфликта между РФ и ЕС.

Стремление ЕС вывести тему демократии на центральное место в повестке дня российско-европейских отношений может создать дополнительные трудности в двустороннем сотрудничестве по более приоритетным для России проблемам, особенно если Европа будет придерживаться здесь жесткой взаимоувязки. Даже те европейские парламентарии, которые нередко критикуют Россию, признают, что “внедрение стандартов демократии может происходить только как постепенный процесс и должно учитывать культурные факторы”³.

Москва и Брюссель декларируют необходимость обеспечения международной стабильности и взаимодействия по урегулированию региональных конфликтов, в том числе в регионах, прилегающих к их границам. Однако именно на постсоветском пространстве конкуренция их интересов проявляется наиболее резко. Это касается прежде всего Белоруссии, Украины и Молдавии.

В первом случае РФ и ЕС придерживаются диаметрально противоположных позиций в отношении режима А.Лукашенко^{**}; во втором – они продемонстрировали разное понимание проблемы легитимности в связи с “цветными революциями” на постсоветском пространстве (особенно остро эти разногласия выплеснулись на поверхность при смене власти на Украине); в третьем случае – они расходятся в подходах к урегулированию конфликта между Кишиневом и Тирасполем и к проблеме пребывания российских войск в Приднестровье^{***}.

Москва и Брюссель по-разному смотрят на возможности участия постсоветских государств одновременно в разнонаправленных и конкурирующих интеграционных процессах в ЕС и СНГ.

Дилемму, о которой стратеги ЕС предпочитают не говорить вслух, польский аналитик С.Поповски формулирует так: “Независимая Украина не может существовать между двумя мирами – ЕС и Россией, ибо таково реальное политическое разделение нашего континента. ... Украина может быть либо “российской”, либо “европейской”... Если бы Украина, Молдавия и даже

Белоруссия оказались в составе ЕС, они навсегда ушли бы из-под влияния Москвы”⁶.

Учитывая столь существенные разногласия, Россия отклонила предложенную Евросоюзом концепцию “общего соседства” (“common neighborhood”). Эта концепция предусматривала совместные усилия по разрешению политических конфликтов типа тех, что имеют место в Молдавии и Грузии. Сознавая бесперспективность выработки общего подхода в нынешних условиях, Россия отдала предпочтение действиям в рамках двусторонних механизмов, которые каждая из сторон имеет с соответствующими странами. Многие европейские политики и эксперты, преимущественно из стран Восточной Европы и Балтии, призывают ЕС не ослаблять геополитический натиск на постсоветском пространстве, несмотря на трудности, возникшие в связи с провалом Европейской конституции.

РФ и Европа заявляют о партнерстве в борьбе с международным терроризмом, распространением ОМУ и наркотрафиком хотя между ними сохраняются разногласия и спорные проблемы. Однако далеко не всегда подобные декларации соответствуют реальному положению вещей.

Стратегическое партнерство предполагает единство подходов, а его как раз зачастую и нет. Между Россией и ЕС сохраняются разногласия в определении понятий “терроризм” и “террорист”, которые должны быть устранены, если они собираются подтвердить на деле свое желание ускорить завершение работы над проектом Всеобъемлющей конвенции ООН по международному терроризму.

Подходы России и ЕС к проблеме международного терроризма отличаются существенно разными акцентами. Евросоюз склонен видеть истоки терроризма в политической напряженности, региональных конфликтах, социально-экономической несправедливости. Между терроризмом и указанными явлениями существует определенная взаимосвязь. Однако напряженность, конфликты и несправедливость существовали в истории и раньше, когда международного терроризма в современном понимании не было и в помине. Стремление к политкорректности заставляет функционеров ЕС замалчивать религиозные и цивилизационные аспекты проблемы терроризма. Гораздо ближе к истине те аналитики, которые указывают в качестве первопричины современного терроризма болезненную реакцию традиционного мусульманского общества на вызовы глобального развития, растущее давление на него западных стандартов и ценностей. Глобализация разрушает традиционный уклад жизни во многих странах, но если на Западе она вызвала появление движения антиглобалистов (включая и его радикальное крыло, склонное к актам насилия), то в исламском мире она ведет к политизации ислама, и этот процесс в определенных условиях приобретает экстремистские формы.

В Западной Европе проживает весьма многочисленное мусульманское население, поэтому местные политики предпочитают закрывать глаза на угрозу, которую таит политизация ислама, и не поднимать вопрос об исламистском терроризме. Более того, некоторые из них не прочь нажить политический капитал на критике действий Москвы в Чечне. Однако террористическая угроза, с которой сталкивается Россия, носит вовсе не абстрактный характер, а является порождением радикального и экстремистского течения в исламе, которое пытается закрепиться на Северном Кавказе и в других регионах мира. Российский МИД не раз выступал с заявлениями о недопустимости двойных стандартов в отношении международного терроризма.

Современные западные общества не выработали механизмов, препятствующих террористам и их пособникам злоупотреблять демократическими правами. Особым либерализмом отличается Великобритания, которая зачастую не различает, где проходит граница между религиозной (политической) толерантностью и попустительством террористам. Эта страна стала прибежищем не только для лиц, преследуемых российским правосудием по подозрению в соучастии в терактах, совершенных на территории РФ, но и для десятков экстремистских и радикальных исламистских организаций, запрещенных в других странах, в том числе западных. Терпимое отношение к экстремистским призывам, которые нередко раздаются на проповедях в британских мечетях, стало обычным делом. Однако заигрывание с радикальным исламом не уберегло Лондон от серии скоординированных террористических ударов, которые потрясли британскую столицу 7 июля 2005 г. ****. В результате взрывов в метро и городском автобусе погибли десятки и были ранены сотни человек. Ответственность за нападение взяла на себя одна из организаций, входящая в сеть Аль-Каиды и действующая в Европе. Чтобы придать большее звучание своей акции, она приурочила ее к открывшемуся в тот же день саммиту “большой восьмерки” в Глениглсе (Шотландия).

ЕС расходится с Россией и в оценке возможностей использования военной силы против

террористов. РФ неоднократно заявляла на различных форумах о своем праве наносить превентивные удары по международным террористам, находящимся за пределами российских границ. Нельзя сказать, чтобы ЕС полностью отрицал роль военной силы в антитеррористической борьбе. И на законодательном уровне (статья III-309 Европейской конституции), и на оперативном уровне (планы создания к концу 2006 г. 6–8 ударных оперативных группировок, которые составят ядро европейских сил быстрого реагирования) Евросоюз допускает возможность привлечения вооруженных сил для проведения антитеррористических операций. Однако многие малые и средние страны-члены ЕС с большой настороженностью относятся к подобной возможности. В результате Европейский Союз уже два года не может скорректировать перечень совместных действий по обеспечению безопасности (т.н. “петербургские миссии”) и включить в него военные операции против террористов, хотя о намерении внести соответствующие изменения было заявлено еще в ноябре 2003г.

Гораздо более продуктивно, чем с ЕС в целом, развивается сотрудничество России с ведущими государствами Западной Европы, прежде всего с Францией и Германией. Это сотрудничество, осуществляемое на двусторонней основе без необходимости прибегать к громоздким процедурам согласования с бюрократией ЕС, открывает возможности для более гибких механизмов обеспечения взаимных интересов. Париж стремится к формированию мирового и европейского порядка, который был бы в меньшей степени подвержен диктату США, и в реализации этих планов он отводит России заметную роль. В сравнении с другими странами, Франция более активна в поиске вариантов того, как Россия могла бы вписаться в политику обороны и безопасности, которую выстраивает Евросоюз. Москва и Париж поддерживают углубленный обмен мнениями по проблемам взаимодействия России с ЕС и НАТО, борьбе с международным терроризмом, реформе институтов ООН, ситуации в ОБСЕ, ядерному нераспространению, региональным конфликтам (Ближний Восток, Косово, Ирак, Афганистан). Россия с самого начала поддержала проект строительства международного экспериментального термоядерного реактора во Франции, а не в Японии, кандидатуру которой отстаивали США и Южная Корея.

О доверительном характере российско-французских отношений свидетельствуют договоренности Москвы и Парижа провести совместные учения стратегических сил двух стран, изучить возможность разработки боевого беспилотного самолета. На двусторонней основе осуществляются проекты по созданию различных видов боеприпасов, тяжелых вертолетов, а также в космической сфере. Повышению оперативной совместимости вооруженных сил России и Франции способствует и более интенсивный, по сравнению с другими государствами Запада, график совместных учений, тренировок и других видов боевой учебы.

Привилегированный характер носит сотрудничество России и с Германией. Берлин выразил признательность России за помощь в переброске своего воинского контингента в Афганистан, за предоставление воздушного и наземного коридоров для транспортировки германских войск в эту страну в соответствии с межправительственным соглашением^{*****}. Российско-германское соглашение явилось действительно прорывным. Позднее аналогичный документ был подписан РФ и Францией. Опираясь на этот опыт, Россия и НАТО вышли на подписание в апреле 2005 г. соглашения о статусе вооруженных сил, временно находящихся на территории друг друга: оно регулирует правовые вопросы, связанные с переброской войск и вооружений, арендой военно-транспортной авиации, проведением совместных маневров, транзитным передвижением и т.д.

Россия и Германия выступают первопроходцами и в экономическом сотрудничестве. “Газпром” и концерн “BASF” заключили соглашение об участии производственных структур этого немецкого гиганта в непосредственной добыче углеводородного сырья на российской территории – первый подобный опыт с участием западного партнера^{*****}. Германия покрывает примерно треть своих потребностей в нефти и газе за счет поставок из России. В апреле 2005 г. Россия и ФРГ объявили о достижении соглашения по проекту северо-европейского трубопровода. К 2010 г. по дну Балтийского моря из Выборга в Грейвсвальд (Германия) должен быть проложен газопровод, который позволит РФ поставлять природный газ напрямую в Германию, Великобританию и скандинавские страны и резко уменьшить свою зависимость от “транзитных” стран – Белоруссии, Украины и Польши.

18 марта 2005 г. в Париже прошел четырехсторонний неформальный саммит лидеров России, Франции, Германии и Испании – первая подобная встреча в истории. Лидеры трех крупнейших европейских держав посчитали необходимым дать импульс развитию отношений России с

Европой, которые стали явно пробуксовывать. Париж, Берлин и Мадрид не согласны с теми странами ЕС, которые ставят развитие отношений с Москвой в зависимость от того, что им нравится или не нравится в российской политике. В отличие от восточноевропейских и скандинавских государств, Ж.Ширак, Г.Шредер и Р.Сапатеро посчитали необходимым “протянуть руку дружбы Путину” (по выражению помощников французского президента) и поддержать Россию на пути трудных реформ. “Четверка” договорилась о расширении сотрудничества в области авиации и космонавтики. Франция, Германия и Испания определяют политику Европейского космического агентства, на них приходится львиная доля европейских гражданских и военных проектов в этой сфере. Другая договоренность предусматривает более тесное сотрудничество в энергетической области.

Крах Европейской конституции и его возможные последствия для России

В результате общенационального голосования, состоявшегося 29 мая, большинство французов (более 55%) отклонило Европейскую конституцию. Это стало сильнейшим ударом по планам интеграции в новом, расширенном формате ЕС, ведь именно Франция стояла у истоков объединения послевоенной Европы и в паре с Германией являлась локомотивом всего европейского интеграционного процесса. Не помогло и непосредственное обращение лидеров Великобритании, Германии, Испании и Италии к французскому народу накануне голосования поддержать Конституцию.

Хотя большинство аналитиков объясняли итоги референдума внутренними причинами, расценив их как выражение протеста французов против социально-экономической политики правящего правительства Ж.-П.Рафарэна (через несколько дней оно ушло в отставку), представляется, что основная причина кроется все же в ином. Голосование показало разочарование французов тем, что восточноевропейское расширение Евросоюза привело к ослаблению возможностей страны влиять на решения ЕС и, в частности, определять европейскую политику в сфере внешней политики и безопасности на основе “европоцентристских” принципов. Укрепление в ЕС оппозиционных сил, которые выступают за атлантистскую Европу и сохранение значительного политического влияния США в европейской политике, идет вразрез с французскими представлениями о Евросоюзе как инструменте реализации стратегически важных национальных целей, которые Парижу не под силу добиться в одиночку – будь то экономика, внешняя политика или безопасность. Именно США выступают как наиболее сильный оппонент французского проекта объединенной Европы и нового, более сбалансированного миропорядка.

На референдуме 29 мая большинство французов выступило против: 1) нависшей угрозы потерять некоторые свои социальные завоевания в качестве платы за вступление в ЕС стран Восточной Европы с гораздо более низкими социальными стандартами; 2) ослабления влияния Франции в расширенном ЕС; 3) размывания европейской идентичности в результате возможного приема в ЕС многонаселенной Турции – страны, основывающейся, не на европейских, а на исламских ценностях, по крайней мере в культурно-цивилизационном измерении (французы не могут не задаться вопросом, какой вклад внесла Турция, а до нее Османская империя, в европейскую цивилизацию кроме угнетения и истребления жителей стран Южной Европы?).

ЕС без ведущей роли Франции в этом союзе не вдохновляет французов, привыкших видеть свою страну в качестве первой скрипки европейского оркестра, а это ведет к размыванию поддержки его во французском обществе.

Еще более разочаровывающими для сторонников Конституции стали результаты общенационального референдума 1 июня в Нидерландах, где против нее проголосовало 62% и только 38% – в поддержку. Столь значительный перевес противников Конституции отражает растущие в голландском обществе страхи по поводу возможной потери национального суверенитета, недовольство ростом цен в результате перехода на евро и финансовым бременем по оплате расходов, которые повлекло вступление в ЕС десяти стран Центральной и Восточной Европы.

Большинство французов и голландцев выступили против более централизованной Европы, которую предлагает Конституция. Они не хотят, чтобы их национальная идентичность бесследно растворилась в “федералистской” сверхдержаве, чтобы Брюссель все больше сосредотачивал власть в своих руках, беря под свой контроль все больше вопросов национальной компетенции. Сказываются и опасения в отношении усиливающейся конкуренции в социально-экономической сфере в связи с наплывом дешевой восточноевропейской рабочей силы после расширения ЕС и

переводом многих производств с запада на восток Европы, где производственные издержки меньше.

До голосования во Франции и Голландии, конституция была одобрена в девяти государствах, включая Германию. Хотя отчаянные оптимисты поспешили расценить одобрение Конституции на референдуме в Люксембурге 10 июля (за нее проголосовало около 56%) как возможность переломить кризисную ситуацию, для подобного оптимизма нет веских оснований. Дело не столько в относительно ограниченном влиянии люксембургского примера на другие страны, а в том, что нигде не исчезли фундаментальные причины, породившие “конституционный” кризис ЕС. Вопреки ожиданию архитекторов расширяющегося ЕС, многие граждане государств, стоявших у истоков объединения Европы, разуверились в универсальной ценности проекта, основанного на идее европейской общности, когда стала проявляться реальная цена, которую они должны заплатить. Весьма велики шансы на то, что Конституция будет провалена в Великобритании и Дании, когда процесс ратификации возобновится. ЕС переживает глубокий кризис, и переход к новому этапу интеграции, который обозначен в Конституции, откладывается на неопределенное время. Однако и заметного регресса вряд ли стоит ожидать: ломать сложившийся баланс интересов – не в интересах ни одной из стран ЕС.

То, что провал ратификации Конституции – лишь видимая верхушка кризиса, показал и саммит лидеров объединенной Европы, прошедший 16–17 июня. На нем было решено приостановить ратификационный процесс и передвинуть сроки его завершения – с 2006 на 2007 г. Франция предложила прекратить расширение ЕС после принятия Болгарии и Румынии. Принципиальные разногласия по вопросу о бюджете ЕС на 2007–2013 гг. отразили разногласия и по финансовому вопросу: большинство стран выступило на стороне Франции, а ее оппонента – Великобританию – поддержали Нидерланды, Швеция, Финляндия и ряд других государств. За этими разногласиями стоят конкурирующие социальные модели развития: англосаксонскому экономическому либерализму противостоит франко-германская система социального государства.

Провал Европейской конституции, выветивший границы гармонизации национального эгоизма и общих интересов стран ЕС, грозит застопорить дальнейшее разрастание Евросоюза. Комиссар ЕС по вопросам расширения О.Рен подчеркнул, что следующие шаги по экспансии Евросоюза не должны предприниматься в ущерб динамике интеграции. По его словам, “президент Украины В.Ющенко поступил очень мудро, не подав официальную заявку на членство страны в ЕС”. Возникшая неопределенность в отношении перспектив вступления Турции в ЕС отодвигает за горизонт обозримого будущего вопрос о присоединении Грузии и других закавказских государств к Европейскому Союзу. Без Турции ЕС не получит непосредственного выхода к кавказскому региону, и вряд ли захочет отступать от своего правила – не принимать государства, с которыми у него нет общей границы.

В результате провала Конституции откладывается на неопределенное время введение постов президента ЕС (со сроком полномочий 2,5 г.), министра иностранных, создание единой дипломатической службы и ряд других координирующих механизмов Европейского Союза. Переход ЕС на более высокий уровень внешнеполитической солидарности мог создать дополнительные трудности для отношений России с Европой, учитывая негативное воздействие восточноевропейского и особенно прибалтийского фактора на эти отношения, которое могло бы стать еще более ощутимым. И в будущем формирование общего суверенитета европейских государств в рамках ЕС не сулит России радужных перспектив, если антироссийские настроения будут столь живучи в политической элите Восточной Европы.

В отношениях РФ и Евросоюза могли бы возникнуть немалые трудности, если бы с ратификацией Европейской конституции Польша, Латвия, Эстония и другие недоброжелатели России получили бы возможность, сменяя друг друга, долгое время сохранять за собой пост Президента ЕС.

Нынешняя система ротационного председательствования в ЕС, ограничивающая время пребывания на посту председателя шестью месяцами, делает эту проблему менее чувствительной, хотя и здесь не обходится без потерь, что показало недавнее председательство Нидерландов, а еще раньше – Дании, когда российско-европейские отношения находились в стагнации. При сохранении нынешней системы, основанной на Ниццком договоре, у российских недругов все же меньше возможностей вязать по рукам и ногам те страны ЕС, которые, как Франция, Германия, Италия или Испания, желают более тесно сотрудничать с Россией.

Примечания

¹ Tran M. EU and Russia to sign cooperation pact. 2005. May 10.
<<http://www.guardian.co.uk/russia/article/0,2763,1480673,00.html>>

² A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels. 2003. 12 December. P. 3.

³ Masseret J.-P. and Atee A. Security cooperation between the EU and its eastern neighbours. // Report submitted on behalf of the Political Committee. Assembly of WEU. Document A/1895. 2005. 14 June. P. 73, 74, 81.

⁴ Rufino F. "EU and Russia shake hands on roadmap". 12.05.2005. <<http://www.euobserver.com/?sid=9&aid=19030>>

⁵ "Дорожные карты" четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия – ЕС. М. 2005. 10 мая. <<http://www.mid.ru>>, 11.05.2005.

⁶ Popowski S. "Open Europe". http://www.opendemocracy.net/democracy-europe_constitution/russia_2647.jsp

* Весной 2005 г. ЕС констатировал провал Лиссабонской стратегии социально-экономического развития: объединенная Европа, явно отставая от темпов и качества развития американской экономики, вынуждена признать, что не сможет обойти США к 2010 г. вопреки планам, утвержденным на саммите Евросоюза в португальской столице 5 лет назад.

** 15 апреля ЕС выступил с заявлением, резко осуждающим руководство Белоруссии. В нем говорится, что ЕС не может позволить стране, имеющей общую с ним границу, и дальше "прозябать в условиях диктатуры"..

*** Обозреватель Э.Ретман отмечает: ЕС не скрывает своей разочарованности тем, что Россия не соблюдает обязательство, данное в 1999 г., вывести свои войска из Молдавии. Andrew Rettman. "EU – Russia to agree on road-map, as Cold War tension simmers", 12.05.2005.
<<http://www.euobserver.com/?sid=9&aid=19022>>.

**** О том, к какому абсурду может привести слепая терпимость, говорит такой факт: по прошествии нескольких дней после террористической атаки на Лондон руководство "Би-Би-Си" запретило своим корреспондентам использовать слово "террорист" в освещении хода расследования этих трагических событий и рекомендовало заменить его на "бомбист" под тем предлогом, что "террорист" – понятие якобы предвзятое и эмоционально окрашенное, а требуется – нейтральное. Однако премьер-министр Т.Блэр, выступая в парламенте, назвал вещи своими именами, заявив, что всё в этом деле указывает на почерк исламских террористов..

***** Самолеты германских ВВС совершили за год более 230 рейсов в Афганистан и обратно через российское воздушное пространство и перевезли более 25 тыс. военнослужащих Бундесвера.

***** Соглашение было подписано 11 апреля 2005 г. в рамках визита президента В.Путина в Ганновер.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

КУДА ПОЙДЕТ ЕВРОСОЮЗ?

О причине нынешних трудностей в Евросоюзе

Н.Извеков,

вице-президент Внешнеполитической ассоциации

После сокрушительного “нет” на референдумах по проекту конституции Европейского Союза в двух странах – Франции и Нидерландах, входящих в “шестерку” государств-основателей этой структуры вполне закономерен вопрос о дальнейших перспективах ЕС. Последовавшее за этими событиями одобрение этого документа референдумом в миниатюрном государстве Люксембург (население около 400 тыс., величина ВВП в расчете на одного человека в два раза выше, чем в соседних Германии и Франции) в принципе не может уже в корне изменить сложившуюся ситуацию.

Необходимость в глубоком анализе создавшегося в Европе положения была подтверждена неудачей также саммита Евросоюза 16–17 июня 2005 г., на котором предполагалось решить вопросы формирования бюджета союза на ближайшие годы. Разумеется, после этих событий в государствах-ветеранах ЕС не было недостатка в различных оценках как итогов народного голосования по документу, направленному на переход Евросоюза к федеративному устройству, так и неспособности европейских лидеров достичь приемлемого решения на саммите.

В политических кругах и средствах массовой информации в Европе и за её пределами отмечались многие моменты, которые по мнению авторов комментариев, могли бы дать ответ на вопрос почему это произошло. Среди них было немало в принципе правильных суждений и замечаний. Но в своей массе они, правда, носили довольно формальный или частичный характер. Общим моментом для всех оценок было признание наличия серьезного внутреннего кризиса в Евросоюзе. Однако, фундаментальная причина его возникновения так и осталась пока по-настоящему не раскрытой в многочисленных откликах и комментариях ведущих политиков и средств массовой информации европейских стран.

Очевидно, подобная неясность сложилась не случайно. Дело в том, что в современных обстоятельствах выявление подлинных причин нарастающего социально-экономического кризиса может поставить под вопрос не только теоретическую обоснованность, но и практическую эффективность всего курса политики Евросоюза, проводимого в течение последних лет.

Очень многое говорит в пользу вывода о том, что ныне четко проявившийся кризис сложился не в одночасье и порожден отнюдь не конъюнктурными причинами. В действительности, в его основе лежит негативный результат глубинных экономических процессов системного порядка. Этот вывод подтверждается рядом тревожных тенденций в экономике и социальной жизни стран Западной Европы.

В самые последние годы, а именно в начальный период нынешнего 21 столетия, в экономике наиболее развитых стран Европы и Северной Америки наблюдаются серьезные трудности. Они проявляются, в частности, в существенном замедлении темпов роста производства, в падении внутреннего спроса на товары и услуги, в сокращении занятости и, соответственно, в увеличении безработицы, особенно, в старых членах Евросоюза. Происходило также снижение темпов роста производительности труда. В частности, в 2000 г. этот показатель для ЕС составил 1,5%, а в 2002 г. не превысил 0,5%. В последующем он еще более приблизился к нулю. Подобное явление специалисты по экономике связывают с недостаточным уровнем капиталовложений, прежде всего, в сферу непосредственного производства.

Эти тенденции застоя продолжают действовать в Европе уже на протяжении нескольких лет. Несмотря, на все предпринимаемые как руководством ЕС, так и национальными правительствами ведущих европейских стран, попытки с помощью традиционных для второй половины XX в.

методов экономического регулирования, запустить вновь на нужную мощность и скорость “двигатель” экономики Европы пока не удастся. Существенное замедление динамики экономического развития в Европе не позволило ЕС успешно решать задачи, поставленные в “Лиссабонской стратегии” (ЛС), одобренной Еврокомиссией в 1999 г.

В этой долгосрочной программе предусматривалось превратить к 2010 г. экономику Евросоюза в наиболее конкурентоспособную в мире, при обеспечении стабильных темпов её роста и сохранении европейской социальной модели. Проведенный в марте 2005 г. Еврокомиссией анализ итогов реализации ЛС, однако, показал, что налицо очевидное отставание в достижении поставленных целей. Европейские эксперты вынуждены были признать, что разрыв в уровнях развития экономик ЕС и США не только не сократился, но и по некоторым показателям возрос.

Естественно, фактическая стагнация в экономике в наиболее богатых странах Европы уже привела к появлению в Евросоюзе ряда негативных последствий. Самым наглядным примером таковых может служить возникновение устойчивых бюджетных дефицитов, превышающих установленный в ЕС лимит в 3% от величины валового внутреннего продукта (ВВП) государств-участников союза. В числе нарушивших этот лимит такие страны как Германия и Франция, экономика которых до последнего времени считалась главным мотором европейской интеграции. Это не могло не сказаться отрицательно на решении бюджетных вопросов на уровне всего Евросоюза. Неудивительно, что бюджетная проблема стала вторым камнем преткновения на очередном саммите ЕС 16–17 июня 2005 г., наряду с проблематичным вопросом о будущей европейской конституции.

Ухудшение экономической ситуации, разумеется, негативно отразилось и на ситуации в социальной сфере в ведущих странах ЕС. Официально государства-члены Евросоюза намерены сохранять приверженность “социально-рыночной экономике”. Но в реальной жизни дело обстоит иначе. Сталкиваясь как с ухудшением экономического положения внутри своих стран, так и обострением конкуренции на внешних рынках, деловые круги в ЕС, при поддержке правительств и парламентов, настойчиво ведут дело к фактическому демонтажу многих социальных стандартов, достигнутых в странах Западной Европы в результате их успешного развития в течение второй половины 20 столетия. Эта политика реализуется в ряде европейских стран в форме так называемой “либерализации” в сферах трудовых отношений, пенсионного обеспечения и т.д. Таким образом, социальная составляющая в общественном укладе стран Западной Европы ныне сокращается, в то время как сугубо рыночная мотивация в социальной политике неуклонно возрастает.

Однако, такие попытки либерально-рыночных реформ сверху в последнее время наталкиваются на растущее сопротивление снизу – со стороны наемных рабочих и служащих, приводят к возникновению крупных забастовок и других форм массового протеста в этих странах. Это нарастание социального недовольства, несомненно, существенно повлияло и на результаты проведенных во Франции и Нидерландах референдумов.

Такой рост социальной напряженности связан, в первую очередь, с существенным увеличением безработицы в ведущих странах Евросоюза. Например, во Франции уровень безработицы достиг максимального уровня за последние годы, превысив 10 процентов от численности трудоспособного населения. В Германии в 2005 г. этот показатель оказался еще выше – 12%. При этом, в 5 восточногерманских землях он колеблется от 18 до 20%.

Главной причиной увеличения числа безработных среди немецких рабочих, которые имели репутацию наиболее квалифицированных и высокопроизводительных в Европе, эксперты называют стремление крупных промышленных корпораций этой страны в последнее время переводить часть своих производств из государств Европы с высокими социальными стандартами в страны и регионы с более дешевой рабочей силой. Известный германский еженедельник “Шпигель” недавно с грустью констатировал, что в последнее время одной из главных статей экспорта Германии стал “вывоз рабочих мест” из этой страны.

В связи с упомянутыми процессами в средствах массовой информации западных стран в последнее время говорится и о другом вызывающем тревогу явлении – сокращении численности и уровня доходов “среднего класса”. В эту категорию в государствах Европы и Северной Америки принято включать довольно широкий социальный слой населения, в том числе предпринимателей “малого бизнеса”, различного рода специалистов, а также высококвалифицированных рабочих. Таким образом, в данную социальную категорию попадало более половины населения развитых стран. Традиционно существование многочисленного среднего класса рассматривалось на Западе как важная гарантия сохранения социальной стабильности.

Теперь эта социальная опора существующего порядка вещей в Европе подвергается заметной

эрозии. С социологической точки зрения подобное явление указывает на ускорение процесса имущественного расслоения в странах Запада. Тем более, что одновременно он сопровождается быстрой концентрацией богатства в руках малочисленной прослойки из числа тех, кого в последнее время принято называть “олигархами”. С точки зрения сохранения социальной стабильности в современном развитом обществе такая тенденция представляется крайне нежелательной и даже опасной. Опасения такого рода теперь находят подтверждение в реальной жизни.

По мнению некоторых обществоведов, именно эрозия “среднего класса” и, соответственно, рост социального недовольства в его рядах, привел к появлению в последние годы в наиболее развитых странах внушительного по масштабам “антиглобалистского движения”, выступающего в целом с антикапиталистических позиций. Сами участники движения предпочитают называть себя “альтерглобалистами”, подразумевая необходимость создания иного, более справедливого социально-экономического миропорядка.

Предпринимаемые в странах Европы меры по выводу экономики Старого континента из затянувшейся стагнации сводились до сих пор к применению методов, характерных для либерально-рыночной модели управления экономикой. В данном случае имеется в виду в первую очередь манипулирование процентной ставкой, устанавливаемой центральными банками (снижение или повышение её с целью стимулирования внутреннего спроса и инвестиций), и активные попытки бороться с возникшими во многих странах-участницах Евросоюза дефицитами государственных бюджетов.

Однако, подобный подход, как уже говорилось выше, не дал, да и не может дать необходимого эффекта для “подстегивания роста экономики европейских стран. Он оказывается все более неадекватным сложившейся экономической ситуации, поскольку до сих пор не принималась во внимание фундаментальная причина появившихся в развитых странах Запада трудностей.

Дело в том, что они как раз вызваны кризисом самой теоретической основы ныне проводимой политики – либерально-рыночной модели экономического развития, которая господствует в последние два десятилетия в умах правящей элиты западных стран. Специалисты по истории экономических теорий называют эту модель “неомеркантилизмом” по аналогии с самой первой школой экономической мысли, порожденной формирующимся в Европе XVII в. капитализмом.

Кратко, суть “неомеркантилизма” заключается в стремлении управлять процессами в современной экономике почти исключительно путем регулирования денежных потоков, пренебрегая при этом другими факторами, играющими в ней важную роль. Однако, такой “монетарный фетишизм” в политике наиболее развитых государств на практике ведет, в конечном итоге, к увеличению дисбаланса в мировой экономике, то есть прежде всего, к нарастанию разрыва между быстро умножающейся денежной массой и более медленным приростом материального продукта. Таково проявление либерально-рыночной модели в области государственной политики. Со стороны делового мира “неомеркантилизм” характеризуется всё большим стремлением к максимализации прибыли. В сложившейся ныне практике такой эффект достигается путем снижения расходов на заработную плату, снижения производственных издержек, в том числе за счет ослабления внимания к качественным показателям выпускаемой продукции. Таким образом, “максимализация” прибыли объективно ведет к замедлению экономического роста и порой ухудшению качества товаров.

Об опасности чрезмерного увлечения финансовой стороной дела предупреждал в конце XX в. известный американский экономист Джозеф Стиглиц, который в то время занимал пост вице-президента Всемирного Банка, возглавляя его аналитическую группу. Этот авторитетный специалист, получивший в 2001 г. Нобелевскую премию в области экономики, известен также своей развернутой критикой политики Международного валютного фонда¹.

Действительно, история мировой экономики знает несколько случаев, когда в прошлом возникновение значительных дисбалансов приводило к серьезным экономическим потрясениям. В XX в. наглядным примером такого рода может служить мировой экономический кризис 1929–1933 гг.

В настоящий момент необходимость отказа от порождающей социально-экономические трудности либеральной модели четко осознается главным образом на левом фланге политического спектра Европы. Хотя после неудачи референдумов во Франции и Нидерландах критика в адрес “капиталистической интеграции”, отвечающей интересам только крупного бизнеса, слышится не только от европейских коммунистов и активистов “антиглобалистского движения”.

Например, после того как в Германии приняли решение о проведении досрочных выборов в

бундестаг резкая антикапиталистическая риторика прозвучала в устах социал-демократических лидеров этой страны – председателя правления партии Мюнтеферинга, да и самого федерального канцлера Шрёдера. Остается, правда, открытым вопрос о том, воплотятся ли эти высказывания в реальные политические действия в случае победы социал-демократов на выборах или же останутся лишь предвыборными маневрами.

О происходящих изменениях на политическом ландшафте ФРГ говорит факт выхода из СДПГ такого авторитетного политического деятеля как Ланфонтен. Он не только покинул ряды социал-демократов, но и создает новое политическое объединение левых социалистов и профсоюзников, которое намерено на выборах блокироваться с партией демократического социализма (ПДС), имеющей весомую избирательную поддержку в восточной части Германии.

Если это реально произойдет, то на предстоящих в сентябре 2005 г. выборах в бундестаг может реализоваться перегруппировка политических сил. Даже в случае победы на них блока ХДС/ХСС, последнему, возможно, придется иметь дело с оппозицией в лице не только ослабевших социал-демократов и зеленых, но и усилившегося левого фланга. Сейчас пока трудно сказать, как именно предполагаемые изменения в Германии скажутся на дальнейшем развитии в масштабах всего Евросоюза. Несомненно то, что в других европейских странах очень внимательно следят за тем, что происходит в самой крупной и экономически мощной державе Западной Европы.

Возвращаясь к проблематике всего Европейского союза, следует кратко остановиться на следующих, заслуживающих внимания моментах, имеющих значение для понимания ближайших перспектив этой региональной структуры.

Несмотря на показной оптимизм в высказываниях руководства ЕС и европейских лидеров на национальном уровне относительно будущего Евросоюза, последний вступил в сложный период “неопределенностей”, чреватый опасностью возникновения неожиданных острых ситуаций и конфликтов. “Голубая мечта” паневропеистов о том, чтобы Европа выступала на мировой арене как единое целое на данном этапе потерпела фиаско и оказалась отодвинутой на неопределенный срок.

Европейская интеграция шла гладко, почти как по рельсам, пока экономика стран этого континента развивалась достаточно динамично. Стоило возникнуть затруднениям в этой сфере как появились осложнения и в других областях. В контексте размышлений такого рода, принятие в ЕС в 2004 г. одним залпом сразу десяти новых государств-членов явилось серьезной ошибкой, которая лишь усугубила и без того непростую современную ситуацию в Европейском регионе.

В результате, международное сообщество теперь с удивлением наблюдает сцену, которая разворачивается на Европейском континенте. На месте региональной структуры, которая до недавнего времени считалась наглядным примером успешной и всесторонней интеграции, появляется более аморфное образование, состоящее из нескольких государств, активных игроков на мировой арене, и толпы стран-лимитрофов, жаждущих, прежде всего, урвать максимальный кусок из “общеευропейского пирога” различных субсидий.

Объективно рассуждая, складывающаяся на Европейском континенте ситуация и, прежде всего в рядах Евросоюза, создает дополнительные возможности для маневров со стороны держав, выступающих ныне его основными партнерами в политических и экономической областях. Таковыми являются прежде всего США, Россия и Китай. У каждого из этих государств имеется своя специфика отношений с ЕС. При этом каждая из них отнюдь не хотела бы полного развала союза.

Для США Европа остается, в первую очередь, военно-политическим союзником, но при этом всё большим конкурентом в сфере экономики, особенно в области высоких технологий. В целях усиления своего воздействия на формирование политики ЕС изнутри Вашингтон может более активно задействовать своего наиболее верного союзника в Европе – Великобританию, а также некоторые государства из числа недавно принятых в союз, например, Польшу.

Отношения с Россией носят еще более сложный характер. С одной стороны она не может претендовать на партнерство с ЕС в политической сфере, поскольку постоянно подвергается критике в парламентских кругах и средствах массовой информации европейских стран, приписывающих ей различные “грехи”, которые в основном искусственно раздуты. С другой, Европа сильно заинтересована в России экономически – как рынке сбыта для своих товаров и надежном поставщике различных ресурсов, особенно энергетических. Поэтому Россия могла бы поубавить европейского снобизма в отношении оценки сугубо внутренних дел в нашей стране, если бы активнее использовала упомянутый интерес Европы к экономическим связям с нами.

Быстрый рост экономического могущества Китая, побуждает Евросоюз уделять в последнее время значительно больше внимания этой стране. Однако здесь можно констатировать

несовпадение устремлений двух сторон. Для Китая европейские страны – это, в первую очередь, крупный рынок для быстро растущего экспорта его промышленных товаров. Со своей стороны ЕС старается добиться от КНР как введения ограничений на его вывоз в страны Старого континента, так и дополнительных возможностей для европейских инвестиций в китайскую экономику.

Видимо, с подачи США, руководители ЕС продолжают призывать Китай к осуществлению неких политических и экономических реформ. Столь противоречивый подход Евросоюза к отношениям с Китаем в нынешних условиях едва ли способен выглядеть убедительным в глазах Пекина. В данной ситуации вспоминается старая английская поговорка – “живущие в стеклянном доме не должны бросать камни в соседей”. Действительно, в последнее время “общеевропейский дом” почему то обретает сходство со строением из сплошного стекла.

Тем более, что подобный призыв может быть с гораздо большим основанием переадресован европейским странам. Именно они, а не быстро развивающийся Китай, как показано выше, переживают сейчас различного рода экономические, социальные и политические трудности. Поэтому логично посоветовать европейским странам самим показать остальному миру пример того, как преодолевать возникшие проблемы с помощью проведения действительно необходимых реформ.

Примечания

¹ Стиглиц Дж. Глобализация. Тревожные тенденции. М.: Изд-во “Мысль”, 2003.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РЕАЛИИ БЕЗВИЗОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И РФ

В.Кликунова

Введение безвизового режима является многоаспектной проблемой. Оно затрагивает вопросы обустройства границ, надежности идентификационных документов, регулирования миграционных потоков, борьбы с коррупцией и организованной преступностью, сближения и гармонизации законодательства и административной практики, заключения международных соглашений, в том числе о реадмиссии, и ряда других. Многие из них уже стоят в повестке дня. Для их решения проблематика безвизового режима не имеет значения. Но то, как они решаются, может оказывать определяющее влияние на продвижение к поставленной цели и в целом введение безвизового режима.

Чтобы договоренности о поэтапном смягчении визового режима и его последующей отмене заработали, надо превратить границу между Россией и странами Европейского Союза, включая аэропорты, в границу сотрудничества, безопасности, комфорта и эффективности. Это потребует комплекса мер законодательного, административного и финансового характера, а также инвестиций в переоборудование и модернизацию контрольно-пропускных пунктов там, где это еще не было сделано.

Введение безвизового режима, несомненно, облегчит развитие связей и всех форм взаимодействия между Россией и Европейским Союзом. Оно создаст наиболее благоприятные условия для общения между людьми. Будет способствовать возникновению психологического чувства общности. Подтолкнет политическое сближение. Поможет запуску и реализации взаимовыгодных экономических проектов в самых различных областях. Даст возможность использовать рыночные механизмы для перехода к более рациональному и сбалансированному разделению труда и эффективной взаимодополняемости.

Будучи одним из инструментов углубления двусторонних связей, введение безвизового режима может рассматриваться и как крупная самостоятельная задача, требующая для своего решения использования широкого арсенала специфических мер внешней и внутренней политики. Тем не менее, продвижение к решению этой самостоятельной задачи неизменно будет зависеть от общего контекста отношений между Россией и Европейским Союзом и опираться на успехи во всех смежных и связанных с проблематикой безвизового режима областях сотрудничества.

Одной из коренных причин сохранения или даже ужесточения визового режима в отношениях между Россией и ЕС является недостаток доверия. Он негативно сказывается и на характере политических отношений между сторонами, принятии решений по экономическим вопросам и взаимодействию по линии правоохранительных ведомств.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что недостаток доверия во многом связан с мифологизированным восприятием России, происходящих в ней политических, экономических и социальных изменений со стороны Европейского Союза, государств-членов и их представителей. В числе наиболее распространенных – мифы о том, что, в случае открытия шенгенских границ, территорию Союза захлестнет экономическая миграция из России и Центральной Азии, и на ней начнут свободно орудовать российские и связанные с ними иные преступные сообщества.

Представители европейских стран, российского правительства и Государственной Думы уже не первый год обсуждают вопрос дальнейшего сближения России и Союза в рамках общественного комитета “Россия в Объединенной Европе”.

Единая безвизовая Европа начала формироваться незадолго до падения “железного занавеса” – 14 июня 1985 г., когда было подписано Шенгенское соглашение. Цель этого документа помимо обеспечения свободы передвижения внутри Союза состоит в усилении контроля над гражданами из стран, не входящих в ЕС, которые въезжают на территорию, где действует Шенгенское

соглашение.

До недавнего времени это соглашение воспринималось жителями России скорее позитивно: появилась возможность получать единую визу сразу для всех стран-членов ЕС, что, безусловно, облегчило жизнь туристам, а также тем, кто в связи с профессиональной деятельностью вынужден много ездить по территории ЕС.

Однако по мере приближения границ большой Европы к России и в связи с ужесточением борьбы с незаконной иммиграцией в странах ЕС ситуация стала восприниматься уже не в столь радужных тонах. Страны, в которых российские граждане еще с советских времен не должны были получать визы или в которых процедура получения визы была формальной, ужесточили условия въезда на свою территорию. Причем некоторым, таким, как популярные среди российских туристов Кипр или Мальта, приходится делать это даже вопреки собственным экономическим интересам.

Но больше всего эта тенденция сказывается на российском анклав – Калининградской области, граждане которой со вступлением в ЕС и Шенген Литвы и Польши оказались окруженными странами единой европейской таможенной зоны. Острота проблемы увеличивается и в связи с усилившейся в последнее время в европейских государствах борьбой с незаконной иммиграцией и международным терроризмом, что, по меньшей мере, усложняет и замедляет процедуру выдачи виз. По словам заместителя МИД России Владимира Чижова, “стена Шенгена становится все выше. Ужесточение режима преодоления внешних границ ЕС объективно создает ограничения для свободного перемещения и общения людей на континенте. Это вопрос уважения прав человека”.

В российском МИДе отмечают, что меры по борьбе с незаконной эмиграцией из России неоправданно жестки: россияне никогда не были группой риска в этой области. “Основные потоки иммигрантов идут не с восточного, а с южного направления”, – полагает В.Чижов.

Глава постоянного представительства Европейской Комиссии в России Ричард Райт подтвердил готовность европейского руководства обсуждать вопрос о введении безвизового режима для граждан России. По его словам, такой режим будет способствовать более тесным связям, инвестициям.

Он также отметил, что заранее определенного списка условий, которые России будет необходимо выполнить, чтобы присоединиться не существует. Но прежде, чем такая работа начнется в России, ЕС необходимо убедиться, что введение безвизового режима не нанесет ущерба европейским странам. Поэтому рассмотреть этот вопрос должна каждая страна ЕС по отдельности, и только после этого окончательное решение должно быть принято Европейской Комиссией.

По мнению европейской стороны, для того чтобы одобренная на высшем уровне идея стала реальностью, необходимо предпринять ряд конкретных действий. Первое – заключить соглашение о реадмиссии между Россией и ЕС. Вторая большая, сложная и дорогостоящая задача состоит в повышении уровня надежности проездных документов и паспортов. Кроме того, необходимо продолжать совместную работу по повышению эффективности пограничного контроля и борьбе с незаконной иммиграцией и организованной преступностью. Эти задачи должны быть решены в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией.

Посол Финляндии в России Рене Нюберг убежден, что достижение долгосрочной цели создания безвизового пространства между Россией и ЕС лежит скорее в технической плоскости, то есть необходимо вести более усовершенствованный контроль на сухопутной границе. Он остановился на необходимости введения более надежных паспортов для выезжающих за пределы России.

Большую сложность, по словам российского депутата В.Рыжкова, представляет собой и протяженная граница России с бывшими советскими республиками. Ее либо необходимо обустраивать, либо добиться того, чтобы эти страны выполнили те же требования, которые предъявляет России европейская сторона. Однако сейчас в СНГ в рамках четверки обсуждаются договоренности по единому таможенному пространству, которое, вероятно, будет дополнено единым безвизовым пространством. Именно этот аспект будет противоречить одному из требований критериев ЕС. Гарантии надо будет требовать не только от России, но и от Правительств Казахстана, Киргизии и Белоруссии (четверка СНГ). По мнению парламентариев, решение этой непростой задачи состоит не только в технических вопросах. “Политически ЕС не готов думать о безвизовом режиме с Россией”.

МИД России достаточно давно поднимает вопрос облегчения условий поездок граждан как в двусторонних контактах со странами-членами ЕС, так и непосредственно перед ЕС. Предлагалось начать работу еще в 2000 г. Но только после того, как в августе 2002 г. президент РФ обратился с

личным посланием к главам государств и правительствам стран ЕС с инициативой перехода на безвизовый режим взаимных поездок граждан России и стран ЕС, вопрос сдвинулся с мертвой точки.

На встрече В. Путина с председателем Европейской Комиссии Р.Проди 18 февраля 2003 г. было принято решение о создании рабочей группы высокого уровня для изучения перспектив и необходимых мер для достижения этой цели. На Санкт-Петербургском саммите 31 мая 2003 г. Россия и ЕС согласились изучить условия для безвизовых поездок в качестве долгосрочной перспективы, а также своевременно заключить соглашение о реадмиссии. В ближайшее время будет завершена подготовка соглашения между МВД России и Европолом в целях совершенствования сотрудничества в сфере юстиции и борьбы с преступностью, управления границей и миграцией. Безвизовый режим приблизит нас к воплощению одного из основополагающих принципов единой Европы без разделительных линий, а именно принципа свободы передвижения.

С одной стороны, законная миграция и передвижение людей являются неизбежными предпосылками для того, чтобы ЕС и страны–партнеры действительно получили выгоду для потенциала трудовой силы и профессиональных навыков, существующих по обе стороны границы, и чтобы новые границы не представляли собой “барьер для торговли, социального и культурного обмена или регионального сотрудничества”. В этой связи необходимо установить систему малого пограничного передвижения, рассмотреть возможность предоставления безвизового режима владельцам дипломатических паспортов. С другой стороны, такие возможные исключения так- же создают ряд сложностей, которые должны быть устранены, чтобы установить механизм, позволяющий на практике облегчить пересечение внешних границ ЕС.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ВЬЕТНАМ – ПРАВО НА МИР И ДЕМОКРАТИЮ*

Чужого горя не бывает

Г. Локшин,
Генеральный секретарь
Международного института мира

Не успел я защитить свою диссертацию об освободительном движении на Юге Вьетнама, как в августе 1964 г. разыгралась американская авантюра в Тонкинском заливе, а дальше высадка американских войск на Юге и начало большой и долгой войны. Опять волей случая мне довелось участвовать в ряде важных событий, сыгравших позднее немаловажную роль в победе правого дела этого народа.

После переговоров с делегацией Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в Москве было решено создать его Постоянное представительство в СССР. Вскоре меня пригласил тогда заведующий сектором Международного отдела ЦК КПСС И.И.Коваленко (крупнейший советский японовед, автор многих фундаментальных научных трудов, впоследствии сыгравший важную роль в решении многих проблем наших отношений с народами Индокитая) и предложил взять на себя практически все текущие вопросы организации пребывания и повседневной деятельности этой необычной дипломатической, а скорее политической миссии в СССР. Отказаться я, конечно, не мог, да и не хотел. Так, не отрываясь от научной работы в Институте Востоковедения Академии наук СССР, я оказался в эпицентре практической политики того времени и на одном из самых интенсивных ее направлений.

Уже в феврале 1965 г. мы встречали в Москве первый состав южновьетнамских дипломатов. Никакими дипломатами они на самом деле не были, и быть не могли. Это были партийные работники, в том числе и те, кто недавно прошел сайгонское подполье. Возглавлял их член ЦК НФОЮВ, профессиональный революционер с большим подпольным стажем, а в жизни исключительно скромный и душевный, великолепно образованный человек Данг Куанг Минь, оставший по себе наилучшие воспоминания у всех, кому пришлось с ним иметь дело.

Через пару лет было создано уже Временное Революционное Правительство Республики Южный Вьетнам, где министром иностранных дел стала мадам Нгуен Тхи Бинь – впоследствии всемирно известная политическая и общественная деятельница, лауреат Международной Ленинской премии “За укрепление мира между народами”. Эта обаятельная и мудрая женщина пользовалась огромной популярностью и безграничной симпатией во многих странах мира. Не раз она бывала и в нашей стране. Мадам Бинь, как ее все тогда называли, умела расположить к себе и руководство, и простых людей. После освобождения она стала вице-президентом СРВ, а сейчас возглавляет крупную общественную организацию – Вьетнамский фонд мира и развития.

После создания ВРП РЮВ миссия Фронта была преобразована в посольство РЮВ. Но тогда, естественно, никто это правительство официально признавать не собирался, и никакого опыта отношений с так называемыми “самопровозглашенными государствами” у нас в стране, да и во всем мире не было. Все это приходилось выстраивать на ходу, методом проб и ошибок.

Миссия была аккредитована не при МИДе, а при общественной организации, которая называлась Советский комитет солидарности с народами Азии и Африки. Его возглавлял тогда известный таджикский поэт Мирзо Турсун-заде, а практически руководил им ответственный секретарь Александр Сергеевич Дзасохов, ушедший недавно в отставку президент Республики Северная Осетия – Алания. Моссовет выделил сначала небольшое помещение в самом центре Москвы, прямо на пересечении Неглинной и Пушечной улиц, а через пару лет для Посольства РЮВ уже был построен прекрасный особняк в Карманицком переулке на Арбате. На текущую деятельность были предоставлены все необходимые и немалые средства. Сотрудникам миссии

было выделено несколько служебных квартир с мебелью (что тогда было далеко не просто) и установлена скромная, но достойная по тем временам зарплата. Все это стоило значительных средств, но мало, кто тогда знал, что все расходы по содержанию дипмиссии РЮВ оплачивались не правительством РЮВ или ДРВ и не из госбюджета, а за счет Советского фонда мира, то есть за деньги миллионов советских людей, многие годы отдававших свои совсем не лишние сбережения на благое дело сохранения мира – такие были тогда времена и нравы! И если страна не жалела средств на ракеты ПВО, пушки, танки и самолеты, то чего уж было жмотничать на том, что олицетворяло будущий свободный и независимый Южный Вьетнам, хотя и роскоши никакой не было. А об объединении страны тогда еще всерьез никто не рассуждал. До победы было еще слишком далеко.

Материально-техническое обеспечение представительства Фронта, а затем посольства РЮВ, было возложено на УПДК МИД СССР, которое подобрало на роль управляющего делами своего работника Александра Никитича Рыбакова – светлая ему память. С большим вниманием и заботой создавал он все необходимые условия для работы этого тогда очень необычного дипломатического представительства.

Мы долго ломали головы над его юридическим статусом. Прецедентов не было. Был разработан и согласован с вьетнамской стороной документ, который предоставлял миссии все дипломатические привилегии. Сотрудники были внесены в протокольный список и приглашались на официальные правительственные приемы, встречи и т.п. Машины получили дипномера, а сотрудники – дипломатический иммунитет.

Но с загадками дипломатического протокола пришлось столкнуться сразу. Непростая это штука оказалась, и не нами придумана. Если перед Фронтом, а затем и перед правительством РЮВ стояла важнейшая задача – добиться международного признания, и широкой поддержки, то именно на это пришлось и поработать. Это всё было еще задолго до переговоров в Париже, где по, казалось бы, чисто протокольным вопросам: за каким столом сидеть и в каком порядке выступать, много месяцев шла ожесточенная борьба – ведь за этим стояло далеко не простое следствие – признают ли РЮВ полноправной стороной переговоров или нет.

Так, на каждом правительственном приеме в Кремле или при встречах высоких гостей с участием дипкорпуса возникал вопрос, где стоять представителю никем не признанной страны РЮВ. Это как в боярской думе – все послы, как знатные бояре, свое место знают: по срокам вручения верительных грамот. Стоило встать перед кем-либо, как на следующий день в МИД поступала нота протеста. Решили вставать после всех послов и перед временно поверенными, но, поди разбери, кто посол, а кто временно поверенный. А тут еще каждого посла по заведенному распорядку громко и торжественно представляют гостю. Гость тоже, кому попало, руки не подает. Ведь появившись на следующий день в прессе фото с дружеским рукопожатием, и скандала не избежать. Если гость был из страны НАТО, то, подводя его к товарищу Миню, тогдашний заведующий протокольным отделом МИД СССР В.И. Колоколов произносил нечто непонятное и непередаваемое. Гость на автомате вежливо пожимал руку представителю РЮВ. Но тут обижался товарищ Минь: мол, почему он меня, как следует, не представил. Сначала я просто врал, что все было сказано, но вы,

г-н посол, просто не расслышали, но позже товарищ Минь начал осваивать русский язык и обмануть его было уже нельзя. Пришлось объяснять, что гость может руки и не подать, а это уже будет публичное оскорбление. На том и договорились.

Опыт, накопленный в работе с представительством РЮВ даром не пропал. Был создан прецедент, на который позже ориентировались с представительством ООП в СССР (правда, уже не за счет Фонда мира) и с некоторыми представительствами других “самопровозглашенных государств” в современной России.

Необычным представительством РЮВ было и с точки зрения повседневной работы. Как и все посольства, оно поддерживало постоянный контакт с государственными и общественными организациями страны. Вместе с послом товарищем Минем мне не раз приходилось бывать на встречах у многих тогдашних руководителей партии и государства, обсуждали практические вопросы оказания материальной и военной помощи (хотя главные проблемы решались, конечно, в соответствующих ведомствах непосредственно с руководством ДРВ). Считаю для себя невозможным пересказывать содержание многих таких рабочих встреч, ибо не был на них ни принимающей, ни участвующей стороной, а выполнял задачу переводчика, хотя и по принятой тогда практике обязан был по памяти вместе с помощниками высшего руководства составлять отчет о каждой беседе для тех, кого непосредственно касались различные договоренности. Но это

была общая практика. В отличие от других посольств, Представительство РЮВ вместе с советскими общественными организациями участвовало в тысячах митингов и собраний, проходивших в те годы по всей нашей громадной стране, устраивало выставки и конкурсы плакатов, кинофестивали, постоянно работало с советскими и зарубежными СМИ. Делалось все возможное и невозможное для развития движения солидарности с вьетнамским народом как в нашей стране, так и во всем мире.

За всей этой огромной и непрерывной политической, воспитательной и пропагандистской работой, естественно, стояли партийные органы – в центре и на местах, многочисленные общественные организации, которые тогда существовали. Без их постоянного внимания и поддержки развернуть такую мобилизацию общественного мнения в стране и на международной арене было немыслимо.

Движение солидарности с Вьетнамом в очень короткий срок стало у нас поистине всенародным и ни у кого сегодня не повернется язык это отрицать. В нем самое активное участие принимали Общество советско-вьетнамской дружбы, которое возглавил один из самых популярных и любимых людей страны, летчик-космонавт № 2 Герман Титов, советские профсоюзы, женские, молодежные и другие организации и движения. Для согласования и координации их деятельности еще в августе 1964 г. было решено создать Советский комитет поддержки Вьетнама, включивший представителей всех этих организаций и многих видных деятелей науки и культуры. В Москве прошло учредительное заседание представителей общественных организаций СССР, которое и избрало Советский Комитет поддержки Вьетнама. Председателем был избран секретарь ВЦСПС П.Т.Пименов, его заместителями стали председатель Советского комитета ветеранов войны, прославленный полководец, генерал армии П.И.Батов, участник Нюрнбергского трибунала, председатель Верховного суда РСФСР (а потом СССР) Л.Н.Смирнов, один из первых советских лауреатов Нобелевской премии по физике, академик П.А.Черенков, а ответственным секретарем избрали автора этих заметок. В помощь мне был придан “аппарат” в составе одного(!) сотрудника. Правда, в организационном плане мы могли иногда пользоваться аппаратом Советского комитета солидарности с народами Азии и Африки и очень тесно сотрудничали с Советским комитетом защиты мира, тем более, что основные задачи были связаны не с тем, чтобы дублировать Общество советско-вьетнамской дружбы, которое вело огромную работу по всей стране, а в том, чтобы всемерно содействовать уже разворачивавшемуся международному движению за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, особенно в США и Западной Европе.

За нами оставались и все вопросы деятельности посольства РЮВ, и координация массовых акций солидарности в стране, и сбор средств в фонд гуманитарной помощи Вьетнаму. С последним вопросом было особенно трудно, но не потому, что этой помощи было мало, а наоборот, потому что ее было так много, что вставали серьезные проблемы ее хранения и доставки во Вьетнам.

В эти годы пришлось воочию увидеть и ощутить беспредельную душевную щедрость нашего народа, воспринявшего войну во Вьетнаме как свою собственную драму. Не случайно, таким успехом пользовался тогда замечательный документальный фильм “Чужого горя не бывает”, созданный выдающимся советским писателем, поэтом и драматургом К.М.Симоновым совместно с известным литературным переводчиком-вьетнамистом и писателем М.Н.Ткачевым.

Немало самых трогательных эпизодов того времени навсегда врезались в память. Не могу забыть, как в первое время часто раздавались звонки от вьетнамских сотрудников представительства РЮВ примерно с одним и тем же вопросом, как нам найти Николая? ...Какого, да их миллионы в России? Оказывалось, что этот Николай, а то Иван, или Степан пришел в представительство, вручил им круглую сумму на помощь детям, которую этот инвалид войны (именно так бывало чаще всего) сам заработал, играя на баяне, или еще как-нибудь в поездках пригородной электрички, или еще каким-то образом скопил, и уходил, даже не попрощавшись. Возможно, сегодня многим это просто трудно себе представить, но разрази меня гром, если я тут придумал хоть слово. А главное эти люди чаще всего даже не хотели назвать своего имени или адреса. Вот и ищи потом такого Николая, которому вьетнамцы и спасибо не успели сказать.

Правда одного “Николая” я запомнил хорошо, потому что знал лично, да и был он к тому же американцем. Это был популярнейший среди тогдашней левой молодежи певец и борец за мир, Дин Рид. Мы познакомились и подружились в 1965 г. на Конгрессе сторонников мира в Хельсинки. Когда пару лет спустя, по нашему приглашению, он приехал в СССР уже на гастроли, это была уже широко известная звезда эстрады, что не мешало ему оставаться простым и душевным парнем, с невероятным обаянием, покоровшим не только женскую, но и большую часть мужской половины населения нашей страны. Гастроли его прошли по всему Советскому Союзу с оглушительным

успехом. После расчета с Госконцертом, он отправился не в шикарный ресторан, а по секрету от сопровождавших лиц объявился в представительстве РЮВ и скромно выложил там чек на 15 тыс. долл. Это был весь его валютный гонорар за концерты. Сумма по тем временам огромная. Мои вьетнамские друзья крайне удивились, но дар приняли и вежливо поблагодарили американского гостя. Они не очень-то следили за молодежной модой в эстрадном искусстве и не поняли, кто это был. Только узнав уже от меня, что это был за американец, они собрались нанести ему визит в гостиницу, позвать корреспондентов, пригласить ТВ, словом как теперь говорят, “пропиарить” это дело, но опоздали – Дин Рид светиться своей благотворительностью вовсе не стремился и быстро убыл в ГДР, где проживал в то время.

В адрес нашего комитета со всей страны шли посылки с игрушками для детей, с тетрадями и книгами, с сигаретами для солдат, с медикаментами и т.д. Отправлять все во Вьетнам было крайне трудно и не дешево. Каждая тетрадь могла стать золотой. Приходилось уговаривать многочисленные организации и учреждения, особенно школьные коллективы все присылать деньгами в Фонд мира. И действительно поступления в Фонд мира во время войны во Вьетнаме возросли многократно. На эти средства и собирались известные тогда всей стране “корабли солидарности”, которые доставляли в Хайфон такие необходимые тогда вещи, как машины скорой помощи, оборудование для госпиталей, медицинские инструменты и лекарства. Но не забывали и простые подарочные наборы для воинов. Вместе со многими нашими известными людьми мне не раз доводилось сопровождать “корабли солидарности”, в частности сухогрузы “Раздольное” и “Солнечногорск”, уходившие из Новороссийска и Владивостока в Хайфон, а затем уже в ДРВ выезжать на боевые позиции зенитчиков, моряков или в госпитали и вручать бойцам и командирам эти нехитрые подарочные наборы. Их великая сила была в том, что доходили они индивидуально до конкретного человека и как бы говорили ему: держись, брат, мы хоть и далеко, но душой рядом с тобой. Нет слов, чтобы описать, как происходили все эти встречи в блиндажах, на позициях ракетных расчетов или у моряков пограничников. Каждый раз оставалось чувство глубокого удовлетворения от того, чем приходилось заниматься не только по долгу службы, но и по велению души, а это бывает в жизни не часто.

Очень не хотелось бы сгущать краски по поводу разного рода угроз и опасностей, которые пришлось испытать в эти годы в воюющем Вьетнаме. Наши вьетнамские коллеги придавали исключительное значение нашей личной безопасности и всячески пресекали любую браваду и легкомыслие со стороны иностранных гостей. А я всё-таки там был не военным советником, и никто для меня никаких исключений не делал. В Ханое при первых звуках сирены всех немедленно спускали в бомбоубежище. Но война есть война, и от всего не убережешься. Это особенно чувствовалось в поездках, когда попадали под авианалеты на мосты и переправы. Незабываемы дороги Вьетнама тех лет. Разбитые бомбами во многих местах и наскоро засыпанные дорожниками они доставляли мало удовольствия в пути. Через час такой дороги не каждый мог самостоятельно выбраться даже из “Волги”, не говоря уж о наших советских джипах “на жесткой подошве”. Но особенно запомнилась сама манера ведения машины вьетнамскими водителями. Чем ближе к районам, через которые шли машины на Юг и в Лаос, тем меньше водитель вообще глядел на дорогу. Ему важнее было наблюдать за небом, где в любое время могли появиться американские “фантомы”. Вот так и ехали, высунувшись из кабины и задрав голову к небу. А саму дорогу они знали наизусть.

Ну а уж если налет все же заставал в пути, машина пряталась за любым укрытием, а пассажиры разбегались по кустам. И не раз приходилось вскоре убедиться, что на спине у меня лежал кто-нибудь из сопровождавших вьетнамцев, прикрывая от беды своим телом. Никакие уговоры не помогали. В ответ часто слышал: “Если с вами что-нибудь случится, меня все равно расстреляют”.

Ограничусь этими наиболее сильными впечатлениями. Ведь как ни старайся, все равно не переплунуть наших замечательных военных корреспондентов, работавших во Вьетнаме в эти годы. Среди них хочется назвать таких талантливых мастеров, как профессиональные вьетнамисты, переквалифицировавшиеся в военных журналистов, как правдист Иван Щедров, первым оказавшийся на партизанской базе в 15 км от Сайгона, знаменитый известинец Михаил Ильинский, известный тогда всем под легендарной кличкой “месяё Мишель”, прекрасные мастера своего дела, боевые корреспонденты ТАСС Евгений Кобелев и Сергей Афонин, а также не вьетнамисты, но просто талантливые и влюбленные в свое дело журналисты Александр Сериков (Сербин), Валерий Скворцов и Владимир Цветов из “Правды”, корреспондент Гостелерадио Леонид Кричевский и незабвенный Коля Солнцев, многие годы возглавлявший вьетнамскую редакцию Московского

радио. Конечно, я назвал не всех, но эти ребята были и многие остаются моими коллегами и близкими друзьями, и хочется отдать должное их заслугам в том, что не только народы нашей страны, но и многие другие знали правду о том, что происходило во Вьетнаме в те незабываемые годы.

Многие наши люди все же не были удовлетворены всеми этими формами помощи. В самые трудные годы войны ко мне в комитет поддержки Вьетнама стало приходить довольно много офицеров запаса и только что отслуживших военных специалистов, которые просили направить их во Вьетнам добровольцами. Сделать это без специальной просьбы вьетнамской стороны никто, естественно не мог, а объяснять это моим посетителям бывало очень не просто. Многие в гневе обзывали меня последними словами, а некоторые даже пытались применить силовое воздействие. Так что приходилось быть на чеку с этими добровольцами. Часто могли и побить.

Пришлось познакомиться и с американскими дезертирами, бежавшими из Южного Вьетнама после лечения в японских госпиталях. Заниматься ими нам пришлось уже в Москве, откуда мы связывались с нашими партнерами в Швеции, которые и принимали у себя этих ребят. Много лет позднее японские журналисты часто задавали мне вопрос о каком-то плане разложения американской армии, который якобы был разработан в КГБ СССР и осуществлялся через южных вьетнамцев и японских коммунистов. Я всегда говорил и считаю сейчас, что все это чистая фантазия. Никакого подобного плана у нас, во всяком случае, не было, а за вьетнамцев я ручаться не буду. Но вот мороки с этими американцами нам хватало. Героев мы из них не делали, нам тогда объяснили в высоких инстанциях, что дезертиры, они и в Африке дезертиры. Но все же это были люди, бросившие вызов власти и отказавшиеся участвовать в преступной войне. И они заслуживали той помощи, которую мы им оказывали. Многие из них присоединились к движению американских ветеранов, добивавшихся прекращения войны, и участвовали в разоблачении жестоких преступлений американских войск против мирного населения в Южном Вьетнаме.

Если окинуть взглядом все эти годы вьетнамской войны Сопротивления и объективно, не предвзято оценить масштаб того всенародного сочувствия, с которым миллионы наших соотечественников относились к борьбе и трагедии далекого, но свободолюбивого и мужественного народа, с какой готовностью они жертвовали даже многим необходимым, чтобы ему помочь, то было бы глубоко не верно и где-то даже оскорбительно списать все это на результат мощной пропагандистской обработки населения, как это делают сегодня некоторые наши историки. Вероятно, надо было с мое повариться в этой атмосфере международной и просто человеческой солидарности, чтобы понять до конца это отношение наших народов, переживших Великую Отечественную войну, к мужественно сражавшемуся народу маленькой еще недавно колониальной страны Юго-Восточной Азии, ставшему жертвой агрессии такой гигантской и богатейшей страны, как США. Гордиться этими проявлениями человечности надо, воспитывать на них молодое поколение, а не списывать все на пропаганду.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПОДХОД США К СДЕРЖИВАНИЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.Захаров,
генерал-майор
А.Гнидо,
подполковник

“Стратегия национальной безопасности” США официально закрепила положение о необходимости защиты экстерриториальных “национальных интересов” страны, сфера которых сейчас охватывает практически весь земной шар и даже космическое пространство¹.

Следует отметить, что важным моментом, нашедшим свое конкретное отражение в американских доктринах и концепциях, является утверждение о необходимости обеспечения собственной военной безопасности путем “поддержания и способствования развитию демократии во всем мире”. Считается, что в условиях “грядущей всемирной победы демократии” (то есть при установлении “мира по-американски” во всем мире) опасность возникновения войны, особенно в глобальном масштабе, будет гораздо меньше, чем в случае существования комбинации различных форм государственного устройства в мире.

В американских документах под путями обеспечения военной безопасности понимается наука и искусство создания и использования политической, экономической и психологической мощи нации совместно с ее вооруженными силами для установления желаемого уровня и вида контроля над противной стороной в интересах достижения целей государственного развития.

В обеспечении военной безопасности вооруженным силам США отводится задача силового сдерживания для реализации стратегии устрашения вероятного противника, что, по мнению руководства ВС США, на фоне имеющегося военно-стратегического превосходства позволяет Соединенным Штатам обеспечить сдерживание противников во всех критически важных регионах.

С окончанием “холодной войны”, распадом Советского Союза и изменениями в стратегическом окружении начала происходить так же и трансформация американской стратегии сдерживания – от биполярного противостояния “холодной войны” в необходимость предотвращения военной угрозы со стороны широкого круга потенциальных врагов, варьирующихся от различных скоординированных транснациональных террористических групп и “государств-изгоев” до государств – равных соперников²⁻⁴.

В январе 2002 г. МО США представило в Конгресс “Обзор состояния ядерных сил”, в котором отражены результаты пересмотра военной политики по наиболее приоритетным и важным вопросам – действующей ядерной стратегии, состоянию стратегических ядерных сил и оперативных планов их использования в соответствии с курсом Военно-политического руководства (ВПР) США, направленным на фундаментальное реформирование всей военной организации страны, на трансформацию ВС в эффективные структуры и боевые силы для малопрогнозируемых геополитических и военно-стратегических условий XXI в.^{3,5}.

Кроме того, в новой военной стратегии, утвержденной в мае 2004 г., ядерные силы рассматриваются лишь как компонент, дополняющий обычные силы в реализации стратегической концепции сдерживания противника, в том числе обладающего ядерным оружием.

Новая ядерная стратегия предполагает, что, исходя из особенностей новых угроз, иными могут быть и средства сдерживания или военного противоборства в случае, если политика ядерного сдерживания не сработает. Официально декларируется, что при всей своей мощи ядерное оружие (ЯО) уже не может в полной мере обеспечить сдерживание и военную безопасность. Так, способность к ядерному сдерживанию сильного противника не гарантирует от поражения в конфликте со слабым противником. На практике это означает определенный пересмотр роли ядерных вооружений в качестве оружия сдерживания.

В современных условиях эксперты считают, что США, опираясь на свое экономическое и военное могущество, способны снизить акцент с опоры только на “ядерное устрашение” и возложить решение существующих и перспективных задач на весь военный потенциал страны в рамках реализации теории “всеобъемлющего сдерживания”. В этой связи предлагается существенно видоизменить структуру бывшей стратегической триады до новой триады стратегических сил (рис. 1), включив в ее состав обычные ударные средства, единую глобальную систему ПРО – ПВО и гибкую инфраструктуру, обеспечивающую быстрое наращивание возможностей оперативно развернутых ядерных сил. Кроме того, в дополнение к ЯО, в качестве оружия сдерживания рассматриваются и высокоточные обычные средства поражения (ОСП), сопоставимые по эффективности с нестратегическим ЯО сверхмалой и даже малой мощности^{1,4}.

Эффективное использование новой триады стратегических сил, сочетающей наступательные и оборонительные возможности, будет опираться на современную систему боевого управления, информационно-разведывательное обеспечение и адаптивное планирование использования ее группировок сил. Такое сочетание сил и средств, по американским оценкам, позволит более гибко и оперативно противодействовать широкому спектру неопределенных угроз в XXI в. и обеспечит гораздо большую возможность в разрешении возможных конфликтов и кризисов.

Тем не менее, возобновление в США (с октября 2003 г.) исследований по созданию проникающих ядерных боеприпасов (ЯБП) сверхмалой и малой (менее 5 кт) мощности свидетельствует о том, что Соединенные Штаты стремятся к расширению функций ядерного оружия, вернув ему роль реального средства ведения войны. Концепция применения ЯО малой мощности для поражения заглубленных объектов с минимизацией радиоактивного заражения местности хорошо вписывается в современные доктринальные взгляды американского военно-политического руководства, ориентирующие на упреждающее применение средств вооруженной борьбы, в том числе ядерных, против любого государства, в отношении которого у США возникает уверенность (или даже подозрение) в применении ОМП против США или их союзников.

Вопрос о пополнении ядерного арсенала США такими новыми ЯБП еще окончательно не решен, но шаги в этом направлении в Конгрессе США уже предприняты. Так, при обсуждении военного бюджета на 2004 финансовый год был снят установленный в 1994г. Конгрессом запрет на проведение исследований ЯО малой мощности – отменена часть т.н. поправки Спратта-Фюрса (часть поправки, предусматривающая запрет на проведение конструкторских разработок такого ЯО пока сохранена). Это открыло возможность для проведения исследований по проникающему ЯБП малой мощности. Пока речь идет о выделении скромных сумм (порядка 10–20 млн. долл. в год), и вопрос о целесообразности создания таких ЯБП окончательно не решен, но факт пересмотра Конгрессом действовавшей в течение десяти лет поправки показателен.

В дополнение к этому, в настоящее время министерство энергетики США принимает меры к воссозданию сокращенных в начале 90-х годов конструкторских коллективов в национальных ядерных лабораториях.

В соответствии с новыми стратегическими установками США предусматривают внезапное и упреждающее применение военной силы, в том числе и ЯО.

Следует отметить, что отдается предпочтение внезапному и упреждающему применению, прежде всего, неядерных ударных сил для ограничения сопутствующего ущерба и сдерживания эскалации конфликта. ЯО предполагается применять против целей, способных противостоять неядерным средствам либо в ответ на применение противником оружия массового поражения (ОМП).

Количественный состав ядерных сил (как стратегических, так и нестратегических) считается необходимым поддерживать на уровне, достаточном для противостояния любому государству.

Конечная цель этого процесса, как нам представляется, – сделать ядерное оружие США реально применимым в условиях, которые ВПР США для этого сочтет приемлемыми.

Примечание

¹ Корсаков Г.Б. Политика США в области неядерных высокоточных вооружений // США – Канада (экономика – политика – культура). 2003. № 8.

² Волфстел Дж. Ядерная политика США и будущее контроля над вооружениями // Ядерный контроль. 2003. № 1.

³ Иванов И. Новая ядерная стратегия США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 2.

⁴ Краснов А. Эволюция стратегии “ядерного сдерживания” США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 11.

⁵ Медведев В.И., Сосновский М.Е. Подход США к вопросу о темпах сокращения стратегического наступательного потенциала. М.: ИСС Минатома, 2003.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВЕДКИ США

М.Дундуков,

кандидат юридических наук,
доцент

Традиционные задачи американской разведки

Если подходить к задачам разведки с точки зрения анализа её функциональных задач, то бесспорно основной и доминирующей задачей всех разведывательных служб США является сбор и добывание первичной разведывательной информации и получение на ее основе аналитических оценок и заключений. Эту задачу в той или иной мере решают практически все члены разведывательного сообщества США.

Вся деятельность, осуществляемая американской разведкой в рамках решения данной задачи, в зависимости от способа добывания разведывательной информации, подразделяется в США на следующие четыре вида разведывательной деятельности:

1. Разведку, осуществляемую при помощи физических лиц;
2. Разведку на каналах связи и каналах передачи информации;
3. Аэрокосмическую разведку;
4. Научно-техническую разведку.

Под разведкой с использованием “человеческого фактора” – (Human Intelligence или HUMINT), в США обычно подразумевается деятельность разведки, основанная на получении разведывательной информации от физических лиц. При этом, однако, следует отметить, что четкого представления о том, каким образом следует определять границы подобной деятельности, в Соединенных Штатах до сих пор не сформировалось. Поэтому в различных правовых и политических документах используют самые различные трактовки термина “Human Intelligence”.

Как правило, “разведку с использованием человеческого фактора” в США определяют как деятельность, связанную с добываем разведывательной информации от лиц, сознательно и тайно сотрудничающих с разведкой (агентурную разведку), а также деятельность, основывающуюся на сборе разведывательной информации из открытых источников. Однако, в ряде случаев можно встретить более узкие (сводящие “HUMINT” лишь к агентурной разведке) или более широкие трактовки термина “Human Intelligence”. Например, Оперативный директорат ЦРУ относит к “HUMINT” не только ту информацию, которая была приобретена разведкой при помощи физических лиц, но и разведывательную информацию, добываемую при помощи ряда традиционных средств технической разведки.

Еще неоднозначнее трактуется термин “Human Intelligence” созданной в 1995 г. парламентско-правительственной комиссией по исследованию роли и потенциала разведывательного сообщества (более известной как Комиссия Аспина-Брауна). В одном из приложений к итоговому отчету комиссии за рамки “разведки с использованием человеческого фактора” фактически была выведена разведывательная деятельность, связанная со сбором информации из открытых источников. Однако, в разделе “Военная разведка” говорится как раз о том, что органы военной разведки, осуществляя “разведку с использованием человеческого фактора”, ведут помимо прочего сбор разведывательной информации из открытых источников через систему военных атташе.

В рамках “Human Intelligence” в США часто выделяют два самостоятельных вида разведывательной деятельности: разведку с использованием открытых источников (Open Source Intelligence или OSINT) и агентурную разведку (Clandestine Human Intelligence). Основными ведомствами, осуществляющими в разведывательном сообществе “разведку с использованием человеческого фактора”, являются Центральное разведывательное управление и Служба агентурной разведки министерства обороны (Defense Human Intelligence Service), подчиненная РУМО.

Разведка на каналах связи и каналах передачи информации (Signal Intelligence) предполагает перехват информации, передаваемой по линиям связи и линиям передачи данных, использующих как средства проводной связи, так различные трансляционные станции, работающие в различных диапазонах электромагнитных излучений. Ведущим ведомством, осуществляющим разведку на каналах связи и каналах передачи информации, является Агентство национальной безопасности США. Помимо АНБ, разведывательную деятельность на каналах связи и каналах передачи информации осуществляют ЦРУ и разведывательные службы министерств сухопутных сил, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Совокупность разведывательных органов, осуществляющих разведывательную деятельность на информационных каналах, образует так называемую Систему разведки на каналах связи и каналах передачи информации Соединенных Штатов (United States Signal Intelligence System).

Аэрокосмическая разведка (Imagery Intelligence) в США – это разведывательная деятельность, направленная на получение фотографических изображений различных участков земной поверхности (оптических, радарных или ультрафиолетовых) при помощи систем наземного, воздушного или космического базирования. Координацию аэрокосмической разведки в рамках разведывательного сообщества осуществляет Национальное управление фотографической разведки и картографии, являющееся ведущим органом Соединенных Штатов по ведению аэрокосмической разведки. Основными потребителями информации, получаемой аэрокосмической разведкой, выступают разведывательное сообщество США, министерство обороны США, СНБ, другие федеральные министерства и ведомства.

Под научно-технической разведкой (Measurement and Signature Intelligence) подразумевается разведка, основанная на сборе информации о различных физических явлениях и процессах, которые характеризуют некоторые события, такие как осуществление ядерного взрыва. Подобная информация может собираться как стационарными станциями, расположенными на территории США или на территориях союзных государств, так и при помощи мобильных технических средств непосредственно на территории государства, в отношении которого проводится разведывательная деятельность.

Основными ведомствами, осуществляющими научно-техническую разведку, выступают Разведывательное управление министерства обороны и разведывательные службы министерств армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Общее управление научно-технической разведкой в рамках разведывательного сообщества осуществляет Центральная служба научно-технической разведки РУМО (Defense Intelligence Agency's Central Measurement and Signature Intelligence Office). В рамках разведывательного сообщества Центральная служба научно-технической разведки определяет задачи всех подразделений, осуществляющих научно-техническую разведку и следит за соответствием решаемых задач общенациональным потребностям в данных научно-технической разведки¹.

Основные направления деятельности американской разведки при сборе и добывании разведывательной информации определяются с учетом запросов конкретных ее потребителей, которыми, в основном выступают различные федеральные министерства и ведомства. Потребители разведывательной информации направляют свои запросы в аппарат разведывательного сообщества, где проводится систематизация и обобщение потребностей различных ведомств в разведывательной информации. Запросы могут носить самый разнообразный характер. В целом запрос представляет собой информацию, которую ведомство не в состоянии получить обычным путем. В одних случаях, когда, например, запрашивается информация, которую можно получить из открытых источников, разведка удовлетворяет запрос быстро и без серьезных материальных затрат. В других случаях для удовлетворения запроса требуется задействование ресурсов всего разведсообщества и последующая серьезная аналитическая обработка полученной информации.

С учетом обобщенных потребностей определяются задачи каждой разведывательной службы по добыванию разведывательной информации.

Получаемая информация подвергается аналитической обработке, как правило аналитиками той же разведывательной службы, которой была получена информация.

После этого обработанная информация направляется конкретным потребителям разведывательной продукции и в аналитическую службу разведывательного сообщества. Потребители оценивают в какой степени полученная разведывательная информация удовлетворяет их нужды и, в случае необходимости запрашивают либо проведение дополнительной разведки, либо дополнительную аналитическую обработку уже полученной информации. Аналитики разведывательного сообщества обобщают разведывательные данные, добытые различными

разведывательными службами, а также комбинируют их с информацией, полученной из открытых источников с целью выработки общих разведывательных оценок и подготовки обобщенных разведывательных отчетов, направляемых политическому руководству Соединенных Штатов².

Первоначальную аналитическую обработку разведывательной информации в разведывательном сообществе США осуществляют ведомства, непосредственно ведущие разведывательную деятельность. В том случае, если не требуется более серьезной аналитической обработки информации, разведывательный продукт направляется к своему потребителю – федеральным министерствам и ведомствам (а в некоторых случаях и к частным организациям). Если существует необходимость более серьезной аналитической обработки полученной разведывательной информации, эту обработку осуществляют специализированные аналитические службы разведывательного сообщества.

Несколько особняком в разведывательном сообществе стоят такие ведомства, как ЦРУ и РУМО. Они не только осуществляют сами сбор разведывательной информации, но и самостоятельно на всех уровнях осуществляют аналитическую обработку полученной информации, поскольку наряду с другими подразделениями, осуществляющими сбор и добывание разведывательной информации они располагают мощнейшими подразделениями аналитической обработки информации.

Кроме этого их аналитические службы объединяют информацию, полученную различными членами разведывательного сообщества, с собственными результатами разведки и с информацией, получаемой из открытых источников и на основе всей полученной информации готовят аналитические заключения, доклады, оценивают важность полученной информации. Подобные обобщенные аналитические заключения обычно даются по вопросам долговременных интересов Соединенных Штатов, отраженных в разведывательных оценках США и охватывают глобальную проблематику. Также обобщенные аналитические отчеты подготавливаются по поводу чрезвычайных событий, требующих принятия немедленных политических решений.

В отличие от сбора разведывательной информации, управление аналитической обработкой разведывательной информации в разведывательном сообществе менее централизовано. В то время как сбор разведывательной информации координируется и направляется директором центральной разведки при помощи межведомственного комитета, аналитическая работа в разведывательных службах сообщества, располагающих собственными аналитическими подразделениями, осуществляется децентрализованно. Как правило информация, прошедшая аналитическую обработку в одном ведомстве поступает и в другие ведомства, имеющие аналитические подразделения. Однако подобный обмен аналитической информацией осуществляется, в основном, на полуофициальном межведомственном уровне и практически не координируется со стороны директора центральной разведки и его аппарата.

В рамках министерства обороны аналитическая обработка разведывательной информации построена несколько иным образом. РУМО, являющееся основным аналитическим подразделением министерства обороны, оказывает активное воздействие на аналитический процесс в других разведывательных службах министерства обороны, в частности в отдельных оборонных министерствах (армии, флота и военно-воздушных сил) и в объединенных командованиях. Централизованная система аналитической обработки информации, при которой вся окончательная обработка разведывательных данных осуществляется РУМО, помогает военной разведке избегать дублирования и несогласованности в аналитическом процессе.

Задачи, решаемые разведкой США на современном этапе

На различных этапах своей эволюции государство, выполняя свойственные ему функции, решает различные задачи, привлекая для их решения государственные органы. Вполне естественно, что изменяющаяся жизнь, влияние научно-технического прогресса существенным образом меняют и задачи, стоящие перед государством. При появлении любой новой, нетрадиционной задачи, государство может либо учредить какие-то новые органы для ее решения – но подобный путь в итоге своем потенциально может привести к непомерному разрастанию государственного аппарата, – либо использовать для ее решения уже существующие органы, обладающие достаточным опытом, силами и потенциалом для решения подобной задачи.

Тот факт, что с начала 90-х годов потенциал разведывательных служб США был активно задействован для решения новых задач, возникших перед американским государством в последней четверти XX в., задач (по сути своей исторически не совсем типичных для разведки) говорит как

раз о том, что в ряде случаев именно разведывательные службы со свойственными им приемами и методами работы оказываются наиболее подготовленными для решения подобных задач.

Вполне логичным выглядит и то, что большинство новых задач, к решению которых в последние десятилетия XX века была привлечена в США разведка, так или иначе связаны с правоохранительной деятельностью. Хотя правоохранительная деятельность имеет принципиальные отличия от деятельности разведывательной как с точки зрения преследуемых целей, так и с точки зрения специфики самой деятельности, она, однако, также основывается на сборе и добывании разведывательной информации, необходимой для раскрытия преступных деяний.

Сталкиваясь же с сильным и организованным противником, не признающим национальных границ, правоохранительные органы США часто оказывались неспособны должным образом противостоять ему. Их юрисдикция (за некоторыми исключениями) ограничена лишь собственной территорией государства, а деятельность – жесткими процессуальными стандартами. Куда более эффективными в подобных ситуациях могут оказаться разведывательные службы, действующие преимущественно за пределами национальной территории и использующие в своей работе иные приемы и методы деятельности.

Например, сегодня вряд ли для кого-то уже является секретом, что в США разведка самым активным образом участвует в решении таких задач, как борьба с терроризмом, распространением наркотиков, организованной преступностью. Более того, участие разведки в решении подобных задач отнюдь уже давно никто не рассматривает как историческую случайность или национальную специфику Соединенных Штатов. Тенденцию ко все более активному использованию потенциала разведывательных служб для решения наиболее сложных задач в сфере правоохранительной деятельности нужно рассматривать как общеисторическую закономерность, которая с высокой долей вероятности будет повторяться (или уже повторяется) в национальной практике других государств.

Разведка в борьбе с терроризмом. Классическим примером того, как может государство эффективно использовать потенциал тех или иных своих органов для решения новых задач, является американский опыт использования разведывательных служб в борьбе с терроризмом. В понимании того, насколько допустимым и оправданным является использование разведки со свойственными ей приемами и методами деятельности в противодействии терроризму, США прошли долгий путь от почти полного отрицания целесообразности и полезности подобного “непрофильного” использования спецслужб, до признания разведки одним из ключевых и наиболее важных элементов всей антитеррористической системы США.

С точки зрения формализованного подхода можно утверждать, что американские разведывательные службы уже почти целое столетие участвуют в антитеррористической деятельности. Дело в том, что один из нынешних ведущих членов разведывательного сообщества, главный контрразведывательный орган страны Федеральное бюро расследований США, помимо своего членства в разведывательном сообществе является еще и ведущим федеральным правоохранительным ведомством в Соединенных Штатах. И именно как правоохранительный орган ФБР уже с начала XX в. осуществляло противодействие угрозе терроризма.

Например, в 1918–1919 гг. ФБР – тогда еще Бюро расследований министерства юстиции США – занималось расследованием взрывов в правительственных учреждениях³, совершенных одной из экстремистских организаций. В тридцатые годы, после принятия в 1932 г. конгрессом Закона Линдберга⁴, ФБР активно участвовало в расследовании преступлений, связанных с похищениями людей.

Однако, несмотря на достаточно солидный стаж участия в антитеррористической деятельности ФБР, говорить о том, что задача борьбы с терроризмом стала одной из значимых задач всей американской разведки можно лишь применительно к периоду не ранее начала 70-х годов. Именно в этот период американскую разведку стали активно привлекать к сбору разведывательной информации о международном терроризме.

Так, первый из исполнительных приказов по вопросам разведки – исполнительный приказ президента Форда № 11905 от 1976 г. обязал ЦРУ добывать информацию “о зарубежных аспектах международной террористической деятельности”. Уже через несколько лет, в исполнительном приказе президента Рейгана № 12333, изданном в 1981 г., задача борьбы с терроризмом определяется уже как одна из важных задач всего разведывательного сообщества США.

Вместе с тем, следует признать, что вплоть до окончания “холодной войны” участие разведывательных служб США в противодействии угрозе терроризма в основном являлось лишь

вспомогательной задачей и ограничивалось в основном лишь добыванием информации о международных террористических организациях. В полной мере одной из приоритетных задач разведки задача борьбы с терроризмом стала лишь в 90-е годы XX в.

Возрастание роли американских разведывательных служб в противодействии угрозе терроризма можно проследить на примере анализа американского законодательства 90-х годов XX в. До 90-х годов в американском законодательстве о разведке практически не упоминается о задачах разведки, касающихся противодействия терроризму. Однако, уже с начала 90-х годов в ежегодно принимаемых конгрессом законах о полномочиях разведки на следующий финансовый год проблеме участия разведывательных служб в борьбе с терроризмом уделяется все более существенное внимание. Значительно чаще стали упоминаться разведывательные службы и в законодательстве, непосредственно нацеленном на противодействие терроризму⁵.

Однако, несмотря на то, что степень участия разведывательных служб США в противодействии как внутреннему, так и международному терроризму постепенно увеличивалась на протяжении всего периода 90-х годов прошлого столетия, вплоть до осени 2001 г. деятельность разведки в сфере борьбы с терроризмом лишь формально можно было отнести к разряду приоритетных задач разведки. Фактически же для разведывательных служб США участие в противодействии терроризму, в полном соответствии с традициями предшествующей эпохи, являлось скорее дополнительной, нежели основной задачей.

Однако после того, как система обеспечения внутренней безопасности американского государства показала свою неспособность противодействовать террористическим акциям, с которыми Америка столкнулась в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., именно глобальное участие разведки в противодействии терроризму стало одним из краеугольных камней начавшейся в 2001 г. реформы системы обеспечения внутренней безопасности Соединенных Штатов.

Уже принятый в ноябре 2001 г. небезызвестный Закон о патриотизме США* среди множества инноваций предусматривал весьма существенное расширение полномочий разведывательных служб в сфере борьбы с терроризмом. Так, закон существенно расширил полномочия директора центральной разведки в сфере борьбы с терроризмом; определил в качестве приоритетных задач всех офицеров и служащих разведывательного сообщества сбор и добывание информации, касающейся личностей, местонахождения, финансирования, связей, потенциала, планов или намерений террористов или террористических организаций; установил обязанность высших руководителей разведки представлять конгрессу регулярные отчеты относительно деятельности разведывательного сообщества в сфере противодействия терроризму.

Одновременно с этим были внесены существенные изменения в Закон о наблюдении за иностранными разведками 1978 г., которые принципиально расширили полномочия спецслужб, касающиеся вопросов получения судебной и прокурорской санкции на осуществление прослушивания телефонных и иных переговоров, перехват электронных средств связи, проведение обысков. В среднем вдвое была увеличена продолжительность выдаваемых санкций.

Закон о патриотизме США внес изменения даже в определение самого термина “внешняя разведка”, включив в данное понятие не только информацию, добываемую разведывательными службами, и относящуюся к потенциалу, намерениям и деятельности иностранных организаций и граждан, но и ту информацию, которая относится к международной террористической деятельности. Тем самым окончательно, в законодательном порядке было определено, что противодействие терроризму (по крайней мере терроризму международному) уже по самому определению является в США деятельностью разведки. Следовательно после осени 2001 г. любая разведывательная служба Соединенных Штатов, решая задачи в сфере борьбы с терроризмом, по сути дела решает разведывательные задачи.

Примечательно, что использование потенциала разведки в интересах борьбы с терроризмом и обеспечения внутренней безопасности не ограничивается в США лишь непосредственным вовлечением членов разведывательного сообщества в антитеррористическую деятельность. Не менее активно свойственные разведке приемы и методы деятельности внедряются и в практику работы иных государственных органов, непосредственно не специализирующихся на разведывательной деятельности, а выполняющих скорее правоохранительные функции.

Например, вновь созданное на основании Закона о внутренней безопасности 2002 г. мощнейшее министерство внутренней безопасности уже с момента своего создания было наделено правом получать любую запрашиваемую разведывательную информацию из других федеральных ведомств и ведомств штатов, самостоятельно добывать необходимую разведывательную информацию, а также осуществлять полную аналитическую обработку всей полученной

информации. Активно используют приемы и методы разведывательной деятельности и многочисленные службы министерства юстиции США.

Разведка в борьбе с наркобизнесом и распространением наркотиков. Другой важной задачей, которую решают американские разведывательные службы в рамках оказания содействия правоохранительным органам США является борьба с распространением наркотиков и наркотрафиком. Как и вопросами противодействия терроризму, данной проблемой американская разведка начала заниматься с середины 70-х годов. Впервые задача борьбы с международным наркотрафиком как одна из значимых задач разведывательного сообщества США была сформулирована в 1976 г. исполнительным приказом № 119056. В последующем эта же задача была подтверждена и последующими исполнительными приказами по вопросам разведки в 1978 и 1981 г. Между тем следует отметить, что вплоть до начала 90-х годов участие разведки в противодействии наркобизнесу носило достаточно номинальный характер.

Как это отмечается например в докладе “Разведывательное сообщество в XXI в.”, подготовленном комитетом по разведке Палаты представителей конгресса, подобное нежелание политических властей активнее использовать разведку для решения ряда важных задач в сфере правоохранительной деятельности хотя и было обусловлено множеством обстоятельств, но в основе своей имело две основные причины.

Первая причина заключалась в том, что правоохранительные органы и разведывательные службы подчас находились в антагонистическом противоречии по отношению друг к другу. Они решали разноуровневые задачи, были наделены неравными полномочиями, различным образом добывали и использовали разведывательную информацию. Другой причиной являлось то, что уже имевшее место в годы “холодной войны” привлечение разведывательных служб к решению задач в сфере обеспечения внутренней безопасности привело к многочисленным нарушениям прав и свобод американских граждан⁷. В итоге ряд скандалов и последующих парламентских расследований деятельности спецслужб ударил по самим же спецслужбам и надолго оттолкнул их от стремления участвовать в решении задач в правоохранительной сфере.

Помимо названных двух причин, видимо, нельзя обойти вниманием и такую очевидную причину (напрямую не обозначенную в докладе конгресса) как военно-политическое, экономическое и идеологическое противостояние СССР и США времен “холодной войны”. Не секрет, что с обеих сторон именно разведка выступала в роли одного из ударных орудий этого противостояния. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что практически весь потенциал американской разведывательной системы вплоть до начала 90-х годов XX века был нацелен на решение главной и основной задачи – ослабление и подрыв Советского Союза и мировой системы социализма. Прочие задачи государства, в решении которых востребованным мог оказаться опыт разведки, до определенного момента оказались отодвинутыми на второй план.

Именно названные причины обусловили тот факт, что активно проблемой борьбы с наркобизнесом американская разведка занялась лишь в 90-е годы XX в. Причем, уже с 1990 г. борьба с распространением наркотиков начала финансироваться отдельной статьей в разведывательном бюджете США, а Администрация по борьбе с наркотиками министерства юстиции была включена в состав ведущих разведывательных служб США. Законом о полномочиях разведки на 1990 финансовый год на президента страны была возложена обязанность представить конгрессу доклад относительно того, как наиболее эффективно добываемая разведывательными службами информация о перевозке наркотиков может быть использована в интересах общенациональной деятельности по противодействию наркобизнесу и распространению наркотиков⁸.

В 1994 г. на основании Закона о выделении финансовых ассигнований министерству обороны на 1994 финансовый год в США был учрежден Национальный разведывательный центр по борьбе с наркотиками.

Центр стал структурным подразделением министерства юстиции и призван был действовать под управлением и контролем Генерального атторнея США. Вновь учрежденный центр стал своеобразным связующим звеном, призванным координировать и консолидировать деятельность разведывательного сообщества, направленную на борьбу с наркотиками, и аналогичную деятельность правоохранительных органов США. Первоначально финансирование центра осуществлялось из бюджета министерства обороны, однако с 1997 г. финансирование центра осуществляется из бюджета разведывательного сообщества США.

Учитывая специфику того потенциала, которым обладают в США разведывательные службы, естественным выглядит тот факт, что основные усилия разведывательного сообщества в сфере

борьбы с наркотиками направлены вовне страны. Подобная “специализация” разведки на данном направлении деятельности нашла свое отражение и в американском законодательстве. Например, в Законе о полномочиях разведки на 2003 финансовый год говорится не только о том, что перед разведывательным сообществом ставится задача оказания помощи правительству Колумбии в борьбе с наркобизнесом, но и определяются конкретные шаги, которые должны быть осуществлены разведкой в ходе решения данной задачи, а также определяется порядок контроля со стороны конгресса за указанной деятельностью американской разведки.

Разведка в борьбе с организованной преступностью. Говоря о задачах, которые американская разведка решает в рамках оказания содействия федеральным правоохранительным органам Соединенных Штатов, нельзя обойти вниманием такую сферу её деятельности, как участие в борьбе с организованной преступностью. Как и в случае борьбы с терроризмом, первым из членов разведывательного сообщества США к борьбе с организованной преступностью было привлечено Федеральное бюро расследований США, которое уже в силу своего двойственного статуса (ведущего правоохранительного органа страны и полноправного члена разведывательного сообщества) не могло остаться в стороне от этой насущной проблемы с неизбежностью встающей перед любым современным государством.

До конца 50-х годов XX в. проблема организованной преступности не рассматривалась в США в качестве важной государственной проблемы.

Во многом подобное несерьезное отношение федеральных государственных учреждений США к организованной преступности предопределялось популярностью в Соединенных Штатах весьма своеобразной теории Рэйли Купера, выдвинутой им в 1933 г. Согласно этой теории появление криминальных фигур национального масштаба есть следствие попустительства местных полицейских властей, которые не стремятся пресечь преступную деятельность отдельных лиц до того момента, пока они не совершат федерального преступления и ими вынуждено будет заняться ФБР.

Поскольку же сторонником подобной теории был и бессменный на протяжении почти полувека директор ФБР Джон Эдгар Гувер, ФБР также очень долго не обращало внимания на проблему организованной преступности.

По мнению Гувера, проблема организованной преступности сводилась к локальной проблеме полицейских служб отдельных штатов и ФБР не должно участвовать в этом более, чем предоставляя местным полицейским службам техническую помощь.

Тем не менее обстоятельства заставили Гувера пересмотреть свой подход к проблеме организованной преступности, когда 14 ноября 1957 г. сержант нью-йоркской полиции Эдгар Л.Кросвелл обнаружил конференцию более 60 мафиозных бонз в Апалачине, одном из пригородов Нью-Йорка. Возник вопрос, почему Гувер с его многочисленными источниками информации не имел никакого представления о сходах организованной преступности, подобных апалачинской.

В 1957 г. Комитет Сената по рэкету выдвинул идею о создании общенациональной комиссии по преступности.

В ответ на этот призыв министерство юстиции создало Специальную группу по организованной преступности. Вместо того, чтобы организовывать взаимодействие со вновь созданным подразделением министерства юстиции, Гувер разработал собственную программу, согласно которой всем территориальным подразделениям ФБР предписывалось составить список из десяти наиболее авторитетных фигур преступного мира для проведения в отношении них активных оперативно-технических мероприятий.

Специальную группу министерства юстиции Гувер назвал декоративным органом, призванным лишь имитировать реальную деятельность. Резко негативная реакция Гувера на создание Специальной группы способствовала ее скорому распаду в 1959 г.

Все же, несмотря на фактически принятые меры, Гувер так и не осознал важности борьбы с организованной преступностью. Лишь после принятия конгрессом в 1970 г. Закона об организованной преступности⁹, заложившего фундамент законодательной основы борьбы с организованной преступностью в США изменилось отношение к организованной преступности. Борьба с ней стала одним из приоритетных направлений деятельности ФБР.

Развитие современного законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью началось с принятия в 1988 г. Закона о дополнительных полномочиях министерства юстиции в сфере организованной преступности и наркобизнеса. Законодательство последних полутора десятилетий XX в. тесно связывает организованную преступность с такими ее проявлениями как международный терроризм, транспортировка наркотиков, распространение оружия массового

поражения и средств его доставки. Именно в таком контексте организованную преступность в Соединенных Штатах в 90-е годы стали рассматривать в качестве непосредственной угрозы национальной безопасности США.

В рамках всей деятельности по противодействию организованной преступности на долю разведывательного сообщества США приходится главным образом та её часть, которая осуществляется за пределами американской территории.

Тот факт, что именно на долю разведывательных служб приходится основная часть работы, направленной на противодействие международной организованной преступности неоднократно подчеркивался в докладах различных парламентских комиссий и комитетов, изучавших перспективы развития разведывательной системы США в начале XXI столетия.

Примечательно, что американское законодательство середины 90-х годов прошлого века не обошло своим вниманием и проблему организованной преступности на территории бывшего СССР.

Так в Законе о выделении финансовых ассигнований министерству обороны на 1997 финансовый год особо отмечается, что именно деятельность организованной преступности в странах бывшего СССР таит в себе повышенную угрозу распространения ядерного, радиологического, биологического и химического оружия.

Примечание

¹ Vector 21, A Strategic Plan for the Defense Intelligence Agency, Washington, 1996. P. 14.

² Intelligence Community in the 21st Century, Staff Study Permanent Select Committee on Intelligence, House of Representatives, 104th Congress. Chapter IV. Collection Synergy.

³ IN.Y. Times, Sept.5, 1918. P.1.

⁴ Act of June 22, 1932, ch. 271, 47 Stat. 326.

⁵ Antiterrorism and Effective Death Penalty Act of 1996. Pub. L. 104–132, title VIII, Subtitle A, Sec. 810, 110 Stat. 1312.

⁶ Executive Order № 11905, Sec.4(b)(3), Feb. 18, 1976. 41 Fed. Reg. 7703.

⁷ Cox Archibald Reflection upon Watergate. Brandies University. 1974, P.39.

⁸ Intelligence Organization Act of 1991, Oct. 24, 1992. Pub. L. 102–88. Sec.703.

⁹ Organized Crime Control Act of 1970. Pub. L. 91–452, Oct. 15, 1970, 84 Stat. 924.

* Полное название закона: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001.

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: “ТАЛАНТЫ” И ПОКЛОННИКИ

А.Хазанов,
доктор исторических наук, профессор
В.Ушаков,
доктор исторических наук

Войну с терроризмом можно считать третьей мировой войной. Первую мировую войну можно назвать окопной. Вторая мировая война, хотя и охватила огромные территории, все-таки имела очерченные границы поля боя.

Нынешняя война с международным терроризмом имеет ту особенность, что полем боя является весь мир. Терроризм стал глобальным явлением, его удары можно ожидать всюду и в любое время. В войне с ним тыла нет, вся Земля становится фронтом.

Нет такой пули, которая могла бы победить терроризм. Поэтому необходимо использовать весь комплекс мер в борьбе с этим злом.

В чём причины нынешнего бума “исламского терроризма”?

Некоторые теоретики (такие как Сэмюэл Хантингтон) видят в нынешнем противоборстве в мире сшибку или глобальное столкновение цивилизаций, войну между Демократией и Исламом и даже предрекают войну между Западом и остальным миром. Но такие утверждения в значительной мере перекликаются с мессианской риторикой Усамы Бен Ладена, который призывает именно к такой войне. Различие между террористами Бен Ладена и нищими и голодными жителями стран “третьего мира”, которых он пытается призвать к оружию – это различие между группировками исламских радикалов, чья идеология является отклонением от основ религии, от имени которой они действуют, и миллионами мужчин и женщин, главная забота которых – накормить своих детей.

Нынешнее противоборство в мире – это не столкновение цивилизаций, а диалектическое отражение тех противоречивых процессов, которые идут в быстро глобализирующемся мире. В числе этих причин нужно назвать и ошибки стратегов Запада, главная из которых состоит в том, что они считают свои духовные ценности универсальными, пригодными для всех народов. Но ведь мир состоит из народов и цивилизаций, имеющих разные системы ценностей. Мир был и остаётся полицивилизованным. Нет сомнения в том, что в мире и в прошлом и в настоящем было бы меньше насилия, если бы Запад научился уважать культурную уникальность других цивилизаций.

Нынешняя мировая война – это война за души и сердца людей. Самая большая надежда на обеспечение прочного и долговременного мира – это глубокое понимание тех культурных факторов, которые делают идею джихада притягательной для столь многих людей в исламском мире.

Давайте попробуем ответить на такой вопрос: что заставляет группы исламских радикалов чувствовать себя отчужденными от своих собственных правительств и от большинства человечества до такой степени, что они готовы пожертвовать своими жизнями ради осуществления своих идей. Что заставляет гораздо более многочисленные группы людей симпатизировать и поддерживать этих исламских радикалов и их войну террора?

В случае “Аль-Каиды” и нескольких других исламских террористических организаций можно назвать следующие основные факторы, порождающие недовольство десятков тысяч людей. Во-первых, правительства самых влиятельных мусульманских стран по своей природе авторитарные и недемократические. Во-вторых, правительства этих стран воспринимаются как светские или отступнические. В-третьих, эти государства воспринимаются как западные марионетки, сохраняющие власть благодаря поддержке “американских неверных”. В-четвертых, считается, что США руководствуются только своими эгоистическими стратегическими интересами, и, в-пятых, американскую культуру считают разложившейся и упадочнической. Как пишет американский исследователь Майкл Доран, исламские радикалы “рассматривают современную западную цивилизацию как источник зла, распространяющий идолопоклонство по

всему миру в форме секуляризма”¹. Они считают многих лидеров влиятельнейших мусульманских стран отступниками. По их мнению, “неисламское поведение этих лидеров показывает, что они служат безбожному Западу, точно также как когда-то мусульманские правители служили монголам”¹.

Активное вторжение ислама в мировую политику и политизация ислама начались, как известно, в 70-х годах XX в. Следует, видимо, ответить на вопрос: почему это случилось именно в это время, не раньше и не позже?

Как нам представляется, объяснение этого следует искать в исторических реалиях того времени. До 70-х годов существовала колониальная система, и социальный протест масс в странах Востока находил выражение в светском национализме и различных разновидностях социализма. К концу 70-х годов национализм потерял цель и смысл (колонии обрели независимость), а идеи социализма были скомпрометированы и потеряли былую привлекательность. В этих условиях социальный протест масс на Востоке нашел третий клапан или новую форму для своего выражения – политический ислам, активное вторжение ислама в мировую политику. Это особенно ярко проявилось в исламской революции в Иране.

Хотя фанатики “Аль-Каиды” – выразители ограниченного и узкого взгляда на ислам и составляют лишь ничтожное меньшинство мусульман, их призывы к борьбе с неверными находят понимание среди огромного числа мусульман, страдающих от нищеты, угнетения и бессилия в разных странах мира. Как пишет М.Доран, “Риторика Усамы бен Ладена, делящая мир на два лагеря – Умма (всемирная исламская община) и США и их марионеточные режимы, имеет глубокий резонанс, поскольку она на нескольких уровнях приспосабливается, если не к реалиям, то по меньшей мере к видимостям”¹. Бен Ладен и его сторонники сумели нажать моральный капитал на широко распространившемся чувстве отчуждения, чтобы достичь своих целей, поскольку сами режимы, которые они стремятся свергнуть, уступили этим фанатикам львиную долю институтов, формирующих культуру общества. Эти фанатики, не сумев захватить государственную власть, тем не менее преуспели в захвате сферы культуры и образования в мусульманских странах¹. Поэтому они имеют возможность отравлять моральным ядом своей человеконенавистнической философии подрастающие поколения.

Так, например, а Пакистане исламистские партии никогда не получали на всеобщих выборах больше 6% голосов. Они глубоко разделены личными амбициями, политическим оппортунизмом, региональной принадлежностью и идеологическими расхождениями. Тем не менее, несмотря на свою малочисленность, эти исламисты ухитряются оказывать большое политическое и идеологическое влияние, главным образом вследствие того, что кроме ислама Пакистан не имеет других цементирующих факторов в идеологической сфере, что могло бы сохранять целостность страны².

Многие аналитики, к сожалению рассматривают мир исключительно через призму политических, экономических и военных отношений, не уделяя внимания некоторым нюансам отношений между режимами и теми, кто контролирует культуру. Мартин Айндики, эксперт в администрации Клинтона по делам Востока, писал, что “администрация меньше обращала внимание (поскольку это казалось менее важным для интересов США) на изменения в давнем партнерстве между Саудитами и ваххабитской религиозной сектой, которая исповедует пуританскую и нетерпимую форму Ислама”³. По словам Айндики, “это партнерство уже имело своим результатом уступку контроля над социальной, религиозной и образовательной сферами ваххабитам в обмен на безусловное признание исламской легитимности королевской семьи”³.

Как известно, в 1979 г. внутривнутриполитическое положение в Иране резко обострилось после того, как промонархические и радикальные силы в ИРИ развязали “чёрный террор”.

Его первой “ласточкой” стало убийство близкого к имаму аятоллы Мортеза Мотаххари 1-го мая 1979 г. А 28 июня 1981 г. террористы взорвали штаб-квартиру Исламской республиканской партии в Тегеране. Там погибли Глава Временного президентского совета аятолла Мохаммад Бехешти и 70 других видных деятелей ИРИ. 30 августа того же 1981 г. было взорвано здание канцелярии премьер-министра, где погибли 8 высших руководителей ИРИ, в том числе президент Мохаммад Али Раджави и премьер-министр Джавад Бахонор⁴. Вскоре иранский терроризм стал смыкаться с арабо-мусульманским терроризмом. Так, в декабре 1988 г. в результате теракта над шотландским городком Локерби погибли 270 пассажиров. Следствие по этому делу выявило, что в этом теракте арабских исламистов активное участие приняли иранские террористы, которые заложили взрывчатку в магнитоле одного из пассажиров. Нелишне напомнить, что президент ИРИ

Хашеми-Рафсанджани в июле 1985 г. заявил: “Мы выступаем против терроризма, однако с симпатией относимся к борьбе угнетённых”. И вдруг в июне 1989 г. он круто поменял позицию и в порыве гнева призвал убивать по пять американцев, англичан и французов в отместку за гибель каждого палестинского боевика⁵.

Следует подчеркнуть, что представители около 100 мусульманских стран (всего в мире имеется более 190 независимых стран, из которых 124 – исламские), так или иначе принимали участие в террористических актах повсюду в мире. Возможно, эти данные нуждаются в перепроверке, но сам факт участия в терроре мусульман из многих стран уже о многом говорит.

Интересно заметить, что в своей монографии, изданной в 2003 г. “Внутри “Аль-Каиды” шотландский учёный Рухан Гунарат утверждает, что ядро самой “Аль-Каиды” состоит из всего одной тысячи интеллектуалов-исламистов 40 национальностей. Многие из них имеют высшее образование и даже ученые степени докторов наук. Сам Усама бен Ладен окончил университет в Джидде, стал инженером и специализировался в маркетинге. Он умеет обращаться с самой современной техникой, информационной технологией, спутниковой связью и интернетом. Его приказы исполняются быстро и неукоснительно, в считанные минуты он может связаться с любым абонентом, где бы он ни находился.

В июле 1982 г. в Ливане по американской указке правохристианские силы захватили четырёх иранских заложников, которых освободили лишь 22 года спустя в 2002 г. Кроме того, актом государственного терроризма США стал считаться сбитый в июле 1988 г. капитаном американского эсминца “Винсеннес” Роджером иранский пассажирский авиалайнер над Персидским заливом, когда погибли 298 пассажиров.

В 80-е годы Иран возродил средневековый обычай захватывать заложников из числа граждан стран Запада. К нему подключились криминальные элементы, и всё это превратилось в жесточайший терроризм. Запад даже попросил помощь у Ирана. И тот сумел при содействии Ливана, Палестины, Алжира и Йемена освободить только в 1991 г. этих несчастных людей⁶.

Имам Хомейни осудил на смертную казнь английского писателя Салмана Рушди. Фетва (исламское предписание) была опубликована в связи с обвинениями его за книгу “Сатанинские стихи”, где в аллегорической форме критиковался пророк Мухаммад и его жёны и приближенные. До сих пор Рушди скрывается в подполье.

В начале 80-х гг. Хомейни выдвинул свою концепцию об экспорте исламской революции главным образом вооруженным путем. Экспорт революции проводился в страны Персидского залива. И это был чистейшей воды терроризм. Имелось в виду, что наследственная монархия будет упразднена, что не будет больше персов, арабов, турок и т.д., а все будут только мусульманами и членами одной великой исламской уммы. Из Тегерана на места были назначены представители Хомейни в странах Залива, которые стали руководить работой иранских послов в этих странах. Другими словами, эти эмиссары со временем хотели заменить собой прежних королей, султанов и эмиров считая, что с независимостью этим странам придётся распрощаться. Первым в военных планах ИРИ значилось государство Бахрейн, вторым – Кувейт, третьим – Саудовская Аравия и т.д. Страны Залива, а за ними и большинство стран Запада, расценили этот курс как международный терроризм, осудили эту политику фанатичного старца и подвергли её острейшей критике. Что же касается, например, Саудовской Аравии, то она даже порвала дипломатические связи с Ираном.

Получив мощный отпор фактически от всего исламского мира, Хомейни был вынужден отказаться от военного характера экспорта исламской революции и поспешно переименовал свой прежний курс, представив его в качестве – экспорта исламской культурной революции, то есть согласился на так называемый экспорт иранской революции невоенным и мирным путём.

Помимо всего прочего, в 80-е годы терроризм под высоким покровительством Хомейни серьёзно укрепил свои позиции не только в Иране, но и в Ливане, Франции и некоторых других странах Запада. Так, в Ливане члены террористической организации “Хезболлах”, созданной ещё в мае 1979 г., совместно с местными ливанскими исламскими террористами взорвали в апреле 1982 г. посольство США в Бейруте, в результате чего было убито 63 человека. 23 октября 1983 г. в Бейруте террористы взорвали казарму американских морских пехотинцев, где погибло 241 солдат, а 11 января 1984 г. там же был убит президент американского университета.

В сентябре 1986 г. во Франции были осуществлены теракты в Париже, в результате имелись человеческие жертвы. В этих терактах и в беспорядках во французской столице активное участие, по некоторым данным, принимали иранцы, которые направлялись как из Ирана, так и из восточных регионов Германии под руководством министра безопасности ИРИ Фаллахияна. Дело дошло до того, что Франция разорвала на некоторое время дипломатические связи с ИРИ в том же 1986 г.

Нужно добавить, что в Германии открыто писали о подрывной деятельности в Кёльне иранских террористов и спецслужб ИРИ.

Таким образом, в конце XX в. Иран не только поддерживал терроризм как в самой ИРИ, так и в других зарубежных странах, но и сам стал наиболее активным участником террористических актов за рубежом. Другими словами, можно сделать вывод о том, что Иран во многом способствовал эволюции терроризма чисто местного, локального характера и подготовил его к переходу на более высокую ступень развития, достигнув порога международного масштаба. Конечно, это обстоятельство испортило международный имидж Ирана, которого многие стали опасаться.

Своего пика иранский терроризм, можно сказать, достиг во второй половине 90-х годов прошлого XX столетия. Выйдя на международную арену, подрывные террористические действия Ирана оказались под огнём жесточайшей критики со стороны ведущих государств Запада, в том числе и Америки, поскольку эти действия и теракты стали наносить чувствительные удары по безопасности на глобальном уровне и вынудили многие страны развернуть мощную систему антитерроризма, чтобы укрепить свою национальную безопасность на должном уровне.

Теракты при помощи иранских террористов и их заграничных подельников были совершены в 1992–1994 гг. в Аргентине, в Буэнос-Айресе, где было взорвано посольство Израиля, а позже и культурный центр Израиля. В результате этих терактов погибли 114 чел. Известно, что в начале XX столетия тысячи мусульман эмигрировали из стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе и из Ирана, в государства Латинской Америки, где они занялись в основном торговлей. Сейчас там проживает около 1,5 млн. мусульман⁸. Как сообщили спецслужбы ряда латиноамериканских стран, в самом сердце Южной Америки, были обнаружены исламские террористы из Хезболлах, Исламский джихад, египетской Аль-гамаа аль-Исламия, базы которых располагались на стыке трёх границ – Бразилии, Аргентины и Парагвая. Сообщалось, что их руководителем является некий член террористической организации “Хезболлах” – Ассад Ахмад Баракат. Стало известно также, что в некоторых странах Южной Америки, например в Бразилии “Хезболлах” была переименована в “Аль-Мокаваме”.

Вскоре 17 сентября 1992 г. в Берлине иранские террористы расстреляли четырёх курдских диссидентов, выступающих против режима мулл в Иране. Убийц арестовали. Начался суд, в ходе которого выяснилось, что заказчиками убийства были высшие деятели ИРИ: духовный лидер аятолла Али Хаменеи, президент Рафсанджани, министр иностранных дел А.Велаяти, военный министр и другие, которые входят в Высший совет по безопасности ИРИ. В 1997 г. состоялся суд. Выяснившиеся факты были настолько позорны, что ряд стран прервали дипломатические связи с Ираном и прежде всего с Германией.

В середине 90-х годов спецслужбы ИРИ попытались наладить прямые контакты (конечно секретным образом) с американским штатом Калифорния, где проживают эмигранты из Ирана, которых насчитывается около 2,5 млн. чел. Спецслужбы ИРИ сумели за большую взятку получить разрешение на дооборудование и расширение в мексиканском городке Тихуане аэродрома, который мог бы принимать тяжелые самолёты из Тегерана. А там рядом – граница с Мексикой, проникнуть куда не составляло большого труда. Там иранские спецслужбы запросто смогли бы взять под свой контроль и иранскую общину в Калифорнии. Но дело сорвалось. Когда американцы узнали про всё это, местные власти в Мексике отказались от сотрудничества с Ираном.

Примерно в то же время, в 1993 г. иранские спецслужбы вкупе с террористами сумели установить связи с Ирландской республиканской партией (ИРА), находившейся в оппозиции официальному Лондону. Руководство ИРА наладило тесное военное сотрудничество с ИРИ, куда даже посылались боевики, проходившие стажировку в лагерях под Тегераном, в Афганистане, Судане и т.д. Иран снабжал их оружием и деньгами. Когда это вскрылось, то разразился грандиозный скандал.

Серьёзно активизировались алжирские террористы из правого крыла Исламской вооруженной группы (ВИГ), которые бежали из Алжира во Францию. Их дерзость дошла до такой степени, что руководство ВИГ бросило вызов самому президенту Жаку Шираку, призывая его принять ислам и тогда де Франция будет счастлива и довольна⁹.

Примерно в это же время, 15 июня 1996 г. в Дахране (Саудовская Аравия) имел место теракт, где погибли 19 морских пехотинцев США. Выяснилось, что в нём приняли участие иранские террористы. Спецслужбы Эр-Рияда даже предлагали США примерно наказать Иран, но тот всё отрицал. И дело сошло на нет.

Важным событием 1997 г. стало решение президента ИРИ М.Хатами осудить терроризм и

начать с ним решительную борьбу. Однако лидер ИРИ Али Хаменеи сохранял верность идеям терроризма и тайно поддерживал связи с террористами. Так что на деле никакой борьбы против терроризма не было и нет. Более того, когда талибы бежали из Афганистана в Иран, то там их (хоть и скрытно) приветствовал Али Хаменеи¹⁰.

Удары по Америке 11 сентября 2001 г. вызвали неоднозначную реакцию в Иране. И если многие осуждали этот акт, то другие были рады, что “зазнавшимся” янки “дали полезный урок”. Хатами искренне сочувствовал народу США, а Али Хаменеи не удосужился последовать примеру своего президента.

Стоит напомнить, что бен Ладен в 80-е годы отправился воевать в Афганистан против “неверных” и коммунистов. Там он не только работал по своей специальности инженера-строителя, но и принимал, как отмечает в своей книге Кармен бен Ладен, участие в рукопашных схватках с безбожниками из СССР¹¹.

Не забывал Усама и свои собственные интересы. Так, он установил связи с иранскими спецслужбами в Афганистане и сумел выгодно продать им кое-какое оружие из американских запасов. Говорят, что таким образом он удвоил и даже утроил свой начальный капитал. Там в Афганистане ему присвоили почётное звание – “моджахед”, чем он безмерно гордился.

Вернувшись в Эр-Рияд, Усама серьёзно повздорил с королём Фахдом и был выслан в Судан. Там его ждали тысячи его сторонников, а его резиденцию окружили для охраны танками. Там он свёл знакомство с известным исламским и политическим деятелем Хасаном ат Тураби. В Хартуме он возобновил связи с иранскими террористами и спецслужбами. Американцы добились его высылки из Судана. И он переехал в Афганистан. Там его тепло встретил лидер талибов мулла М.Омар. Он присвоил ему афганское подданство и назначил главнокомандующим всеми вооружёнными силами Исламского Афганского Государства (ИГА).

Кроме того, он лихорадочно пытался заполучить оружие массового поражения, в том числе химическое, биологическое и атомное, вынашивая грандиозные планы создания при его помощи Великого Халифата.

В этом ему, по некоторым сведениям, как это ни парадоксально, пытался оказать помощь Киев, оттуда в Кандагар были посланы специалисты-ядерщики, которые намеревались за большие деньги снабдить террориста номер один, компактным атомным зарядом в виде некоего “ядерного чемоданчика”¹². Неизвестно, был тогда президент Украины Кучма поставлен об этом факте в известность или нет?!

Будучи в Афганистане, Усама не терял связи с Тегераном. Он, как говорят, побывал в Иране на секретных совещаниях высшего руководства ИРИ по разведке в 1998 г. Был он в Тегеране на таком же совещании и в 2000 г. Он был там и в третий раз, но до сих пор неизвестно когда. И тем не менее он несколько раз звонил по мобильнику в Тегеран.

Таким образом, Хатами со второй половины 90-х годов создавал видимость борьбы с терроризмом, а Али Хаменеи поддерживал связи не только с международным терроризмом, но и самим Усамой бен Ладеном.

Говоря о перспективах терроризма в мире, эксперты Национального совета по разведке (НСР) Америки считают, что число и характер ключевых факторов, порождающих мировой терроризм, не изменятся в ближайшие 15–20 лет. Произойдет трансмутация терроризма. К 2020 г. мировой терроризм, видимо, будет представлять собой эклектичное множество группировок, ячеек, и отдельных боевиков. Они, боевики, будут получать инструкции, технологии и деньги для проведения терактов при помощи интернета и других электронных систем будущего.

Уместно заметить, что американская телекомпания СНН совместно с еженедельником “Тайм” по случаю 25 летия своей деятельности составила списки 25 самых видных и удивительных личностей нынешнего мира за последние 25 лет. Так вот, если 1 место в нём досталось Рональду Рейгану, 2 – Папе Римскому Иоанну Павлу II, то 3 досталось – аятолле Р.М.Хомейни. 4 место – Дж.Бушу младшему, а ⁷, но далеко не последнее – международному террористу Усаме бен Ладену.

У “талантов” международного терроризма нет недостатков в поклонниках!

Примечание

¹ Doran M. Somebody Else’s Civil war-in “How did this happen: Terrorism and the New War”.

V.2001. PP.36, 41, 48, 51.

² Lieven A. The Pressures on Pakistan-“Foreign Affairs”. 2002. 106. P. 108.

³ Indyk M. Back to the Bazaar-“Foreign Affairs, 2002, 106, p. 81.

⁴ Агаев С.Л. Рождение республики. М., 1984, с. 149; Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи. М., 1987. С. 128–140.

⁵ Иомиури (Токио) 4 VIII 1985; Правда 9 VII 1989; Гардиан 8 IV 1991 (на англ. яз.).

⁶ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 486–488; Известия II IV, 1991; Кейхан 6.V.1991.

⁷ Хомейни Р. Велаят-е факих. (Б. м., б. г. на перс. яз.); “Исламский фактор” в международных отношениях в Азии. М., 1987. С. 124–140.

⁸ Матар Н. Знакомтесь ислам! София, 1997. С. 155.

⁹ Бабкин С.Э. Религиозный экстремизм в Алжире. М., 2001.

¹⁰ Заявление Его превосходительства г-на С.М.Хатами, президента ИРИ на 53-ей сессии ГА ООН 21 сентября 1998, Нью-Йорк, 1998. С. 1–10.

¹¹ Кармен бен Ладен. В мрачном королевстве. Моя жизнь в Саудовской Аравии. М., 2005.

¹² Ткачёв М. Наша борьба или Повстанческая армия имама. Киев, 1998; Водворд Б. Тайные войны ЦРУ. Вашингтон – Нью-Йорк, 2000; Джемаль Исмаил. Осама. Лондон. (Перевод с араб.). 2002 .

* У Кучмы было много секретов, по некоторым непроверенным данным в глубоком секрете хранились и тайны, связанные с приездом в Кандагар или по его указке, украинских специалистов-атомщиков. В то время США ещё продолжали некое сотрудничество с бен Ладеном и украинцы вполне могли приехать в Кандагар. Однако, как только Вашингтон поссорился с Усамой, эти таинственные спецы тихо и без шума покинули Кандагар.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

БЕСПИЛОТНАЯ АВИАЦИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Разработка и использование БЛА в США и странах НАТО

О.Лисов,
капитан 1 ранга

С завершением второй войны в Персидском Заливе коалиционных сил под руководством США против Ирака, средства массовой информации (СМИ) весьма активно начали обсуждать проблему значения и роли в войнах (особенно в будущих) беспилотных летательных аппаратов (БЛА). И это вполне объяснимо, так как опыт всех последних военных конфликтов (Афганистан, Югославия, Персидский Залив – 1 и 2), показал, что в скоротечной обстановке боя беспилотники могут более эффективно и оперативнее, чем пилотируемые самолеты и вертолеты, решать задачи ведения стратегической и тактической воздушной разведки и радиоэлектронной борьбы, целеуказания, осуществлять корректировку огня, боевого управления и связи, вести метеорологическую, радиационную, химическую и бактериологическую разведку без риска для летного состава. Следует также отметить, что все перечисленные выше задачи могут решаться в интересах всех звеньев управления от командира роты, бригады до самого высшего командования. Подтверждением сказанного является особая заинтересованность руководства многих стран Запада в разработке и приобретении таких средств. Так, более чем в 50 государствах мира разработано на сегодняшний день более 250 моделей беспилотных летательных аппаратов разного типа и назначения. В каждом из этих государств в боевой эксплуатации уже сейчас находится около 80 беспилотников.

Основными разработчиками БЛА, безусловно, являются США, у которых имеется большой опыт их применения в предыдущих войнах. По оценкам многих зарубежных специалистов и военного руководства США, к 2015–2020 гг. до трети мирового авиапарка военной авиации в передовых европейских странах будет беспилотным, выполняя те же функции, что и пилотируемая авиация – ведение воздушного боя, проведение разведывательно-ударных воздушных операций и ряд других специальных операций.

По принятой в США классификации все БЛА многоразового применения подразделяются на четыре класса: ближнего действия (БД), малой, средней дальности (МД и СД) и большой продолжительностью полета (БПП). При этом каждое звено управления (батальон, бригада и т.д.) должно использовать только определенный класс аппарата. В частности, к первому классу относятся аппараты с радиусом действия менее 80 км и продолжительности полета от 1 до 6 часов, которые могут передать полученную информацию в пределах 1 мин. БЛА малой и средней дальности осуществляют свои операции в пределах 300–700 км с большим временем барражирования над местностью от 2 до 8 час. Беспилотники большой продолжительности полета должны находиться в воздухе свыше 24 час., иметь неограниченный радиус действия и передавать высшему руководству весь объем разведывательной информации с помощью радиотехнической, видовой и других систем разведки.

По своему назначению и решаемым задачам все беспилотные летательные аппараты подразделяются: на чисто разведывательные, ударно-разведывательные, корректировочно-разведывательные и специального назначения. Первые из них предназначены для ведения тактической разведки непосредственно на поле боя и передачи данных непосредственно командиру, ведущему бой. БЛА большой продолжительности полета осуществляют стратегическую разведку.

Другой тип беспилотников осуществляя разведку, по команде оператора может уничтожить бортовым оружием наиболее важный объект на своем пути следования, такой как радиотехническая станция, узел связи и т.п. Эти аппараты пока находятся в стадии разработки.

Корректировочно-разведывательные БЛА одновременно с разведкой могут осуществлять корректировку огня своей артиллерии и наведение ракет на цели противника.

Все большее значение в последние годы приобретают беспилотники специального назначения, которые в состоянии осуществлять ряд весьма специфических, но необходимых задач, таких как поиск и обнаружение военных баз террористов, наблюдение и поиск кокаиновых плантаций, охрану своих военных баз и границ, постановку различных датчиков, розыск сбитых и упавших самолетов и вертолетов и ряд других весьма специфических народнохозяйственных задач (наблюдение за состоянием электро-, газо-, нефтепроводов, патрулирование в приморских экономических зонах, борьбе с наркотиками и нелегальной эмиграцией).

На всех беспилотниках обязательно устанавливается специальный стандартный комплект бортового радиоэлектронного оборудования: электронный компас, высотомер, приемник навигационной глобальной системы, которые обеспечивают автоматический полет по запрограммированному маршруту или управление оператором. В качестве разведывательной аппаратуры устанавливаются цветные разнофокусные телекамеры, устройства цифровой видеозаписи, телевизор или ИК-датчики (инфракрасные), специальная аппаратура обнаружения радиоактивных, химических и бактериологических веществ, а также система связи, управления и передачи получаемой информации в центр управления. Такая аппаратура все видит и днем и ночью, фиксирует и не зная границ передает все это через спутник связи или непосредственно оператору в реальном масштабе времени. Однако разработка такой малогабаритной и весьма чувствительно техники – сложная и весьма дорогостоящая задача.

Опыт боевого применения БЛА в последних военных конфликтах обнажил и многие недостатки таких автономных устройств, в частности, сложность управления в боевой обстановке, значительные размеры большей части используемой аппаратуры, частый выход из строя как самого летательного аппарата, так и разведывательной аппаратуры, необходимость специальной подготовки операторов, а также организацию взаимодействия всех типов используемых в операциях беспилотников с системой управления и передачи информации.

В этой связи управление перспективных исследований МО США (DARPA) перед рядом НИИ и фирмами-разработчиками поставило ряд конкретных задач, решение которых позволит устранить отмеченные недостатки. Для этого, как считают специалисты DARPA, необходимо разработать ряд новых технологий, к которым относятся: перспективная аэродинамика, создание маломощных систем навигации, связи, обработки данных, технология разработки уникальных датчиков, управляемость и устойчивость летательных аппаратов, разработка новых материалов и ряд других.

Изучая проблему войн будущего, военные теоретики приходят к выводу, что общими признаками войн XXI в. будут: ожесточенность борьбы сторон за захват инициативы и господство в воздухе и космосе, наличие постоянной угрозы нанесения противником внезапных ударов, высокая динамичность обстановки, ожесточенная информационно-психологическая борьба.

Не исследованными остаются пока такие формы вооруженного противоборства как бесконтактные (или дистанционные) войны с терроризмом и ряд других. Они накладывают определенные требования к созданию перспективных БЛА. При этом выдвигаются различные концепции разработки БЛА будущего.

Концепции разработки БЛА

Одним из приоритетных направлений остается разработка разведывательных аппаратов, которые должны обеспечивать ведение глобального всепогодного наблюдения за потенциальным противником, а также контроль за результатами “глубоких ударов” по нему.

Особое внимание при этом в США уделяется разработке таких разведывательных БЛА, которые могли бы производить радиационную, химическую и биологическую разведку и предупреждать о применении противником этих видов оружия. Американскими специалистами уже разработана специальная аппаратура для этого “Safeguard”. Она должна обнаруживать наличие в воздухе отравляющих веществ (ОВ) или определять наличие этих ОВ на местности. Эта аппаратура уже много лет проходит всесторонние испытания на БЛА “Hunter”. С помощью инфракрасной системы линейного сканирования и инфракрасного спектрометра быстрого сканирования и температурной стабилизации проведено несколько сотен испытаний. Продолжаются работы по уменьшению габаритов применяемой аппаратуры, повышению чувствительности и эффективности приборов.

БЛА разведывательного назначения должны стать основным средством вскрытия главных объектов (целей) на местности – важных военно-экономических центров, электростанций,

промышленных центров, скоплений бронетанковой техники и т.п.

Другим приоритетом в будущих “сражениях” является создание боевых БЛА, которые сначала производили бы разведку, выбирали цель, а потом подавляли (уничтожали) основные, объекты противника (ПВО, командные пункты, мосты и др.) оружием, имеющимся на их борту.

Третьим важным направлением является создание беспилотников, специально предназначенных для ведения радиоэлектронной борьбы и радиоэлектронного подавления. По мнению аналитиков, использование БЛА в таком варианте наиболее целесообразно в информационно-психологической борьбе, когда необходимо как можно быстрее нанести противнику максимальный информационный ущерб, заставить замолчать его средства массовой информации.

Четвертым направлением является участие БЛА в борьбе с системой ПВО противника, особенно многоэшелонированной. Решающим фактором неуязвимости беспилотников в этой борьбе является их малозаметность и малозумность, особенно, в оптическом, инфракрасном и других диапазонах электромагнитного спектра.

Пятым направлением и весьма важным, являются работы по совершенствованию пунктов управления беспилотниками и наделение их новыми возможностями. Ожидается, что в будущем беспилотники будут оборудованы компьютерными системами с искусственным интеллектом, что позволит им без вмешательства оператора (при потере связи с ним) вести разведку, применять средства поражения и осуществлять самостоятельно другие действия.

Но это пока не очень далекое будущее.

Определяя место беспилотных летательных аппаратов в общей авиационной группировке будущих войн, западные аналитики считают, что в обозримом будущем будут активно развиваться и широко применяться как пилотируемые так и беспилотные средства, дополняя друг друга в разумном сочетании своих возможностей. При этом отмечается, что чем опаснее будет обстановка и больше степень риска для летных экипажей, тем острее будет ощущаться необходимость использования беспилотных летательных аппаратов. Однако не откладывая в дальний ящик решение этой проблемы, военное руководство США уже в этом году (2005 г) выделяет 2–3 млрд. долл. на дальнейшие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИР и ОКР), испытания и закупку беспилотников для всех видов ВС. В частности, уже сейчас в ВС США находится на вооружении более 160 единиц БЛА типа “Pointer”.

Особое внимание в последние годы уделяется созданию мини и макро моделей БЛА, которых пока мало, но считается, что им в разведывательной сфере принадлежит будущее.

К таким аппаратам предъявляются особые требования, а именно:

- возможно минимальный размер;
- простота запуска, возможно с рук, а также возвращение и управление полетом;
- простота получения информации;
- возможно минимальный и не очень квалифицированный обслуживающий персонал.

В качестве примера можно привести БЛА “Рейвен” массой 2,3 кг, который запускается вручную, приземляется на фюзеляж и рассчитан на 200 полетов. В состав каждой разведывательной группы входят 2 беспилотника “Рейвен” и аппаратура управления весом ~ 8 кг. Все имущество группы переносится одним человеком в специальном контейнере. Министерство обороны США заинтересовалось этими БЛА и заказало 10 комплектов для проведения испытаний в 101 воздушно-десантной дивизии. При положительных результатах эта разведывательная система будет принята на вооружение и будет закуплено более 100 комплектов беспилотников.

Определенный технический и тактический интерес представляет мини БЛА i – Wing, выпускаемый в последние годы, малой серией компанией Jordan Aerospace Industries (JAI). Два человека без особого труда в кейсе могут транспортировать этот БЛА в любое место применения. Запуск осуществляется с плеча, с помощью малого реактивного двигателя. Сразу после старта “открываются” сложенные в корпусе крылья и хвостовое оперение. После достижения 100 м высоты у БЛА отстреливается стартовый двигатель и автоматически включается электромотор, с помощью которого этот аппарат осуществляет разведку на удаление до 10 км от места взлета (размах крыла 1,25 м, длина < 1,0 м, телекамера).

Важной особенностью разработанного БЛА является его возможность подвешиваться и запускаться из-под более крупного беспилотника или из-под самолета или вертолета.

Таким образом, приведенный перечень мероприятий, связанных с разработкой, испытанием, закупками и значительными выделяемыми средствами еще раз подтверждают важность проблемы и ее перспективность для ведения будущих войн.

Военно-политическое руководство РФ хорошо понимает роль беспилотных летательных аппаратов в войнах будущего, их значение в развитии авиации и уже много лет (с 1956 г) занимается разработкой и изготовлением национальных беспилотников.

В ОКБ им. А.С.Яковлева созданы и серийно производятся мобильные комплексы “Строй-П” и “Строй-ПМ”, в состав которых входят беспилотники – “Пчела-1М” и “Пчела-1Т” – в варианте наблюдателя поля боя (телеразведчика), “Пчела-ПМ” – в варианте постановщика помех радиоэлектронным средствам или воздушной мишени (радиоэлектронное подавление) и “Пчела-1ИК” – с гиросtabilизированной камерой с вариобъективами или инфракрасной ИК-аппаратурой, которые позволяют вести и наблюдение за местностью ночью и днем в условиях слабой освещенности.

Информация с беспилотников в реальном масштабе времени передается на телеэкраны наземного пункта управления с которого оператор может управлять сразу двумя “Пчелами” на удаление до 60 км. Стартует “Пчела” с разгонного устройства, посадка на парашюте. В экспортном варианте этот комплекс именуется “Малахитом” и один комплект такого комплекса с 10 БЛА стоит на мировом рынке 5 млн. долл.

Следующим поколением беспилотников, разработанных в ОКБ им. А.С.Яковлева для разведывательных и поисковых работ, наблюдения за объектами, контроля окружающей среды являются БЛА “Эксперт” и “Альбатрос”.

“Эксперт” – мини беспилотник, мас- сой 40 кг взлетает с катапульты и возвращаясь садится на грунт по самолетному варианту.

“Альбатрос” – массой 450 кг с двумя поворотными винтами на концах крыльев, которые обеспечивают вертикальный взлет и посадку, что позволяет использовать его на морских судах и кораблях ВМФ.

ОКБ А.Н. Туполева также с 1956 г занимается созданием беспилотной авиации. В 1958 г был впервые создан опытный образец беспилотника с боевой нагрузкой ТУ-121, но в то время все внимание было сосредоточено на создании ракетного оружия и поэтому этот уникальный проект был за- крыт.

В 1964 г. успешно прошел государственные испытания, был принят на вооружение и до 1979 г находился в эксплуатации комплекс дальней беспилотной воздушной разведки ДБР-1 “Ястреб”.

К комплексу предъявлялись ряд необычных, а порой почти невыполнимых в то время условий – полная автономность, высокая мобильность, боевое применение с подготовленных площадок, скорость полета до 2700 км/час, высота полета до 20 км, дальность полета около 3800. Три длиннофокусных фотоаппарата обеспечивали ширину фотографирования до 60 км, при этом общая площадь наблюдения составляла около 100000 км, что позволяло опознавать на снимках шпалы железнодорожного полотна.

Аппаратура радиотехнической разведки позволяла пеленговать все излучающие радиосредства военного назначения. Общий вес самолета составлял ~ 13 тонн. В последние годы осуществлялась модернизация всего комплекса, что привело к созданию “Ястреба-2” (шифр ТУ-139) многоразового применения. В последующем были созданы другие комплексы, в частности беспилотник тактической воздушной разведки “Рейс” (шифр – ТУ-143). В 1976 г он успешно прошел испытания и был принят на вооружение. С 1973 г по настоящее время было выпущено около 1000 БЛА такого класса. Фотоаппараты установленные на самолете – разведчике “Рейс” позволяли с высоты 500 м и скорости 950 км/час распознавать на земле предметы в 20 см. Этот тип БЛА закупили некоторые страны Европы и Ближнего Востока.

В последующем этот беспилотник был неоднократно модернизирован и усовершенствован, в него были введен ряд новшеств и он получил индекс “Рейс-Д”.

Основные его тактико-технические характеристики: длина – 8,315 м; размах крыльев – 2,25 м; высота – 1,54 м; взлетная масса – 1400 кг; скорость полета – 850–950 км/час; высота полета – 50–5000 м; дальность полета – 360 км; площадь разведки – 2100 км; аппаратура – фото, TV, ИК.

Автономность применения, возможность перебазирования на значительные расстояния своим ходом, возможность эксплуатации в любых условиях и любое время суток, получение качественной информации в реальном масштабе времени позволяют широко использовать этот тип БЛА как в войсках, так и в народном хозяйстве для оценки последствий стихийных бедствий, проведения широкомасштабной разведки радиоактивного заражения местности, землетрясения, наводнения и решения ряда других задач.

Пытается не отстать от передовых стран в развитии беспилотной авиации “ОКБ Сухого”. Здесь создается комплекс БАС-62 (беспилотная авиационная система гражданского назначения), которая по замыслу ее создателей должна по некоторым параметрам превосходить известный американский тяжелый беспилотник “Глобальный ястреб” (RQ-4A “Глобал Хок”), последний вариант которого может висеть в воздухе на высоте 21 км более 36 ч. БАС-62 с тяжёлыми беспилотниками С-62 должен обнаруживать воздушные, наземные и надводные цели (с передачей информации в реальном масштабе времени), осуществлять мониторинг гидро-метео-химической и радиационной обстановки, контроль за нефте-, газо- и электро-линиями передач, вести морское и пограничное патрулирование и решать другие задачи военного и гражданского назначения.

В беспилотную авиационную систему комплекса БАС-62 структурно входят: стационарный или мобильный Центр управления, который обеспечивает работу 12 авиационных комплексов БАК-62, каждый из которых имеет мобильный пункт контроля, управления и технического обслуживания, ряд других подсобных систем и обеспечивает работу трёх беспилотников С-62.

БЛА С-62 – это восьмитонный самолет с крейсерской скоростью – 400–500 км/час, безаэродромного базирования, многоразового использования. Взлет беспилотника осуществляется при помощи катапульты, посадка по авианосному на площадку размером 600 Ч 600 м.

ФГУП “МКБ Электрон” в инициативном порядке разработало, построило и испытало беспилотный авиационный комплекс “Вертикаль-20”, предназначенный для загоризонтного наблюдения, ведения оптико-электронной, радио-, радиотехнической, метеорологической, радиационной и химической разведки. Основу комплекса составляют БЛА “Вертикаль-20”, многоразового круглосуточного применения оптико-электронной аппаратуры, информация с которой по радиолинии передается на пункт управления.

В состав комплекса входят: 6 БЛА “Вертикаль-20”, станция управления, приемо-передающий терминал, пневматическая катапульта, улавливающая сеть, корректирующая аппаратура автоматической посадки и комплект средств технического обслуживания.

Управляет БЛА один оператор, другой оператор следит за работой бортовой видеоаппаратуры.

После выполнения задания беспилотник возвращается в свой район базирования и автоматически садится по-самолетному, на автодорогу или в улавливающую его сеть.

Основные ТТХ БЛА “Вертикаль-20”: размеры БЛА (длина, размах крыльев, высота) – 1,6 Ч 1,6 Ч 0,4 м; стартовая масса 20 кг; полезная нагрузка – 5 кг; продолжительность полета – 4 час; радиус действия – 60 км; практический потолок – 3000 м; типовой диапазон высот полета – 300–800 м; скорость – от 100 до 180 км/час; время подготовки к пуску – 15 мин.

Современным требованиям компактности и универсальности удовлетворяет созданный в последние годы в закрытом акционерном обществе (ЗАО) “ЭНИКС” г. Казань сверхлегкий носимый комплекс дистанционного наблюдения “ЭЛЕРОН-Т23” с БЛА-Т23, предназначенный для обнаружения закрытых сооружений (КП, РЛС и т.п.), транспортных средств и других объектов на хорошо замаскированной местности.

В состав комплекса входит сверхлегкий микро беспилотный аппарат (микро-БЛА) весом 2,8 кг, оснащенный электродвигателем, портативная станция управления (видеосмотровое устройство со стабилизированной телекамерой), приемопередатчик, антенная система и пусковое устройство.

Весь комплекс переносится одним человеком в специальном контейнере (масса 3 кг) и укладке-жилете. Управление беспилотником осуществляется в автономном или ручном режиме двумя операторами – оператором управления полетом и оператором старта и посадки.

Беспилотный летательный аппарат Т-23 с взлетной массой 2,8 кг может осуществлять разведку в радиусе 10–25 км, с высот до 3000 м в течение 60 мин. при скорости полета 60–120 км/час. При этом разрешающая способность аппарата на высоте 200 м составляет 0,1–0,3 м. Точность определения координат не превышает 25 м.

Большим преимуществом БЛА Т-23 является его практическая бесшумность, малая радиолокационная заметность, возможность запуска в любом месте с рук с помощью резинового жгута.

Возвращение и посадка беспилотника осуществляется с помощью парашюта.

Время подготовки к старту и повторному применению Т-23 не превышает 5–10 мин.

В народном хозяйстве он может быть незаменим для мониторинга противопожарной обстановки на значительных территориях, наблюдение за состоянием трубопроводов, линий электропередач, аэрофотосъемки и в других областях.

Как видно из приведенных данных работы по созданию беспилотной авиации в нашем

государстве ведутся, однако следует признать, что делается это в основном в инициативном порядке без государственного финансирования.

По заявлению самих разработчиков сейчас Россия отстает от ведущих авиационных стран мира в области создания беспилотных летательных аппаратов на одно-два поколения, финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по БЛА практически равно нулю.

Российские специалисты, работающие в этом направлении, считают, что решить эту проблему в правильном направлении можно, приняв единую специальную “Государственную программу разработки беспилотных летательных аппаратов”, ориентированную на создание таких БЛА для гражданских и военных потребителей, число которых с каждым годом будет увеличиваться.

При этом необходимо также учесть и быстро расширяющийся международный экспортный рынок.

С каждым годом суммарный объем мирового рынка беспилотной авиации увеличивается почти в геометрической прогрессии.

Если в 1998 г. он составлял 2,07 млрд. долл., то в 2000 г. уже 6,87 млрд. долл., на 2005 г. планируется увеличение до 10 млрд. долл. Россия не имеет права упустить эту возможность.

Её важная задача – создавать вполне современные и конкурентоспособные модели беспилотных летательных аппаратов и продавать их на международном рынке.

Литература

1. Jane International Defense Review. 2002. August. P. 30, 31; October P. 53–62. May 2003. P. 16, July 2003. P. 13.
2. Janes Defense Weekly. 2003. 18 Jun. P. 31.
3. Armada International. 2003. P. 61.
4. Flight International. 28 January, 03 February, 2003. P. 20, 21.
5. Jane International Defense Review. 2004. April. P. 26, 27.
6. Интефакс-АВН (12.05.2003).
7. Новости “МАКС”, № 2. 2001.
8. Militar.